

Ф Р Е Н К Х Е Р Б Е Р Т

Л О В Е Ц Д У Ш

РАЛЬФУ И ИРЕН СЛЭТТЕРИ,
БЕЗ ЛЮБВИ И РУКОВОДСТВА КОТОРЫХ
ЭТА КНИГА НИКОГДА БЫ НЕ ПОЯВИЛАСЬ

Когда отец мальчика прибыл в Лагерь Шести Рек, ему показали ряд вещей, которые персоне менее важной могли бы и не предъявить. Только отцом был сам Говард Маршалл, а это означало Госдепартамент и связи с другими шишками из столицы: поэтому были показаны так называемая записка похитителя и газетные вырезки, которые человек из ФБР доставил в лагерь утром.

Объясниться с Маршаллом следовало. Это был человек, для которого кризисные состояния и необходимость принятия решений были частью жизни. В ответ на вопрос он сказал:

- Видите ли, я очень хорошо знаю все это Северо-Западное Побережье. Мой отец валил здесь лес. В детстве и юности я провел здесь много счастливых дней. Мой отец брал индейцев к себе на работу, если только находил желающего трудиться. Платил он им столько же, сколько и всякому другому. Относились к индейцам у нас хорошо. Так что я не могу понять, почему это похищение коснулось моей семьи и меня лично. Должно быть, человек, похитивший Дэвида - сумасшедший.

* * *

Из ЗАЯВЛЕНИЯ доктора Тиммана Бартона, отделение антропологии Университета штата Вашингтон:

Не могу поверить в случившееся. Чарлз Хобухет не может быть сумасшедшим убийцей, каким вы его представили. Это невозможно. Не мог он похитить этого парня. И не надо думать о нем как о преступнике или индейце из дешевого комикса. У Чарлза уникальный интеллект, это один из лучших студентов, которые были у меня когда-либо. Он исключительно честен, у него глубокое и тонкое чувство юмора. А относительно этой ситуации... Может это какая-то дурацкая шутка. Давайте, лучше я покажу некоторые его работы. Я сохранил копии всех работ Чарлза, которые он писал для меня. Мир еще узнает о нем когда-нибудь...

* * *

Из СТАТЬИ в газете "# Пост-Интеллиндженсер" ##, Сиэтл:

Самая интенсивная охота на человека в истории штата Вашингтон сегодня ведется в дремучем лесу и, возможно, затронет безлюдные пространства Олимпийского Национального Парка. Официальные представители закона считают, что Чарлз Хобухет, активист движения индейцев за свои права, находится где-то в этом районе со своей похищенной жертвой, тринадцатилетним Дэвидом Маршаллом, сыном только что назначенного заместителя Госсекретаря США.

Правда, поисковики делают поправку и на то, что этих двоих видели в других местах. Часть поисков сосредоточена на ин-

дейской резервации в северо-западной части штата. В розыске примут участие индейские следопыты, а так же вызванные из Валла поисковые собаки.

Поиски начались вчера после установления факта отсутствия Маршалла-младшего в престижном детском Лагере Шести Рек и нахождения так называемого письма похитителя. Оно было подписано псевдонимом Хобухета - "Катсук", и в нем сообщается, что мальчик будет принесен в жертву по древнему индейскому обряду.

* * *

ПИСЬМО, оставленное в Кедровом Доме, Лагерь Шести Рек, Чарлзом Хобухетом - Катсуком:

Я взял невинного из вашего народа, чтобы принести его в жертву за всех невинных, убитых вами. Этот Невинный уйдет вместе с иными невинными в обитель духов. Тем самым сохранится земное и небесное равновесие. И это я - Катсук - сделал это. Думайте обо мне только лишь как о Катсуке, а не как о Чарлзе Хобухете. Я есть нечто большее, чем сенсорная система со своими склонностями. Я эволюционировал гораздо дальше вас, называемых хокватами. Чтобы увидеть вас, я гляжу назад. Я вижу, что вся ваша жизнь основана на трусости. Ваше правосудие выросло из иллюзий. Вы говорите мне, что хороши лишь не имеющие предела производство и потребление. И тут же ваши биологи говорят мне, что это рак, что это грозит гибелью. Так кого же из хокватов мне слушать? Сами вы не слушаете никого. Вы считаете, что вольны делать все приходящее вам на ум. Но, думая так, вы все так же боитесь освободить свой дух от связующих его пут.

Катсук скажет вам, почему это так. Вы боитесь творить, потому что творения ваши отражают вашу истинную суть. Вы верите в то, что могущество ваше заключено в раз и навсегда данном знании, которое вы сами вечно ищете, как дети ищут мудрости у родителей. Я изучил это, наблюдая за вами в ваших же хокватских школах. Но сейчас я стал Катсуком - величайшей силой. Я принесу вашу плоть в жертву. И тем самым я уничтожу ваш дух. Корень древа вашего в моей власти.

* * *

В день отъезда в лагерь Дэвид Маршалл проснулся очень рано. Прошло всего две недели, как ему исполнилось тринадцать лет, и сейчас он размышлял о том, каково это - когда тебе тринадцать, не желая вылезать из теплой постели. Все было не так, как в двенадцать, только вот различия он уловить не мог.

Какое-то время он играл сам с собой в игру, будто потолок над кроватью взлетает, в то время как веки не хотят открываться. На дворе ярко светило солнце, лучи пробивали себе дорогу сквозь развесистые листья клена, затенявшего окно спальни.

Не открывая глаз, он пытался ощутить мир, окружавший его дом - обширные луга на склонах, тщательно ухоженные цветы и кустарники. Это был мир, пропитанный тягучим спокойствием. Временами, размышляя о этом мире, Дэвид ощущал вздымающееся в нем будто отдаленный барабанный бой волнение.

Мальчик открыл глаза. Теперь он представил, что размытые тени на потолке - это горизонт: гряда за грядой горы спускаются к песчаному берегу.

Горы... песчаные пляжи... Все это он увидит завтра, когда придет в лагерь.

Дэвид повернулся в постели и поглядел на лагерное снаряжение, громоздящееся на стуле и полу, брошенное там, где вчера вечером они с отцом собирали вещи: спальный мешок, рюкзак, одежда, обувь...

И там же лежал нож.

Нож волновал мальчика.. Это был самый настоящий поясной нож марки "Рассел", сделанный в Канаде - подарок отца ко дню рождения две недели назад.

В воображении Дэвида от ножа исходил низкий гул дикой природы. Это был инструмент для мужчины, настоящее мужское оружие. Для Дэвида нож был связан с кровью, темнотой и независимостью.

Слова отца добавили ножу волшебства:

"Это не игрушка, Дэив. Научись безопасно пользоваться им. Обращайся с ним уважительно."

В голосе отца чувствовалось какое-то сдержанное напряжение. Глаза взрослого следили за сыном с рассчитанным вниманием. После каждой фразы следовало молчание.

По двери спальни комнаты, нарушая мечтательное настроение, заскреблись ногти. Дверь открылась, и в комнату скользнула миссис Парма. Она была одета в длинное, черное с синим сари, покрытое тоненькими красными полосками. Женщина двигалась с беззвучной грацией, но в появлении ее была грубая настойчивость сигнала гонга.

Дэвид проследил за ней взглядом. Он вечно чувствовал себя неловко при ее появлении.

Миссис Парма проскользнула к затененному кленом окну и плотно закрыла створку.

Натянув простыню до подбородка, Дэвид следил за ней, а когда женщина повернулась, дал знать кивком, что заметил ее появление.

- Доброе утро, молодой человек.

Слова с отрывистым британским акцентом, исходящие из ее пурпурных губ, никогда не предназначались ему напрямую. Ее глаза тоже беспокоили его. Они были слишком большими, скошенными, как будто оттягивались собранными в пучок лоснящимися волосами. Вообще-то, звали ее не Парма. Имя только начиналось с "Парма", но было гораздо длиннее и заканчивалось странным прищелкивающим звуком, которого Дэвиду никак не удавалось воспроизвести.

Он еще сильнее натянул простыню и спросил:

- Папа уже уехал?

- Еще до рассвета, молодой человек. До столицы вашего народа путь неблизкий.

Дэвид нахмурился и стал ждать, когда она уйдет. Странная женщина. Его родители привезли её из Нью-Дели, где его отец был советником посольства.

В те времена Дэвид жил с бабушкой в Сан-Франциско. Он слушался людей со снежно-белыми, седыми волосами, в распоряжении которых были скромные слуги и тихие, холодные голоса. И вообще, это было какое-то тягучее время с очень редкими просветами живой жизни. "Твоя бабушка дремлет. Ты же не хочешь беспокоить ее?" Для мальчика это время тянулось долго-предолго. Гораздо сильнее от этого времени в памяти отпечатались воспоминания о бурных визитах родителей. Они нарушали замкнутое спокойствие дома: смех, пляж, романтика и полные руки экзотических подарков.

Только головокружительное веселье от контакта с людьми

другого покроя всегда когда-нибудь заканчивалось, оставляя в душе мальчика чувство разочарования посреди запахов чая и пыльных духов - страшное чувство, будто тебя покинули и забыли.

Миссис Парма осматривала одежду, лежащую у кровати. Прекрасно понимая, что мальчик хочет, чтобы она ушла, женщина сознательно тянула время. Тело её составляло единое целое со складками сари. Ногти были слишком ярко-розовыми. Когда-то она показывала ему на карте, где расположен её родной город. А еще у неё была выцветшая фотография: дома со стенками из необожженной глины, дерева без листьев, мужчина, весь в белом, стоящий с велосипедом, под мышкой скрипичный футляр. Её отец.

Миссис Парма повернулась и поглядела на Дэвида своими перепуганными глазами. Она сказала:

- Ваш отец попросил меня напомнить, когда вы проснетесь, что машина придет точно вовремя. У вас есть один час.

Она потупила глаза и направилась к двери. Сари лишь намекало на движения ног. Красные полосы на ткани плясали будто искорки в костре.

Дэвиду всегда было интересно знать, о чем она думает. Её спокойное, тихое поведение всегда оставалось для него загадкой. Вдруг она смеялась над ним? Или считала, будто поездка в лагерь - это какая-то глупость? Да она хоть понимает, куда он отправляется, где находятся Олимпийские горы?

Мальчик заметил последний отблеск ярко-накрашенных ногтей, когда женщина вышла, закрыв за собой дверь.

Дэвид соскочил с кровати и начал одеваться. Когда дело дошло до ремня, он закрепил на нем нож в ножнах. Клинок оттягивал пояс на бедре, когда мальчик чистил зубы и пытался зачесать назад свои русые волосы. Подойдя поближе к зеркалу, он мог видеть темную рукоять ножа с выжженными на ней буквами: ДММ. Дэвид Моргенштерн Маршалл.

И лишь только тогда он спустился к завтраку.

* * *

Из ЗАКЛЮЧЕНИЯ доктора Тиммана Барта, отделение антропологии Университета штата Вашингтон:

Слово " катсук " имеет множество толкований в родном языке Хобухета. Оно означает " центр " или сердцевину, откуда исходят все восприятия. Это центр мира или даже всей Вселенной. Это место, где происходит осознание индивидуальности. Лично у меня никогда не было сомнений, что Чарлз отдает себе полный отчет в своих поступках, и могу понять, почему он принял такой псевдоним.

Вы видели написанные им работы. Одна из них, где он проводит сравнение мифа своего народа о Вороне с мифом Творения западных цивилизаций, весьма показательна и волнующа. Он ищет в ней связь между реальностью и сновидениями - сами мы пытаемся преодолеть судьбу путём бунта, мы накапливаем силы зла для разрушения. Долгое время мы остаемся верными Великим Деяниям даже после того, как те покажут нам свой пустой блеск. А здесь... Отметьте хотя бы его сравнение наших утраченных восприятий:

"... рыбки глаза, похожие на скисшее снятое молоко, глядят на тебя будто нечто, пока еще живое, хотя они и не могут обладать жизнью."

Это наблюдения человека, способного на многое, великое, сравнимое с некоторыми подвигами в нашей западной мифологии.

* * *

Все это началось, когда его всё ещё звали Чарлзом Хобухетом - хорошим# индейским ##именем для# Хорошего Индейца.

Итак, пчела опустилась на тыльную сторону левой руки Чарлза Хобухета. Тогда еще не было никого с именем Катсук.

Его внимание привлекла темно-красная кленовая ветвь, поднимающаяся от самого дна ручья в неподвижности полудня.

Пчела была черной с золотом, лесная пчела, даже, скорее, шмель семейства Apidae. Это имя с жужжанием промелькнуло в его сознании как память о днях, проведенных в школе бледнолицых.

Где-то высоко над ним горная гряда опускалась вниз, к Тихому Океану - часть Гор Олимпик, похожая на кривой корень ста-
родавней ели, хватающейся за землю для того, чтобы устоять.

Солнце здесь, наверху, было еще теплым, но по течению ручья с гор спускался холод зимы, чтобы ледником попасть на эти покрытые весенней зеленью склоны.

Вот и с пчелой тоже пришел холод. Однако, это был особен-
ный холод, сковавший душу льдом.

Но тогда эта душа принадлежала еще Чарлзу Хобухету.

Правда, он уже провел древний обряд с палочками, тетивой и обломками кости. Исходящий от пчелы лед подсказал, что ему следует взять себе имя. Если он сейчас же не возьмет себе имени, то существует опасность потерять обе свои души: душу собственного тела и ту душу, что ходит в нижнем или верхнем мире вместе с его истинным естеством.

Неподвижность пчелы на руке делала это очевидным. Он чувствовал самых разных духов: людей, зверей, птиц - все в одной пчеле.

И он прошептал: " Алкунтам, помоги мне."

Но верховный бог его народа не дал ответа.

Блестящая зелень листьев на винно-красной кленовой ветви прямо перед ним заполнила все поле зрения. По коре расползлись лишайники. Конденсирующиеся капли влаги падали дождем на сырую землю. Он через силу заставил себя отвернуться и поглядел на другой берег ручья, где стояло несколько ольховых деревьев, белизна стволов которых выделялась на темной зелени кедров и елей, растущих на дальнем склоне.

Трепещущие осины, чьи листья смешались с ольховыми, отвлекали его сознание, забивали разум. Внезапно он почувствовал, что нашел свое второе " я ", связанное с окружающим, влияющее на него и все понимающее. Он утратил ясность логического мышления и воспринимал сразу обе части своего бытия, что внезапно стали чрезвычайно концентрированными, лишенными всего наносного. Все лишнее как бы стекло с него и переместилось в осину.

И он подумал: # Я центр мироздания, его сердцевина!

После этого пчела заговорила с ним:

- Это я, Таманавис, говорю с тобой...

Слова гроыхали в его сознании, называя его истинное имя.

Он громко повторил его:

- Катсук! Меня зовут Катсук.

Катсук.

Это было многообещающее имя, в нем была сила.

Теперь, став Катсуком, он познал все значения этого слова. Он был " Ка-", приставка, означающая любого человека. И он был " тсук " - мифической птицей. Человек - птица! В нем теперь были корни множества значений: кость, синий цвет, блюдо для еды, дым, брат... и душа.

И еще раз он повторил:

- Меня зовут Катсук. Я - Катсук!

Обе души слились в одном теле.

Он глядел на чудесную пчелу на своей руке. Пчела стала самым дальним его воплощением. А пока он подымался, только подымался.

Если он о чем и думал, то лишь о предстоящем суровом испытании. Это испытание он установил сам себе после горечи, после умственных озарений в ходе познания древних идей, по ходу размышлений о боязни утратить свой собственный путь в мире белого человека. Его индейская душа прогнила, когда он жил в мире бледнолицых. И все же дух заговорил с ним.

Дух истинный и древний.

Глубоко внутри своего сокровенного бытия он знал, что интеллект и образование, пусть даже образование белых, стали его первыми проводниками в ходе сурового испытания.

Он размышлял о том, как начинал свой подвиг, еще будучи Чарлзом Хобухетом. Тогда он дождался полнолуния и прочистил кишечник, напившись морской воды. Еще он поймал выдру и вырезал у неё язык.

Кушталюте - символ языка!

Давным - давно его дед объяснил ему все подготовительные действия, обучая древнему знанию. Дед говорил тогда: "Шаман превращается в человеко-зверя, одаренного духом. Великий Дух не желает, чтобы звери делали человеческие ошибки."

И вот теперь Чарлз вступил на путь деда.

Он носил# Кушталюте## в мешочке из мошонки оленя,висящем на шее. Теперь он пришел в эти горы. Он следовал по древней лосиной тропе между ольхами, елями и диким хлопчатником. Заходящее солнце было у него за спиной, когда он захоронил# Кушталюте##под полусгнившей колодой. Он захоронил его там, где никогда не обнаружит его, но именно здесь придет к нему язык духов.

И все это во имя страданий своего духа.

Он думал:# Все началось после изнасилования и бессмысленной смерти моей сестры. После смерти Яниктахт... маленькой # Ян...

Хобухет потрянул головой, чтобы избавиться от навесивших на него воспоминаний. Банда пьяных лесорубов увидела Яниктахт, идущую в одиночку и захватила ее юное, наполненное весенней радостью тело. Её изнасиловали, девушка забеременела и с горя покончила с собой.

А её брат стал "бродящим в горах".

Вторая часть его души - та, что должна была все понимать и сочувствовать - ухмыльнулась презрительно и сказала: "Изнасилованиям и самоубийствам столько же лет, сколько всему человечеству. А с другой стороны - ведь это же была сестра Чарлза Хобухета. Тебя же зовут Катсук."

И тогда он стал размышлять как Катсук:# Лукреций лгал! # Знания вовсе не освобождают человека от страха перед богами!

Все окружающее лишь подтверждало эту истину: солнце плыло над горными грядками, по небу скользили облака, повсюду буйная зелень.

Наука бледнолицых началась с магии, но никогда не продвинулась дальше. Эта наука постоянно давала сбои из-за недостатка результатов, древние же пути познания все ещё сохраняли свою потенцию. Несмотря на насмешки и оскорбления, обладатели древних знаний достигали того, о чем рассказывалось в легендах.

Его бабка входила в Братство Орла, а тут еще пчела заговорила с ним. Он очистил свое тело жесткими листьями тсуги, так что кожа стала кровоточить. Волосы на голове он стянул

лентой из красной кедровой коры. Питался он лишь одними горькими кореньями, пока под кожей не выступили рёбра.

Как долго бродил он в этих горах ?

Вновь подумал он о пройденном пути: земля настолько сырая, что с каждым шагом брызжет вода, могучие ветви над головой закрывают солнце, все вокруг заросло настолько, что видно всего лишь на пару метров в любом направлении. В каком-то месте он прорвался через кусты к ручейку, втекавшему в глубокий, тихий каньон. Человек шел с течением ручья, направляясь к парящим впереди вершинам... вперед... вперед. Тоненькая струя воды превратилась в полноценный ручей, несущий свои воды вниз, под тем местом, где стоял он сейчас.

Вот это место !

Внутри Чарлза Хобухета пробудилось нечто живое.

Внезапно он почувствовал в себе всех уже неживущих прародителей, страстно желающих этого его превращения. Его разум пронзило понимание нескончаемого движения, перетекания между местами обычного проявления жизни, постоянной готовности, настороженности, не знающей ни дня, ни ночи. Теперь он узнал, что это за пчела !

И он сказал.

- Ты Куоти, Изменяющий.

- А кто ты такой ?

- Я - Катсук.

-# Кто## ты ? - Этот вопрос прогремел в его сознании.

Он превозмог страх и подумал:# Гром не страшен. То, что # пугает зверя, не пугает человека. Так что же есть я?

Ответ пришел к нему, поскольку один из его предков знал его. И он ответил:

- Я один из тех, кто со всем тщанием следует обряду. Я один из тех, кто не смог по-настоящему надеяться открыть силу духа.

- Теперь ты знаешь.

Все мысли человека всколыхнулись, обеспокоились, как будто в садке забилась громадная рыба.

Что я знаю?

Окружающий мир все так же был напоен солнечным светом, запахами и шумом ручья. В ноздри бил все тот же грибной запах сгнившего дерева. Густая тень листьев нанесла пурпур на пчелу, устроившуюся у него на руке.

Человек очистил свои мысли от всего лишнего, кроме одного: того, что необходимо было узнать от духа, балансирующего на его руке. Пчела заморозила его собственное время - милая, толстая и смешная пчела. Но это она же подняла рой беспокойных воспоминаний, ненормально обострила все его чувства. Эта пчела...

Вновь к нему вернулся образ Яниктахт. При этом страдание пронзило его до мозга костей. Яниктахт - которая не живет уже шестьдесят ночей. Шесть десятков ночей с того момента, когда она утопила свой стыд и безнадежность в море.

Он вспомнил себя, склонившегося над незарытой могилой Яниктахт, пьяного от мучений, пронизываемого лесным ветром.

Сознание вернулось к нему. Он вспомнил себя веселым, счастливым мальчишкой на берегу, скачущим по мокрому песку, убегающим от волн. И ему вспомнился выброшенный морем кусок дерева в форме мертвой, иссохшей руки, валявшийся на песке.

Только вот был ли это кусок деревяшки ?

Он почувствовал опасность, исходящую от этих мыслей. Кто знает, куда они могли завести его? Образ Яниктахт померк, исчез, будто мысли эти были каким-то образом связаны. Он попы-

тался вызвать в памяти её лицо. Оно вернулось вместе с нечетким видением молоденьких тсуг... поросшего мхом места в лесу, где пьяные лесорубы насиловали девушку... один за другим...

Его разум отказывался воспринимать что-либо, за исключением куска дерева, принесенного океаном на излучину берега, где он когда-то игрался.

Он чувствовал себя старым глиняным горшком, из которого за ненадобностью были выброшены все эмоции. Окружающее ускользало от него, всё, за исключением духа на тыльной стороне руки. Чарлз думал: # все мы будто пчелы, весь мой народ. Мы раз-
биты на множество осколков, но каждый из нас остается таким же
опасным как пчела.

И, в свою очередь, до него дошло, что создание на его руке должно быть чем-то намного большим, чем Изменяющий - гораздо более сильным, чем # Куати.

Это Похититель Душ!

Сейчас в человеке боролись страх и радостное волнение. Это был величайший из духов. Достаточно ему было ужалить человека, и тот мог превратиться в ужасное чудовище. Он, Чарлз, станет пчелой для своего народа. Он станет творить ужасные, страшные вещи, он будет нести смерть.

Он ждал, с громадным трудом пытаясь вздохнуть.

Но вдруг Пчела не пошевелится? Вдруг они так и застынут на вечные времена? Всё его сознание напряглось, натянулось будто готовый вот-вот лопнуть лук. Все его эмоции отнесло куда-то во мрак, где не было ни малейшего просвета. Его окружало только пустое небо.

Он размышлял: "Как странно, что такое маленькое создание обладает громаднейшей духовной силой, более того - оно само # является## духовной силой, Похитителем Душ!"

И вдруг пчелы на его теле не стало. Вот только что она сидела здесь - и её уже нет, осталось только пятнышко солнечного света, тонированное лиственной тенью, выделяющее рисунок вен под смуглой кожей.

Тень его собственного существования!

Теперь Пчела виделась ему во всех мельчайших подробностях: раздутое брюшко, вытянутая паутинка крыльев, цветочная пыльца на лапках, остроконечная стрелка жала.

Послание, заключенное в этом застывшем мгновении, чистым голосом флейты проникло в сознание человека. Если Дух мирно улетит, для человека это будет сигналом отмены приговора. Он мог бы вернуться в Университет. На следующий год, через неделю после своего двадцатилетия, он защитил бы диссертацию по антропологии. Он стянул бы с себя весь первобытный ужас, охвативший его после смерти Яниктахт. Он стал бы имитацией белого человека, потерянного для этих гор и для нужд его собственного народа. Эта мысль опечалила его. Если Дух оставит его, он может забрать с собой обе души человека. А без душ тот может умереть. Он не смог бы пережить стыда.

Очень медленно, после какого-то многовекового размышления, Пчела направилась к суставам пальцев. Это был момент, сравнимый с тем, когда оратор овладевает вниманием аудитории. Фасеточные глаза включили человеческое существо в фокус своего зрения. Брюшко Пчелы согнулось, торакс сократился... Человек почувствовал наплыв страха, поняв, что стал избранным.

Жало вонзилось точно в нервный узел, удаляя все мысли и погружаясь все глубже, глубже...

Человек услышал послание Таманавис, главнейшего из Духов, как барабанный бой, заглушивший удары сердца: # Ты должен найти
белого человека с абсолютно невинной душой. И ты обязан убить

эту Невинность бледнолицых. Пусть твой поступок станет извес-
тен в твоём мире. Пусть твоё деяние станет тяжкой рукой, сжи-
мающей сердца белых. Они обязаны почувствовать это. Они дол-
жны услышать об этом. Одна невинная душа за все иные невинные
души!

Рассказав о том, что следует ему сделать, Пчела взлетела.

Человек следил взглядом за её полётом и потерял её из ви-
ду в гуще кленовых листьев на другом берегу ручья. Теперь же
он чувствовал шествие древних родовых теней, ненасытных в сво-
их требованиях. Все ушедшие из этого мира до него, предстали
перед ним будто неизменное поле, которое замкнуло его прошлое
существование. И, сравнивая себя с этим полем, он увидел, как
изменился сам.

Убей Невинного!

Стыд и смущение иссушили его горло и рот. Человек
чувствовал, что вся его внутренняя суть выжжена и лишена силы.

Его внимание привлекло солнце, перекатывающееся над высо-
кой горной грядой. Листья касались его рук, глаз. Он знал, что
прошёл период искушения и через запертую ранее дверь вступил в
область чудовищного могущества. Чтобы удержать эту силу в се-
бе, ему придется вступить в соглашение со второй частью свое-
го внутреннего "я". Теперь он мог быть лишь одним - Катсуком.

Он сказал:

- Меня зовут Катсуком. Я есть Катсук.

Слова принесли успокоение. Духи воздуха и земли были с
ним, ибо были его предками.

Он решил подняться по склону. Его шаги вспугнули с места
белку-летягу. Она скользнула с одной ветви на другую. Коричне-
вое тельце скрылось в зелени. Всякая жизнь в его присутствии
пыталась спрятаться, застыть на месте. Вот каким было теперь
его влияние на жизнь.

Человек думал: # Помните меня, лесные создания. Помните
Катсука, как будет его помнить весь мир. Я - Катсук! Через де-
сять тысяч ночей, через десять тысяч времен года этот мир все
еще будет помнить Катсука и его значение!

* * *

Фрагмент РАДИОПЕРЕДАЧИ "Новости Сиэттла":

Мать похищенной жертвы прибыла в Лагерь Шести Рек вчера,
приблизительно в пол-четвертого вечера. Она прилетела на одном
из четырех вертолётов, выделенных для поисков лесопильными и
сплавными компаниями Северо-Запада. Когда она выходила, чтобы
встретиться с мужем, на её щеках были видны следы слёз.

Она сказала: "Любая мать понимает то, что чувствую я сей-
час. Пожалуйста, оставьте нас с мужем одних".

* * *

Солнце заливало столовую, за окнами которой были видны
ухаженные газоны и их частный ручей. Когда Дэвид сел напротив
матери, чтобы позавтракать, в голосе женщины чувствовались
нотки раздражения. Хмурый взгляд проложил резкие вертикальные
морщины на её лбу. Вены на левой руке приняли оттенок ржавчи-
ны. На матери было нечто розовое и кружевное, желтые волосы
встрепаны. Вся столовая была наполнена ароматом её лавандовых
духов.

- Дэви, - сказала она, - надеюсь, что ты не возьмёшь в
лагерь этот свой дурацкий нож. Ради Бога, ну что ты будешь с

ним там делать ? Мне кажется, твой отец был не в своём уме, когда дарил тебе такую опасную вещь.

Мать позвонила в маленький колокольчик, позвав кухарку с завтраком для Дэвида.

Мальчик не отрывал взгляда от крышки стола, в то время как розовая рука кухарки ставила перед ним тарелки. Хлопья с молоком были такими же жёлтыми как и скатерть на столе. От тарелки исходил запах земляники, которую смешали с хлопьями. Теперь Дэвид уставился на свои ногти.

- Ну ? - спросила мать.

Иногда её вопросы ответа не требовали, но это " Ну " давило. Мальчик поглядел на женщину.

- Мама, в лагере у каждого есть нож.

- Зачем ?

- Ну, чтобы отрезать что-нибудь, вырезать по дереву и тому подобные вещи.

Он принялся за еду. И ел целый час - надо было тянуть время.

- Ты отрежешь себе пальцы, - сказала мать. - Я просто запрещаю тебе брать с собой такую опасную штуку.

Дэвид пережевывал хлопья, глядя на мать таким же образом, как делал это отец, продумывая возможные контрдействия. За окном ветер шевелил деревья, окружающие газон.

- Ну ? - настаивала мать.

- Ладно, что ж поделать, - сказал её сын. - Всякий раз, когда мне понадобится нож, придётся просить у кого-нибудь из ребят.

Он снова набил рот хлопьями, отдававшими кислотой земляники, ожидая её ответа и расценивая возможность поездки в лагерь без ножа. Дэвид знал ход материнских рассуждений. Её отцом был Проспер Моргенштерн. А Моргенштерны всегда имели всё только лучшее. Если он собирается# каким угодно путем## взять нож в лагерь...

Мать закурила сигарету, рука с зажигалкой отдернулась. Потом она выпустила изо рта струю дыма.

Дэвид снова принялся за еду. Мать отложила сигарету и сказала:

- Ну, ладно. Только будь поосторожнее.

- Я буду делать только так, как показывал папа.

Мать глядела на него, барабанила по столу пальцами левой руки, при этом на безымянном пальце вспыхивал бриллиант.

- Даже и не знаю, что делать, когда оба мои мужчины уедут.

- Сегодня папа будет уже в Вашингтоне.

- А ты в своём дурацком лагере.

- Ведь это же самый лучший лагерь !

- Будем надеяться, что это так. Знаешь, Дэви, нам всем придётся переехать на Восток.

Сын кивнул. После последних выборов его отец приехал сюда, в Кермел Волли, и вернулся к частной практике. На три дня в неделю он ездил в другой город, Пенинсулу. Иногда к нему на уик-энды приезжал и Проспер Моргенштерн. В городе у семьи были апартаменты и женщина, присматривающая за квартирой.

А вчера отцу позвонил кто-то важный из правительственных кругов. Потом были и другие звонки, в доме рос переполох. Говарда Маршалла назначили на очень важную должность в Госдепартаменте.

- Мам, ведь как смешно получилось, а ?

- Что, дорогой ?

- Папа едет в Вашингтон, и я тоже.

- Но ведь это же другой Вашингтон, - улыбнулась мать.

- Всё равно, в честь одного и того же человека.

- И в самом деле.

В столовую скользнула миссис Парма.

- Простите, мадам. Я сказала Питеру, чтобы он уложил вещи молодого мастера в машину. Может нужно что-то ещё ?

- Благодарю, миссис Парма. Это всё.

Дэвид подождал, пока миссис Парма выйдет, потом сказал:

- В буклете про лагерь говорилось, что у них там есть воспитатели - индейцы. Они будут похожими на миссис Парму ?

- Дэви ! Ну# хоть чему-нибудь## учат тебя в твоей школе ?

- Я знаю, что индейцы бывают разные. Так мне интересно, если их называют индейцами только потому, что они похожи на неё...

- Какая странная мысль. - Она покачала головой, поднялась из-за стола. - Иногда ты напоминаешь мне своего дедушку Моргенштерна. Он привык считать, будто индейцы - это одно из пропавших колен Израилевых. - Она пожала плечами, провела рукой по столу, потом поглядела на нож, висящий на поясе сына. - Так ты# будешь## осторожен с этим идиотским ножом ?

- Я буду делать всё так, как говорил папа. Не бойся.

* * *

СПЕЦИАЛЬНЫЙ АГЕНТ Норман Хосбиг, ФБР, отделение в Сиэттле.

Я уже отвечал на этот вопрос. Надеюсь, что могу сказать, у нас имеются кое-какие догадки о том, что индеец может быть психически ненормальным. Хочу заострить на этом внимание. Это всего лишь возможность, которую мы не исключаем при оценке данной проблемы. Существует такая же вероятность, что он лишь притворяется ненормальным.

* * *

Положив руки под голову, Катсук растянулся на своей кровати в темноте Кедрового Дома. В туалете на другой стороне коридора в унитазе громко капала вода. Этот звук помогал расслабиться. Мужчина плотно закрыл глаза и увидел пурпурное свечение под веками. Это было пламя духа, знамение предопределённости. Комната, весь дом со спящими мальчиками, весь лагерь - всё отметалось от центра, каким стало пламя духа Катука. Духи послали ему знамение: нашлась подходящая жертва, Невинный.

Здесь, в этом доме, спал сын важной шишки, к которой будет привлечено широчайшее внимание. Теперь никто не может помешать Катуку.

Уже давно подготовившись для такого случая, он одел набедренную повязку, сделанную из шерсти белой собаки и горного козла. Талию обтягивал пояс из красной кедровой коры, на нём висела сумка из мягкой оленьей кожи с необходимыми ему вещами: связанные полоской кедровой коры священные палочки и кость, старинный каменный наконечник стрелы с берега Одетты, перья ворона, чтобы оперить обрядовую стрелу, тетива из скрученных моржовых кишок; ремешки из лосиной кожи, чтобы вязать жертву; жевательная еловая смола, завернутая в листья... пух морской утки... свирель...

Много лет тому назад двоюродная бабка сделала ткань для его набедренной повязки, горбясь над ткацким станком в дымном полумраке своего домишки в речной дельте. Сумка и клочки пуха были освящены племенным шаманом ещё до того, как пришли бледнолицые.

На ногах у Катука были мокасины из лосиной кожи, расшитые бисером и крашеными иглами дикобраза. Яниктахт сделала эти мокасины два лета назад.

Время её жизни прошло.

Катсук испытывал какое-то странное чувство, исходящее от мокасин. Яниктахт была с ним, здесь, в этой комнате. Её руки касались той кожи, которую она сшивала когда-то. Это её голос заполнял темноту, в нем был и самый последний ее вскрик.

Чтобы успокоиться, Катсук сделал глубокий вдох. Ещё не время !

Вечером упал туман, но с приходом ночи его унёс сильный юго-западный ветер. Этот ветер пел Катуку голосом дедовой свирели, той самой, что лежала в сумке. Катсук подумал о своем деде: крепком, с узким лицом мужчине, который в иное время мог бы стать шаманом. Но у него не было посвящения, и он был скрытым, теневым шаманом, поскольку знал и помнил все древние обряды.

- Я сделал это для тебя, дедушка, - прошептал Катсук.

Всеми своё время. Оборот судьбы свершился ещё раз, чтобы восстановилось древнее равновесие.

Однажды его дед развел колдовской костёр. Когда пламя разгорелось, старик заиграл тихую, простую мелодию на своей свирели. И вот теперь в сознании Катука звучал дедовский напев. Потом он подумал о мальчике, спящем здесь, в доме - Дэвиде Маршалле.

Ты попадешь в силки этой свирели, бледнолицый Невинный.
Корни твоего дерева в моих руках. Твое племя узнает, что такое смерть и уничтожение!

Мужчина открыл глаза. Бледный свет Луны стекал в комнату через единственное окно, отбрасывая на стену слева от кровати искривленную тень дерева. Катсук наблюдал за колышущейся тенью, видимым отражением ветра.

Вода всё так же продолжала капать. В воздухе комнаты был растворён неприятный запах. Очень антисептическое место ! Ядовитое место ! Уборщики вышкурили весь дом вонючим мылом.

" Я емь Катсук!"

Его " я " вышло из рамок личности, ощущая теперь лагерь и всё окружающее. Вдоль южной границы лагеря через поросль ёлок вилась тропинка. Пять сотен и двадцать восемь шагов вела она по заболоченной почве, покрытой выступающими корнями, к древней лосиной тропе, поднимающейся в заповедник Национального Парка.

Катсук думал:

Это моя земля! Моя земля! Эти бледнолицые воры похитили мою землю! Эти ХОКВАТ! Их так называемый заповедник - это моя земля!

Хокват! Хокват!

Катсук беззвучно повторял это слово. Так его предки называли первых бледнолицых, прибывших к этим берегам на своих длинных и высоких кораблях. Хокват - это нечто, приплывшее из-за дальних вод, что-то незнакомое и таинственное.

Хокват## были как зелёные волны зимнего океана, что нарастали, нарастали, нарастали... пока не обрушились на его землю.

В этот день Брюс Кларк, управляющий Лагеря Шести Рек, пригласил фотографа - снимки для рекламной кампании, которую он проводил ежегодно, помогали привлекать богатых детей. Катуку смешно было видеть, как подчиняется Чарлз Хобухет в его теле.

Глаза вытаращены, тело преждевременно покрыто потом - Катсук слушает указания Кларка.

- Вождь, подвинься чуть левее.

Вождь!

- Вот так хорошо. А теперь приставь руку к глазам, будто всматриваешься в лес. Нет, правую руку.

Катсук подчиняется.

Фотографирование не повредит ему. Никто не сможет похитить его душу, так как Похититель Душ уже овладел ею. Наоборот, фотографирование помогло знамени духов. Мальчишки из Кедрового Дома сгруппировались возле него, лица уставились на камеру. Газеты и журналы напечатают эти снимки. Стрелка укажет на одного из мальчиков - Дэвида Маршалла - сына вновьизбранного помощника Госсекретаря.

Сообщение о его назначении будет показано в шестичасовых новостях по единственному в лагере телевизору, стоящему в комнате отдыха. Там же будут снимки Маршалла-младшего и его матери в аэропорту Сан Франциско, отца на пресс-конференции в Вашингтоне.

Множество хокват будут глядеть на снимки, сделанные Кларком. Пусть глядят на человека, которого считают Чарлзом Хобухетом. Похититель Душ пока еще прячет Катсука в его теле.

По лунной тени на стене он узнаёт, что уже почти полночь.

Пора!## Одним движением вскочил он с кровати, поглядел на записку, оставленную на столике в комнате.

" Я взял невинную душу из вашего племени, чтобы принести в жертву за всех невинных, которых убили вы; Невинного, что вместе с теми всеми невинными уйдет в мир духов".

Ах, никакие слова не были способны передать сути послания, чтобы сокрушить всю ярость, всю логику и анализ хокватов...

Свет полной луны, пришедший из окна, ощупывал его тело. Катсук мог чувствовать его тяжкое безмолвие в своём позвоночнике. Руку закололо в том месте, где Пчела оставила послание своего жала. Но запах смолы от свежих стен успокоил его. Не было никакого чувства вины.

Дыхание его страсти будто дым извергло из губ:

- Я есмь Катсук - средоточие Вселенной.

Он повернулся и, бесшумно скользя по полу, перенёс центр Вселенной за дверь, через короткий холл, в спальню.

Маршалл-младший спал на ближайшей к двери кровати. Пятно лунного света лежало в ногах мальчика - в долинах и возвышенностях покрывала, легонько перемещающихся в такт дыхания. Одежда лежала на тумбочке возле кровати: джинсы, футболка, лёгкий свитерок, куртка, носки и теннисные туфли. Мальчик спал в трусах.

Катсук свернул одежду, сунув туфли внутрь свёртка. Чуждая ткань послала сигнал нервам, рассказывая о механическом великании, которого хокват называли цивилизацией. Этот сигнал сделал язык Катсука сухим. В один миг мужчина почувствовал множество возможностей, которыми располагают хокват, чтобы охотиться на тех, кто нанёс им рану: ружья чужаков, самолёты, электронные устройства. И ему придётся драться против подобных вещей. Теперь любой хокват признает его чужим и станет с ним драться.

За стеной раздался крик совы.

Катсук сильнее прижал свёрток с одеждой к груди. Сова заговорила с ним. На этой земле у Катсука будут иные силы: древнее, сильнее и намного прочнее, чем все, что было у хокватов. Он прислушался к звукам комнаты: все восемь мальчишек

спали. В воздухе стоял запах их пота. Засыпали они медленно, зато теперь из-за этого спали даже крепче.

Катсук подошёл к изголовью кровати, где спал мальчик, легонько положил ему руку на губы, готовясь прижать посильнее, чтобы предупредить крик. Губы под его рукой искривились. Он увидел, что глаза лежащего раскрылись, поглядели на него. Мужчина почувствовал, как ускорился пульс, изменился ритм дыхания.

Очень осторожно Катсук наклонился поближе к мальчику и тихонько прошептал:

- Не разбуди остальных. Вставай и иди за мной. У меня для тебя есть кое-что особенное. Только спокойно.

Катсук почувствовал рукой, что через сознание мальчика промелькнули разные беспокойные мысли. Катсук наклонился еще раз, заставляя слова наполниться силой духа:

- Я должен сделать тебя своим духовным братом, потому что мы вместе сфотографировались. - А потом еще: - Твоя одежда со мной. Я буду ждать в холле.

Он почувствовал, что его слова принесли результат, и убрал руку. Напряжение спало.

Катсук перешёл в холл. Мальчик присоединился к нему - худенькая фигурка в отвсечивающих в темноте трусиках. Катсук отдал ему одежду и вышел наружу, а затем, подождав пока мальчик выйдет следом, осторожно закрыл за собою двери.

1 Дед, я делаю это ради тебя !

* * *

ФРАГМЕНТ ПИСЬМА Чарльза Хобухета, оставленного им в Кедровом Доме:

Хокват, я даю тебе то, о чем ты молил - в моих руках эта стрела сильна и чиста. Когда я дам тебе эту стрелу, с молитвой держи её в своём теле. Пусть стрела эта перенесёт тебя в страну Алкунтам. Наши братья поприветствуют тебя там, говоря: "Какой чудесный юноша пришёл к нам ! Какой прекрасный хокват!" И они будут говорить один другому: "Какой он сильный, этот хокват, несущий стрелу Катсука в своём теле." И ты будешь горд, слыша, как говорят они о твоей красоте и твоём величии. Не убегай, хокват. Приди навстречу моей стреле. Восприми её. Наши братья будут петь об этом. Я покрою тело твоё белым пухом с утиных грудок. Наши девушки споют о твоей красоте. Об этом молил ты каждый день своей жизни в любом месте в мире. Это я, Катсук, удовлетворяю желания твои, потому что я стал Похитителем Душ.

* * *

Выйдя за дверь, в прохладу ночи, Дэвид, всё еще одурманенный сном, постепенно приходил в себя. Дрожа от холода, он поглядел на человека, поднявшего его с постели - Вождя.

- Что случилось, Вождь?

- Ш-ш-ш, - Катсук показал на свёрток. - Одевайся.

Дэвид послушался, скорее от холода, чем по какой-то другой причине. Громадные ветви дерева скрипели на ветру, наполняя ночь страшными тенями.

- Это посвящение, Вождь?

- Ш-ш-ш, веди себя спокойно.

- Зачем?

- Нас сфотографировали вместе. Теперь мы должны стать братьями по духу. Есть такой обряд.

- А как с остальными ребятами?

- Избран был ты.

Неожиданно Катсук почувствовал жалость к мальчику, к Невинному. # Но зачем жалеть кого-либо? ## Он почувствовал, что при этом лунный свет пронзил его прямо в сердце. Непонятно почему, но это заставило его вспомнить о секте квакеров - трясун, куда водили его родные - церковь хокватов! В памяти он слышал голоса, заводящие гимн: "# Молим! Молим! Молим! "

- Не понимаю, - прошептал Дэвид. - Что мы сейчас делаем?

Деревья возле крыльца расступились, чтобы открыть россыпь ночных звёзд. Сверху вниз глядели они на мальчика. Они, а еще ветер, шумящий в деревьях, заставляли его чувствовать страх. Дэвид оглянулся на крыльцо. Почему Вождь не отвечает?

Дэвид подтянул ремень и почувствовал вес ножа, висящего в своих ножнах на поясе. Если Вождь и задумал что-нибудь нехорошее, у него имеется нож - настоящее оружие. Ножом не больше этого Дэниэл Бун убил медведя.

- Что мы будем делать? - настаивал мальчик.

- Мы проведём обряд духовного братания, - сказал Катсук и сам почувствовал истину в своих словах. Это и вправду будет обряд единения. Он родится в темноте, пометит землю и станет заклинающим для истинных духов.

Дэвид продолжал колебаться, думая об индейце. Странные они были люди. Потом он вспомнил миссис Парму. Другая разновидность индейцев, но такая же таинственная.

Мальчик поплотнее запахнул курточку. От холодного воздуха он весь покрылся гусиной кожей. Он чувствовал и страх, и волнение. # Индеец!

- Ты не одет, - сказал он.

- Я одет для обряда.

Катсук молился про себя: # О, Дающий Жизнь, сейчас ты видишь некоторых из своих всемогущих созданий, что собираются...

Дэвид чувствовал напряженность спутника, ауру тайны. Но не было рядом места безопасней этого лагеря в глуши, с игрушечным фуникулёром - единственной возможностью попасть сюда.

- Разве тебе не холодно? - спросил он.

- Мне достаточно этого. Ты должен поспешить, идя за мной.

У нас мало времени.

Катсук спустился с крыльца. Мальчик за ним.

- Куда мы идём?

- На самую вершину гряды.

Дэвид пытался не отставать.

- Зачем?

- Там я приготовил место, чтобы ты прошёл древний обряд моего племени.

- И всё это из-за фотографии?

- Да.

- Не думал, что индейцы до сих пор верят в подобные вещи.

- Ты тоже согласишься.

Дэвид заправил футболку под ремень и опять почувствовал тяжесть ножа на бедре. Нож придавал ему уверенности. Мальчик спотыкался на ходу, но старался не отставать.

Даже не оглядываясь, Катсук почувствовал, что напряженность мальчика слабеет. Когда они стояли на крыльце, был такой момент, когда от Невинного исходило непослушание, глаза его были на мокром месте, в них был кисло-горький страх. Но теперь мальчик шёл за ним. Он уже был поработан. Средоточие Вселенной притянуло Невинного своей силой.

Дэвид чувствовал, как от напряжения быстро бьётся сердце. Ещё он чувствовал исходящий от Вождя запах прогорклого жира.

Кожа мужчины, когда её касался лунный свет, блестела, будто тот намазался маслом.

- Это далеко? - спросил Дэвид.
- Три тысячи и восемьдесят один шаг.
- Но сколько нам идти?
- Чуть больше мили.
- Ты специально так оделся?
- Да.
- А вдруг пойдёт дождь?
- Я его даже не замечу.
- А почему мы так торопимся?
- Для обряда нужен лунный свет. А теперь ничего больше не говори и держись поближе.

Катсук радовался в душе. В воздухе разносился запах свежесрубленного кедрового дерева. Этот богатый запах содержал в себе судьбоносное послание еще тех дней, когда дерево это служило укрытием для его племени.

Споткнувшись о выступающий корень, Дэвид едва удержал равновесие.

Тропа вела через плотный мрак, прерываемый яркими пятнами лунного света. Вид плотной белой ткани набедренной повязки впереди вызывал у Дэвида странные мысли. Как только лунный свет касался тела идущего впереди мужчины, его кожа начинала светиться, отблескивать, но тёмные волосы поглощали блеск и совершенно терялись в тени.

- А другие мальчики тоже будут посвящены? - спросил Дэвид.
- Я уже говорил, что ты единственный.
- Почему?
- Скоро поймёшь. Не разговаривай.

Катсук надеялся, что этого замечания будет достаточно.

Как и все хокваты, мальчишка болтал слишком много. Но это не могло быть поводом для отсрочки или отмены решения.

- Я всё время спотыкаюсь, - пробормотал Дэвид.
- Иди так, как иду я.

Катсук промеривал тропу, чувствуя её ногами: мягкая почва, пружинящая там, где скапливалось много влаги; еловые иглы, путаница твёрдых корней, отшлифованных множеством ног.

Он стал думать о сестре, о своей собственной жизни до того, как стал Катсуком. Он чувствовал, что духи земли и воздуха, управляемые лунным светом, теснятся поближе к нему, неся с собою память обо всех погибших племенах.

А Дэвид в это время думал: # Иди так, как идет он?

Мужчина впереди двигался со скользящей грацией пантеры, почти бесшумно. Тропинка круто завернула вверх, на ней коряжились корни, под ногами хлюпало, но мужчина всё время шёл так, будто видел каждую помеху, каждый камушек или корешок.

Только теперь Дэвид начал воспринимать запахи: гниющего дерева, мускуса, едкую горечь папоротников. Мокрые листья хлестали его по лицу, ветки и шипы кололись и царапались. Он слышал шум падающей воды - всё громче и громче - речной каскад в теснине, с правой стороны тропы. Он надеялся, что этот шум замаскирует его неопытное, неуклюжее передвижение, так как боялся, что Вождь услышит и станет над ним смеяться.

Иди так, как иду я.

Как Вождь вообще видит что-либо в этой темноте?

Тропа вывела их на поляну. Прямо перед собой Дэвид увидел горные пики, снег на них блестел в свете Луны, а над головой рассыпались яркие-яркие звёзды.

Катсук, не останавливаясь, поглядел вверх. Могло показаться, что горные вершины вышиты звёздами на фоне неба. Он

позволил этому ощущению пропитать его, возвращая память о послании - духа: # Это я, Таманавис, говорю тебе...

Катсук стал напевать имена своих покойных предков, высывая их прямо в Верхний Мир. Ясное небо прочертила падающая звезда, еще одна, потом другая, следующая - пока всё небо не загорелось от них.

Катсук молчал в изумлении. Это никак не могло быть астрономическим явлением, объяснимым волшебной наукой хокватов - это было послание из прошлого.

Мальчик остановился рядом.

- Ух ты! Падающие звёзды! Ты загадал желание?

- Загадал.

- А что это ты пел?

- Песню своего племени.

Катсук, на которого сильно подействовало предзнаменование звёзд, внутренним взором видел угольно-чёрную прорезь тропы, а поляна была для него ареной, где он может начать создание носителя памяти, песни смерти всему тому, что связывало его с прошлым, священной ненависти к миру хокватов.

- Скагайек! - закричал он. - Я - дух шамана, пришедший изгнать болезни этого мира!

Слыша эти странные слова, Дэвид потерял ту горстку самообладания, что была у него, и ему снова стало страшно.

* * *

Из ПОСЛАНИЯ КАТСУКА своему племени:

Я всё сделал правильно. У меня была тетива, священные палочки и кость, чтобы провести предсказание. Я обвязал голову лентой из красной коры кедра. Я молился Квахоутсе, богу воды, и Алкунтаму. Я повесил на отмеченного пух морской утки, чтобы отметить священную жертву. Я всё сделал как следует.

* * *

Необъятность дикой природы, окружившей Дэвида, таинственность полуночного похищения ради странного обряда стали доходить до мальчика. Его тело покрылось потом, малейший порыв ветра пронизывал холодом. Ноги были мокры от росы. Сейчас уже Вождь начал пугать его. Он шёл вперёд с такой уверенностью, что Дэвид чувствовал, будто аккумулированное лесом знание конденсировалось в этом человеке в любой момент. Этот человек был Следопытом. Он был Непревзойдённым Следопытом. Он был из тех, кто может выжить в этой глуши.

Теперь Дэвид отставал все сильнее и сильнее. Вождь уже терялся впереди, в сером тумане.

Не оборачиваясь, Катсук позвал:

- Держись ближе.

Дэвид ускорил шаг.

Справа, в деревьях, что-то проурчало " Уап-уап ". Внезапно над ним скользнули дымно-серые крылья, чуть не задев голову. Дэвид попятился, потом подбежал поближе к человеку в белой набедренной повязке.

Неожиданно Катсук остановился. Дэвид чуть не налетел на него.

Катсук поглядел на Луну. Она двигалась над деревьями, ярко освещая острые камни и трещины на дальних склонах. Ноги мужчины отмерили расстояние. Это было то место.

- Почему мы остановились? - спросил Дэвид.

- Мы на месте.
- Здесь? Почему тут?

Катсук подумал: " Ну как это вечно получается у хокватов. Всегда они предпочитают языку тела язык губ ".

Он проигнорировал вопрос мальчика. А что ещё отвечать? Всё равно этот невежественный хокват не сумеет прочесть знаки.

Катсук присел на корточки лицом к тропе, спускавшейся вниз. В течение многих веков это была лосиная тропа, связывающая солёные воды и высокогорные луга. Копыта глубоко выбили землю. Обе стороны тропы поросли папоротниками и мхом. Катсук лёг на землю. Его пальцы перебирали всё вокруг в поисках знака, осторожно отодвигая ветви. Есть! Это было отмеченное им место!

И он тихо запел песню на древнем языке:

- О, Хокват! Да воспримет тело твое священную стрелу.
Пусть душа твоя преисполнится гордости, когда я коснусь ее ос-
трым, смертоносным наконечником. Душа твоя да обратится к не-
бу...

Дэвид слушал непонятные слова. Ему не было видно рук мужчины из-за затенявших их папоротников, но их движения беспокоили его, он не мог понять, почему. Ему хотелось спросить, что происходит, но он чувствовал робость. Слова песни были переполнены щелкающими и рычащими звуками.

Потом мужчина замолчал, но продолжал лежать.

Катсук открыл мешочек на поясе и вынул щепоть священного белого пуха. Пальцы его тряслись. Всё надо сделать правильно. Любая ошибка могла бы накликать беду.

Дэвид, у которого глаза уже привыкли к темноте, различал движения рук в папоротнике. Лунный свет отразился на чём-то белом. Мальчик присел на корточки рядом с женщиной и кашлянул.

- Что ты делаешь?
 - Я написал на земле своё имя. Я должен так сделать до того, как ты узнаешь его.
 - Разве тебя зовут не Чарлз?
 - Это не моё имя.
 - То есть как? - Дэвид стал размышлять над услышанным.
- Разве его зовут не Чарлз? Потом спросил: - Ты сейчас поёшь?
- Да.
 - О чём ты поёшь?
 - Это песня для тебя - чтобы дать тебе имя.
 - Но у меня уже есть имя.
 - У тебя нет тайного имени, известного только нам двоим, самого сильного имени, которое только может быть у человека.

Катсук стряхнул грязь с клочка пуха. Он чувствовал Кушталюте 0, захороненный им язык сухопутной выдры, даже через землю. Тот в каждое мгновение управлял движениями его рук. И ещё он чувствовал, как нарастает в нём сила.

Дэвид поёжился от холода и сказал:

- Это уже не интересно. И всё уже приготовлено...
- Очень важно, чтобы мы обменялись именами.
- А я тоже буду что-то делать?
- Да.
- Что именно?

Катсук поднялся на ноги. Он чувствовал напряженность в пальцах, которыми управлял Кушталюте. Кожу покалывала прилипшая грязь. Духовная сила мгновения пронизала его тело. # Это # Кушталюте, говорю тебе...

- Встань и обрати лицо к Луне, - сказал Катсук.
- Зачем?
- Делай, как я говорю.

- А если я не захочу?
- Ты рассердишь духов.

Что-то в словах взрослого заставило горло мальчика пересохнуть. Дэвид сказал:

- Я хочу вернуться.
- Сначала ты должен встать и повернуться лицом к Луне.
- А потом мы сможем пойти назад?
- Потом мы сможем идти.
- Ладно. Только мне кажется, что всё это глупости.

Дэвид встал. Он чувствовал ветер, несший в себе предчувствие дождя. Внезапно в голову ему пришли воспоминания о детских играх, в которые он играл со своими друзьями в зарослях возле дома: # Ковбой и индейцы. ##Интересно, а что значат эти игры для мужчины рядом?

Сознание Дэвида заполнили сценки и слова этих игр: # Бах! # Бах! Ты умер! Мертвый краснокожий... Ковбой... Индеец убит!...

А ещё ему вспомнилась миссис Парма, зовущая его к ленчу. Он с друзьями убежал, и все прятались в пещере на берегу ручья, чтобы хихикать там, сидя в пыли. Потом все эти смешки, голос зовущей его миссис Пармы и всё остальное смешались у него в голове - воспоминания и поход через дикий лес. Всё превратилось в одно - луна, колеблемые ветром мрачные деревья, подсвеченные луной облака над дальними вершинами, бьющий от земли болотный запах...

Стоящий рядом мужчина сказал ему:

- Ты можешь слышать реку там, внизу. Рядом с нами вода.

Духи всегда собираются поближе к воде. Когда-то, очень давно, мы выискивали силу духов, как ребёнок ищет игрушку. Но пришли вы, хокваты, и теперь ты изменишь это. Я был взрослым человеком, пока не почувствовал в себе Таманавис.

Дэвид дрожал. Он никак не мог понять этих слов, несмотря на их необъяснимую красоту. Они были похожи на молитву. Он чувствовал тепло мужского тела за собой, его дыхание, шевелящее волосы на голове.

Теперь в голосе мужчины появилась непонятная резкость:

- Тебе известно, что мы сами всё разрушили. Мы перестали верить и возненавидели один другого, вместо того, чтобы подняться против общего врага. Чуждые нам идеи и слова переполнили наши головы иллюзиями, похитили у нас нашу плоть. Белый человек пришел к нам с лицом, будто золотая маска с дырами для глаз. И мы застыли перед ним. Из темноты вышли призраки. Они были частью тьмы и её противоположности - плоть и антиплоть - а у нас не было подходящих для них обрядов. Мы ошиблись, приняв неподвижность за мирные намерения, а потом испугались.

У Дэвида перехватило дыхание. Это уже не было похоже на обряд. В голосе мужчины были слышны наставления и поучения. Даже нет, в его голосе звучали обвинения.

- Ты слышишь меня? - спросил Катсук.

В какой-то миг Дэвиду показалось, будто спрашивают не его. Как будто индеец разговаривал с духами.

Катсук повысил голос:

- Ты слышишь меня?

Дэвид даже подскочил.

- Да.

- А сейчас повторяй за мной, слово в слово, всё, что я скажу.

Дэвид кивнул.

Катсук начал:

- Я, Хокват...

- Что?

- Я, Хокват!...

- Я Хокват? - Дэвид не смог сдержать вопросительной интонации.

- Я - посланник от Ловца Душ... - продолжил Катсук.

Тихим голосом Дэвид повторил:

- Я - посланник от Ловца Душ.

- Сделано, - сказал Катсук. - Ты правильно повторил слова обряда. С этого мгновения тебя зовут Хокват.

- А что означает это имя? - спросил Дэвид. Он хотел было повернуться, но руки мужчины, лежащие на плечи мальчика, удержали его.

- Этим именем мой народ называл приплывшее далеко из-за моря, нечто странное, чего нельзя ни с чем сравнить. Этим именем мы называем твой народ, потому что вы пришли к нам из-за большой воды.

Дэвиду не нравились руки на его плечах, но он боялся сказать что-либо по этому поводу. Он чувствовал, что его личности, его телу нанесено оскорбление. Но его уже захватили враждебные силы. Ведь мальчик готовился лишь к тому, чтобы смотреть, наблюдать, а теперь обряд всё больше начинал ему не нравиться. Он спросил:

- Это уже всё?

- Нет. Теперь самое время, чтобы ты узнал и выучил моё имя.

- Но ведь ты же сказал, что мы уже пойдём.

- Скоро пойдём.

- Ладно... Так как тебя зовут?

- Катсук.

Дэвиду удалось сдержать дрожь.

- И что значит это имя?

- О, очень многое. Средоточие всего мира, Вселенной.

- Это индейское слово?

- Индейское!... Мне не по себе, из-за того, что сам индеец, что живу с ошибкой пятисотлетней давности!

Руки на плечах Дэвида крепко схватили его и трясли с каждым сказанным словом. Мальчик не сопротивлялся. Только теперь до него дошло, какая опасность угрожает ему. Катсук. Идиотское слово!!! Непонятно почему, но это имя вызвало то, что весь он покрылся холодным потом. Он прошептал:

- Ну а теперь мы уже можем уйти?

- Мемук мемалуст! Кечгитсук акат камукс...

На древнем языке Катсук обещал всем: "Я принесу этого Невинного в жертву. Я отдам его духу, который защищает меня. Я вышлю его в Нижний мир, и глаза его станут парой глаз червяка. Сердце его не застучит вновь. Губы его...

- Что ты говоришь? - допытывался Дэвид.

Но Катсук не обращал на него внимания, доводя речь свою до конца:

- Катсук дает это обещание от имени Похитителя Душ!

Дэвид спросил:

- Что всё это значит? Я не понимаю тебя.

- Ты - Невинный, - отвечал индеец. - Но я - Катсук. Я - средоточие всего сущего. Я живу везде. Я вижу тебя насквозь, Хокват. Вы живёте как собаки. Вы ужасные лжецы. Вы видите Луну и называете её Луной. И вы считаете, что именно это и делает её Луной. Я же вижу всё это своим глазом и без слова узнаю, когда вещь существует.

- Я хочу вернуться в лагерь.

Катсук отрицательно покачал головой.

- Мы все хотим вернуться, Невинный хокват. Нам хотелось бы устроиться там, где можно было бы общаться со своими открытиями, плакать и карать чувства свои бездействием. Твои слова и твой мир вызывают у меня злость. У вас есть только лишь слова, которые говорят мне о мире, что был бы у вас, если бы я пообещал вам его дать. Но я привёл тебя в это место. Я дам тебе твоё личное знание о Вселенной. Я сделаю так, что ты сможешь узнать и почувствовать. И тогда ты поймёшь по-настоящему. И ты будешь удивлён. То, чему ты обучишься, будет тем, о чём ты только думал, что знаешь.

- Пожалуйста, может мы уже пойдём?

- Ты желаешь сбежать. Ты считаешь, что здесь не место для восприятия того, что я дам тебе. Но знание это само направится в твоё сердце. Какую чушь ты уже выучил! Ты думал, что можно не обращать внимания на те вещи, которым я стану обучать. Ты думал, твои органы чувств не могут воспринимать Вселенную без компромиссов. Я обещаю тебе, Хокват: ты станешь видеть вещи прозрачными, ты узнаешь их с самого начала. Ты услышишь дикую жизнь, не имеющую названия. Ты почувствуешь цвета, формы и настроения этого мира. Ты увидишь насилие и тиранию, которые наполнят тебя трепетом и страхом.

Очень осторожно Дэвид пытался высвободиться из цепких рук, отдалиться от этих ужасных и непонятных слов. Индейцы никогда так не говорят!

Но рука больно сжала его левое плечо.

Дэвид уже не мог выдерживать весь этот ужас:

- Мне страшно!

Давление на плечо ослабело, но недостаточно, чтобы можно было освободиться.

- Мы обменялись именами, - сказал Катсук, - и ты остаешься здесь.

Дэвид не мог даже пошевелиться. Он был в растерянности - как будто его побили, и теперь мышцы отказывались повиноваться. Катсук отпустил его плечо, но мальчик оставался в прежней позиции.

Преодолевая сухость в горле, Дэвид сказал:

- Ты хочешь попугать меня. Разве не так? В этом была вся суть посвящения. А другие ребята ждут, чтобы посмеяться.

Катсук не слушал его, он чувствовал, как нарастает в нём сила духов. # Это я, Таманавис, говорю тебе... ## Медленным, расчетливым движением он вынул из своей сумки ремешок из лосиной кожи и охватил им Дэвида, туго прижав руки мальчика к его телу.

Теперь Дэвид начал крутиться, пытаясь вырваться.

- Эй, перестань! Ты пугаешь меня!

Катсук схватил его за руки и крепко связал их в запястьях.

Мальчик продолжал сопротивляться, но связанные руки не давали. Ремешок больно врезался в тело.

- Ну, пожалуйста, перестань, - взмолился Дэвид. - Что ты делаешь?

- Заткнись, Хокват!

Это был уже новый, дикий голос, такой же сильный, как и держащие мальчика руки.

Грудь перехватило ужасом. Дэвид затих. Он весь покрылся потом, и в тот миг, когда перестал дёргаться, ветер пронизал его холодом до костей. Мальчик чувствовал, что похититель снимает с его пояса нож, резко дёргая за ремень.

Катсук наклонился к мальчику - демоническое лицо в лунном свете. Голос его звенел от эмоций:

- Делай то, что я скажу, Хокват, или я тут же убью тебя.

Он замахнулся ножом.

Мальчик только кивнул, даже не осознавая, что делает, так как от страха проглотил язык. Горло обожгло поднявшейся желчью. Голова его тряслась, когда Катсук схватил его за плечи.

- Хокват, ты понимаешь меня?

С громадным трудом Дэвид протолкнул сквозь губы:

- Да.

Он подумал: 1 Меня похитили. Всё это было только лишь хит-1ростью.

Все слышанные ранее ужасные истории об убитых жертвах похищений пронесли в его памяти, тело затряслось от страха. Мальчик почувствовал, что его предали, ему было стыдно за свою глупость, с которой сам же полез в ловушку.

Катсук достал ещё один ремешок, перевязал его вокруг груди мальчика, завязал на узел и взял свободный конец.

- До восхода солнца нам надо будет много пройти. Иди за мной быстро, иначе я похороню твоё тело возле тропы, а дальше пойду сам.

Повернувшись, Катсук дёрнул за конец ремня и направился к проходу в тёмной стене деревьев на другой стороне поляны.

Чувствуя вонь своего страха в ноздрях, качаясь из стороны в сторону, Дэвид поплёлся за ним.

* * *

Из ОТЧЁТА Брюса Кларка, управляющего Лагеря Шести Рек:

В первый же вечер мы заставили ребят написать письма домой. Мы не давали им обеда, пока они не напишут. Им выдали ручки и бумагу в комнате отдыха и сообщили, что пока они не напишут писем, кушать им не дадут. Мальчик Маршаллов?... Я его хорошо помню. Он смотрел шестичасовые новости и бурно радовался, когда показали его отца и объявили, что тот стал заместителем Госсекретаря. Этот Маршалл написал хорошее, такое длинное письмо, на обеих сторонах листа. Мы им выдали только по одному листу бумаги. Я, помню, подумал: Наверное, это очень хорошее письмо. Его старики будут рады, получив его.

* * *

Приблизительно через час после рассвета Катсук провёл Хоквата через просеку к основанию сланцевого склона, который ещё раньше был определён им им целью ночного перехода. Как только они остановились, мальчик упал на землю. Катсук не обратил на это внимания, изучая склон и отмечая следы свежих оползней.

На вершине обрыва несколько ёлок и ивовых деревьев скрывали выемку в скале. Деревья маскировали эту пещеру и ручей, дающий им влагу. За деревьями серым занавесом высилась скала. Из-за оползней могло показаться, что до выемки никто не может добраться.

Катсук чувствовал, как сильно бьётся у него сердце. Из губ подымался парок дыхания. Утро было прохладным, солнечные лучи заглянут сюда позднее. Он отметил сильный запах мяты. Ею поросли берега ручья, стекающего с вершины обрыва к основанию. Мятный запах пробудил в Катсuke голод и жажду.

Но он знал, что это место для них самое подходящее.

Катсук не верил, что искатели пройдут так далеко, даже если с ними будут собаки. Он попытался сделать всё, чтобы запах не выдал их. За ночь он четыре раза сходил с тропы, захо-

дил в ручьи, возвращался по течению и всячески запутывал след.

Тусклый утренний свет обозначил окружающее. Справа, на самом краю обрыва из стороны в сторону качались огненно-красные султаны травы. По склону к деревьям спускалась белка-летяга. Катсук чувствовал кипение окружавшей его жизни. Он поглядел на Хоквата, свалившегося на землю, потому что его не держали ноги - сейчас он представлял собою образец совершенной усталости.

Ах, какой вой подымется из-за него. Какую награду объявят! Какими будут газетные заголовки! Нет, такое послание проигнорировать не смогут.

Катсук глянул на бледное небо. Естественно, искатели могут воспользоваться вертолётами или самолётами. И поиск начнётся весьма скоро. Но поначалу, согласно правилам, будут переворачивать лагерь. Серьёзные, но тщетные в жизни своей хокваты со своей неоригинальностью, ненастоящими оправданиями своего существования - сегодня они придут к чему-то совершенно новому и пугающему их: они узнают послание Катсука. Из него они узнают, что их собственное # безопасное место##, место, где спрятан их дух - разрушено.

Он потянул за ремешок, которым был связан Хокват, но добился лишь того, что мальчик поднял только голову. В глазах его были только страх и усталость. На лице остались следы слёз.

Катсук подавил в себе всякое чувство милосердия и симпатии. Он подумал обо всех невинных соплеменниках, что умерли под саблями и пулями, погибли от голода, от зараженных тифом одеял, которые продавали индейцам намеренно, чтобы покончить с ними.

- Вставай, - приказал Катсук.

Хокват с трудом поднялся на ноги и стоял, покачиваясь из стороны в сторону и дрожа. Вся его одежда была мокрой от росы.

- Сейчас мы будем подыматься по этому склону, - сказал Катсук. - Это очень опасное восхождение. Смотри, куда я буду ставить свои ноги. Ставь свои ноги точно туда, куда буду ставить их я. Если ошибешься, покатишься вниз. Себя-то я спасти сумею, а ты погибнешь под лавиной. Это тебе понятно?

Хокват кивнул.

Катсук колебался. Хватит ли у мальчишки сил для подъёма? Кивок, выражающий согласие мог быть только знаком подчинения, вызванным лишь страхом, но не пониманием.

Только что оставалось делать? Либо духи сохранят этого Невинного ради священной стрелы, либо заберут себе. В любом случае, послание будет услышано. Так что никаких сомнений!

Мальчик стоял, ожидая продолжения кошмарного ночного броска. Опасный подъём? Ладно! Какая разница, что делать? Самое главное - выжить сейчас, чтобы сбежать потом. Сумасшедший, называющий его Хокватом, заставлял его отзываться на это имя. И это вызывало ярость более всего остального. Он думал:

Меня зовут Дэвид, а не Хокват. Дэвид, а не Хокват!

Его ноги разламывались от боли и усталости, ступни натёртые и мокрые. Было ясно, что если он только лишь закроет глаза, то заснёт даже стоя. Даже моргать было больно. На левой руке была длинная, болезненная царапина, там где недавно острый сук счесал кожу. Куртка и футболка порвались. Его же вёл безумец: дикий голос из темноты.

Ночь была ледяным кошмаром, затаившимся среди чёрных деревьев. Дэвид мог уже видеть розовую дымку утренней зари на горных вершинах, но кошмар продолжался.

Катсук дал команду, потянув за ремешок, тем самым выявляя

способности мальчика. Слишком медленно! Этот придурок может убить их обоих на этом склоне.

- Как тебя зовут? - спросил индеец.

Голос мальчика был тихим, но звучал дерзко:

- Дэвид Маршалл.

Не меняя выражения лица, Катсук ударил пленника по скуле тыльной стороной ладони: не больно, но обидно.

- Как тебя зовут?

- Ведь ты же # знаешь##, как меня зовут.

- Назови своё имя.

- Дэв...

Катсук снова ударил его.

Но мальчик, стараясь не заплакать, глядел так же дерзко.

Катсук размышлял: # Никаких передышек... Никаких послаблений...

- Я знаю, что ты хочешь мне сказать, - пробормотал мальчик. Его подбородок дрожал от с трудом сдерживаемых слёз.

Никаких поблажек...

- Назови своё имя, - настаивал Катсук, коснувшись ножа у себя на поясе. Мальчик проследил глазами за этим его движением.

- Хокват. - Некое бормотание, почти неразличимое.

- Громче!

Мальчик открыл рот и прокричал:

- Хокват!

- А сейчас мы начнём подниматься, - сказал Катсук.

Он повернулся и вступил на склон. Каждый раз он ставил ногу очень осторожно: вот сейчас на плоский камень, выступающий из кучи, теперь на кажущийся устойчивым кусок сланца... Вдруг из под ищущей опоры стопы сорвался камушек. Обломки летели вниз, к деревьям, а индеец ждал, готовый прыгнуть в сторону, если начнётся оползень. Схода не случилось, но человек чувствовал, как дрожит вся неустойчивая структура склона. Очень осторожно Катсук продолжил подъем.

В самом начале восхождения он внимательно следил, чтобы Хокват каждый шаг делал правильно, но увидел, что мальчик был предельно собран и, наклонив голову, шаг за шагом точно повторял его движения.

!Хорошо.

Теперь Катсук мог сконцентрироваться на подъеме и сам.

Добравшись до вершины обрыва, он схватился за ивовые ветви. Они оба спрятались под деревьями.

В тенистой, желтой тишине Катсук позволил себе расслабиться. Он сделал это! Он захватил Невинного и теперь на какое-то время был в безопасности. До этого он уже прошёл все периоды выживания: сезон комаров, цветения серёжек у деревьев, Сезон спелости, время морошки, Сезон муравьёв и личинок - периоды самой разной пищи. Теперь же у него может быть период видений, когда ему можно во сне узнать - каким образом ему оставить плоть Невинного, прежде чем её заберут духи Подземного мира.

Хокват ещё раз, свернувшись в клубок, упал на землю, совершенно не понимая, что его ожидает.

Вдруг громкое хлопанье крыльев заставило Катсука резко крутнуться влево. Мальчик, весь дрожа, сел на земле. Индеец сквозь ивовые ветви внимательно следил за полётом воронов. Птицы окружили весь склон, а потом поднялись вверх, к солнцу. Взгляд Катсука провожал их, следя за их плаванием в небесном море. Довольная усмешка искривила его губы.

Знамение! Явный знак!

В полумраке за ним пела мошка и звенел ручей.

Катсук повернулся.

В то время, как сам он следил за полётом птиц, мальчик, насколько это позволила ему длина ремешка, отполз в тень деревьев. Теперь он сидел там, глядя на Катсука, его волосы и лоб отражали солнечные лучи будто форель, отблескивающая в речке.

Невинного надо спрятать, пока искатели не придут с неба, подумал Катсук. Он подошёл к мальчику и возле него обнаружил тропу, которую его племя знало уже несколько веков.

- Пошли, - сказал он, потянув за ремешок.

Катсук, даже не оглядываясь, знал, что мальчик поднялся и идет за ним.

Дойдя до каменной впадины, которую заполнил водой бьющий ключом ручей, Катсук бросил ремешок, присел и погрузил лицо в прохладную влагу. Потом с жадностью стал пить.

Мальчик присел рядом на корточки, вытягивая голову к воде.

- Хочу пить, - прошептал Хокват.

- Так пей.

Катсук придерживал мальчика за плечи, пока тот пил. Хокват с трудом хватал воздух и брызгался, так что лицо и русые волосы быстро стали мокрыми.

- Сейчас пойдём в пещеру, - объявил Катсук.

Пещера - чёрная дыра неправильной формы над заполненной водою впадиной. Со стороны неба вход замаскирован влажными космами мха и лишайников. Какое-то время Катсук изучал вход, пытаясь заметить какие-нибудь признаки, что внутри скрывается какой-то зверь, но ничего не обнаружил. Он потянул за ремешок, направляя Хоквата вверх, на каменную площадку между водоёмом и входом в пещеру.

- Я чувствую какой-то запах, - сказал мальчик.

Катсук принялся: здесь было много старых запахов - звериного помёта, грибов, шкуры. Но все они были старые. Когда-то эту пещеру занимал медведь, потому что здесь было сухо, но вот уже год, самое малое, тут никого не было.

- Год назад здесь было медвежье логово, - сказал индеец.

Он подождал, чтобы глаза привыкли к темноте, и нашел расщелину, по которой мальчик мог подняться в пещеру даже со связанными руками.

Дэвид стоял, прижавшись спиной к каменной стене. Он следил за каждым движением Катсука. Тому было интересно, о чём думает мальчишка - глаза Хоквата лихорадочно блеснули.

- Сегодня будем отдыхать здесь, - сказал Катсук. - Здесь никто ничего не услышит, даже если ты будешь кричать. Но если ты закричишь, я тебя убью. Придушу при первой же попытке. Ты должен научиться подчиняться мне во всём. Ты должен научиться тому, что вся твоя жизнь зависит от меня. Это тебе понятно?

Мальчик смотрел на него, не двигаясь и ничего не говоря.

Катсук схватил его за подбородок и глянул прямо в глаза. Его встретил взгляд, переполненный ненавистью и непокорностью.

- Тебя зовут Хокват, - сказал Катсук.

Мальчик рывком освободил подбородок.

Очень мягко Катсук приложил палец к багровой отметине на скуле мальчика, оставшейся после двух ударов перед восхождением на склон. Очень тихо он сказал:

- Не заставляй меня ударить тебя еще раз. Этого между нами быть не должно.

Мальчик моргнул. В уголках глаз набежали две слезинки, но он резко стряхнул их.

Всё тем же тихим, спокойным голосом Катсук продолжил:

- Когда я спрашиваю, следует называть имя. Так как тебя

сейчас зовут?

- Хокват. - Со злостью, но разборчиво.

- Хорошо.

Катсук зашёл в пещеру, чуть переждав, пока его чувства не обследуют всё окружающее. По мере того, как солнце поднималось выше, тени у самого входа в пещеру становились всё короче. Ярко-желтая скунксова капустка лезла из тёмной воды в дальнем конце водоёма.

Катсуку не нравилось, что он бил Хоквата, хотя это ему приказывало само тело.

Или это я жалею Хоквата?## - удивлялся он. - # Почему я вообще должен кого-то жалеть?

Правда, мальчишка проявил удивительную силу и стойкость. В нём был дух. Хокват не был плаксой. И трусом он не был. Внутри его личности невинность сосуществовала с незнанием мира, но в нём была и сила. Такого Невинного можно и жалеть.

Но должен ли я восхищаться жертвой? -## удивлялся Катсук.

Теперь всё предстоящее могло оказаться значительно трудней. А может это случилось как особое испытание возможностей Катсука? Чтобы он не убил Невинного из-за случайной прихоти? Одевший мантию Ловца Душ не имеет права на ошибку. Но если такое произойдёт, он оскорбит и рассердит обитателей мира духов.

Это будет тяжким испытанием - убить кого-то, кем восхищаешься. Слишком тяжелое бремя? Пока не было необходимости в немедленном ответе. Но это был не тот вопрос, над которым ему хотелось думать.

И снова он удивился: # Почему был избран именно я?

Возможно, это произошло точно так же, как и сам он выбрал Хоквата? Участвовал ли мир духов во всех этих таинственных выборах? А может на это повлиял сам мир хокватов, ставший, в конце концов, просто невыносимым? Да, ответ должен был находиться именно в этом!

Он чувствовал, будто к нему зывают из глубины пещеры, крича голосом, который он всё время слышал:

- # Ты здесь! Смотри, что ты уже сделал для нас!

Не зная, что и подумать, Катсук растерянно стоял у входа, предполагая, что, может быть, кричит он сам. Но ничто вокруг не выдавало признаков испуга.

Даже если я полюблю Хоквата,## - думал он, - # всё равно мне # нужно будет совершить это, чтобы моё решение только усилилось.

* * *

Из РЕЧИ Катсука к своему племени:

- Медведь, волк, ворон, орёл - вот мои предки. В давние дни они были людьми. Вот как это было, и так было на самом деле. Они праздновали, когда чувствовали себя счастливыми в этой жизни. Они кричали от отчаяния, когда печалились. Иногда они пели. До того, как хокваты убили нас, наши песни рассказывали обо всём этом. Я слышал те песни и видел вырезанные из дерева фигуры, рассказывающие древние истории. Но сами затеси не могут петь или разговаривать. Они только сидят и смотрят своими мёртвыми глазами. И, как всех мертвых, их поглотит земля.

* * *

Дэвид с отвращением вздрогнул, оглядев окружающее. Серо-зелёный полумрак пещеры, сырость на каменных стенах, залитый солнцем вход, куда не давал подойти связывающий его ре-

мень, звериные запахи, пляшущие капли воды снаружи - всё доставляло ему мучения.

Все его эмоции взбунтовались: нечто вроде истерии, состоящей из голода, страха, неопределённости и ярости.

В пещеру вошёл Катсук - чёрный силуэт в солнечных лучах. На его поясе висел нож марки "Рассел", рука на рукояти.

"# Мой нож##", - подумал Дэвид и задрожал.

- Ты не спишь? - спросил Катсук.

Ответа не было.

- Ты хочешь что-то спросить?

- Зачем? - прошептал Дэвид.

Катсук кивнул, но отвечать не стал.

- Ты захватил меня ради выкупа, так? - спросил мальчик.

Катсук отрицательно покачал головой.

- Выкуп, обмен? Неужели ты считаешь, что мне удастся обменять тебя на весь остальной мир?

Мальчик затряс головой, ничего не понимая.

- Но, может быть, я смогу, наконец-то, обменять тебя за все совершенные хокватами ошибки...

- Ты что...

- А-а, ты считаешь, что я сошёл с ума. Или я пьян. Прибаванный, пьяный индеец. Видишь ли, мне знакомы все клише.

- Я только спросил, зачем. - Тихий, робкий голос.

- Затем, что я невежественный, необразованный дикарь, вот почему. И если перед моим именем куча учёных степеней, то это просто случайность. Или, возможно, во мне имеется кровь бледнолицых, а? Кровь хокватов? Но я слишком много пью. Я не люблю трудиться и становиться современным. Я ничего не пропустил? Может какие другие клише? Ах, да - я ещё и кровожадный!

- Но я ведь только...

- Ты интересовался насчет выкупа. Мне кажется, ты совершил уже все хокватские ошибки, которые могли они себе позволить.

- Ты... ты сошёл с ума?

Катсук довольно рассмеялся.

- Возможно, но не сильно.

- Ты хочешь убить меня? - Едва слышимый шепот.

- Иди спать и не задавай глупых вопросов. - Катсук указал место на полу, кучу сухого мха, которая должна была служить постелью.

Мальчик судорожно вздохнул.

- Я не хочу спать.

- Ты будешь слушать меня.

Катсук указал на пол пещеры и подсунул кучу мха к ногам пленника.

Каждым своим движением демонстрируя дерзкую самостоятельность, Хокват лёг, перекатился на бок, прижав связанные руки к стенке пещеры. Глаза его оставались открытыми и глядели на Катсука.

- Закрывай глаза.

- Не могу.

Катсук видел, что мальчик измождён - его дрожь, тусклый взгляд.

- Почему не можешь?

- Вот не могу...

- Почему?

- Ты собираешься убить меня? - На этот раз громче.

Катсук покачал головой.

- Зачем ты сделал это со мной? - настаивал мальчик.

- Что именно?

- Зачем похитил, грубо обращаешься?

- Грубо обращаюсь?

- Ты сам знаешь!

- Но ведь и вы сами грубо обращаетесь с # индейцами##. Разве наши руки не связаны? Разве не гонят нас силой туда, куда мы не хотим идти? Разве нас не оскорбляют и не заставляют принимать имена, которые мы не хотим носить?

- Но почему именно я?

- "Ах, почему я!" Крик невинного любого возраста.

Катсук плотно закрыл глаза. Всё в нём вскипало от злых предчувствий. Он открыл глаза, зная теперь, что стал # совершен-# но другим человеком##, который еще пользовался опытом и образом Чарлза Хобухета, но мозги которого работают уже совершенно другим образом. Сейчас в его теле пульсировали древние инстинкты.

- Что я сделал тебе? - спросил мальчик.

- Вот именно, - сказал Катсук. - Лично мне ты ничего не сделал. Поэтому я тебя и выбрал.

- Ты говоришь как сумасшедший.

- Так ты считаешь, что я заразился болезнью хокватов? Ты думаешь, у меня есть только слова, что мне надо выискивать их, чтобы связать словесно то, что не может быть облечено в них? Ваши рты кусают Вселенную. Ваш язык издаёт только шум. Я же подобным не занимаюсь. Я несу совсем другое послание. Мой план начертан под воздействием чувств и эмоций. И мой замысел осуществится среди людей, которые не смогут защититься. Им не удастся заткнуть уши, так что им придётся выслушать меня. Говорю тебе, они будут слушать Катсука.

- Ты сошёл с ума!

- И вот что странно, - Катсук не обращал внимания на слова Дэвида. - Ты можешь быть одним из немногих во всём мире, кто меня не услышит.

- Ты сумасшедший ! Сумасшедший!

- Наверное так оно и есть. Да. А теперь спи.

- Ты так и не сказал мне, зачем сделал это.

- Я хочу, чтобы твой мир кое-что понял: Невинный из вашего племени может умереть, тогда как другие невинные уже умерли.

Мальчик побледнел, губы искривились в плаксивую гримасу.

Он прошептал:

- Ты собираешься убить меня.

- Возможно и нет, - солгал Катсук. - Ты должен помнить, что дар слов - это дар иллюзий.

- Но ведь ты говорил...

- Я говорю тебе сейчас, Хокват: Твой мир почувствует моё послание в своих яйцах! Но если ты сделаешь всё, как я тебе говорю, с тобой ничего не случится.

- Ты врешь!

Стыд и гнев вскипели в Катсуке.

- Заткнись! - рявкнул он.

- Да, это так! Ты всё врешь, врешь! - Мальчик уже плакал.

- Заткнись, или я убью тебя прямо сейчас! - прорычал он.

Всхлипы постепенно утихли, но мальчик продолжал глядеть на мучителя широко открытыми глазами.

Катсук почувствовал, что гнев его угас. Остался лишь стыд.

" # Я солгал!##"

До него дошло, как недостойно он поступил, поддавшись эмоциям. Катсук почувствовал себя разбитым вдребезги. Его совратили словесные выкрутасы! Так поступают лишь хокваты. Эти слова как бы отделили его от самого себя, и он был теперь отверженным и одиноким.

" Откуда во мне подобная нищета?" - О дивился он.

Им овладела печаль. Катсук тяжело вздохнул. Это Ловец Душ не дал ему выбора. Решение принято, об отмене не могло быть и речи. Вот только мальчишка научился уже чувствовать ложь.

Сдерживая чувства, насколько это было возможно, Катсук сказал:

- Тебе надо спать.

- Но как же мне спать, если ты собираешься меня убить?

" Р# азумный вопрос## ", - подумал Катсук.

- Я не буду убивать тебя, пока ты будешь спать.

- Я не верю тебе.

- Клянусь своими духами; именем, которое я дал тебе, и своим собственным именем.

- Почему я должен верить в этих дурацких духов?

Катсук дёрнул за рукоять ножа, вырывая его из ножен.

- Закрывай глаза и будешь жить!

Мальчик закрыл было глаза, но тут же широко распахнул их.

Катсуку всё это показалось смешным, но в то же время он лихорадочно думал, как убедить Хоквата. Никакие слова не помогали.

- А если я уйду, ты будешь спать?

- Попробую.

- Тогда я уйду.

- У меня затекли руки.

Катсук лишь тихо вздохнул и наклонился, чтобы проверить ремни. Они туго охватывали руки, но кровообращение нарушено не было. Индеец развязал узлы, растёр мальчику запястья. Потом он снова связал их, добавив скользящую петлю для каждой руки и пропустив её через плечи Хоквата.

- Теперь, если ты попробуешь освободиться, - сказал он, - новые узлы затянутся еще туже, и кровь не сможет поступать в руки. Если это случится, я тебе помочь не смогу. Останется только отрезать их.

- Значит сейчас ты уйдёшь?

- Да.

- Ты пойдёшь кушать?

- Нет.

- А я хочу есть.

- Кушать будем, когда ты проснёшься.

- А что мы будем есть?

- Здесь найдётся много съедобного: корешки, личинки...

- Ты останешься снаружи?

- Да. Засыпай. Впереди долгая ночь. Ты будешь идти со мной. Если не сможешь - мне придётся убить тебя.

- Зачем ты это сделал?

- Я уже говорил тебе.

- Нет, не говорил.

- Заткнись и ложись спать.

- Как только ты вернёшься, я сразу же проснусь.

Катсук не смог удержать улыбки.

- Хорошо, теперь я знаю, что делать, если захочу тебя разбудить.

Он поднялся, вышел из пещеры и погрузил лицо в воду ручья. Она быстро охладила и освежила кожу. Потом он встал на колени и заставил все свои чувства обследовать царившую здесь тишину. Убедившись, что всё кругом спокойно, он направился к деревьям на самом краю обрыва. Там он посидел какое-то время, неподвижный будто глухарь, припавший к собственной тени. Отсюда ему была видна тропа, которую его племя проложило много столетий назад. Она огибала деревья у основания склона. С этой

высоты её было прекрасно видно, хотя с земли её скрывали деревья и скальные расщелины.

Он сказал сам себе: " Сейчас я обязан быть сильным. Я нужен своему племени. Наши тропы съедает лес. наших детей проклинают и уничтожают. Наши старики не могут говорить с нами, потому что мы ничего не можем понять в их словах. Мы сопротивляемся злу, сами прибегая к нему, но мы вымираем. Мы безземельны на своей собственной земле".

Очень тихо, только самому себе, Кэцук стал петь имена своих мёртвых: # Яниктахт...Кипскилтч...## Пока звучала песня, он подумал о том, как само прошлое вплелось в дух песен его народа, но теперь умирают и сами песни.

Далеко внизу из-за деревьев вышел медведь, обошел склон и направился в другую сторону, чтобы наестся травы к # инникини #. Похож, где-то рядом было его логово.

"# Здесь нам ничего не грозит##," - подумал Кэцук.

Теперь и он сам улёгся на мягкий покров мха в тени низких ветвей. Он лежал на животе, готовясь заснуть.

" Впоследствии, - думал он, - надо будет поменять нож хокватов на подходящий, чтобы вырезать лук и стрелу, которые мне ещё предстоит сделать..."

* * *

Из ПИСЬМА Дэвида Маршалла родителям:

Дорогие мамочка и папочка, у меня всё чудесно. Самолёт приземлился в Сиэтле. Тут меня встретил человек из лагеря. Мы сели в маленький автобус. На нём ехали долго. Шёл дождь. Нас довезли до штуки, которую здесь называют фуникулёром. Маленький поезд повёз нас вверх, в горы, до самого лагеря. Недавно здесь нашли следы медведя. Мой воспитатель - индеец, но не такой как миссис Парма. Он родился, как сам рассказывал, где-то возле океана. Зовут его Чарльз Как-то-там. Мы его называем Вождём. У нас здесь нет спальных палаток. Наоборот, мы живём в домиках. У всех них есть названия. Я живу в Кедровом Доме. Так что если будете мне писать, на конверте укажите: Кедровый Дом. Тут есть один мальчик, который уже был тут в прошлом году. Он говорил, что Вождь - самый лучший здесь воспитатель. А мистер Кларк - управляющий в лагере. Он пригласил человека, чтобы мы сфотографировались с Вождём. Когда мы получим снимки, я пришлю. В нашем Доме живёт восемь мальчиков. У Вождя есть своя комната на задах, возле туалета. Пришлите мне, пожалуйста, шесть катушек плёнки и какую-нибудь жидкость против насекомых. И ещё мне нужна новая вспышка. Моя разбилась. В вагоне один мальчик порезал руку. Здесь много деревьев. И у них тут красивые закаты. В воскресенье мы пойдём в двухдневный поход. Спасибо, что положили всякой вкуснятины. Я нашёл свёрток уже в вагончике. Я поделился со всеми ребятами, и осталась только половина. Арахис я ещё не открывал. А сейчас мы ожидаем обеда. Нас заставили написать письма до того, как мы будем кушать.

* * *

ДЭВИД проснулся.

В какой-то миг его единственными мыслями были голод и жажда, горло было совершенно сухим. Только потом он почувствовал ремешки на руках и запястьях. Было странно, как он вообще смог заснуть. Глаза болели, веки всё время закрывались. Маль-

чик вспомнил предупреждение Катсука о том, что не следует и пробовать освободиться. Вся пещера была погружена в зеленоватом полумраке. Во сне мальчик разбросал мох, на котором лежал, и теперь холод камня пронизывал его до костей. Он задрожал. Потом дрожь прошла, и его взгляд метнулся вверх, к петле, завязанной на каменном выступе. Она была слишком высоко.

Но где же этот сумасшедший Катсук?

Дэвид с трудом переместился в сидячую позицию. И в этот миг он услышал вертолёт, летящий над горным склоном, прямо напротив входа в пещеру.

Мальчик сразу же узнал этот звук, и в нём вспыхнула надежда. Вертолёт!

Дэвид затаил дыхание. Он вспомнил, как бросил свой платок у подножия обрыва. Во время всего кошмарного ночного марша он держал его в руке, думая, где бы его бросить на землю. На платке была его монограмма - отчётливые буквы ДММ.

Он вынул платок из кармана сразу же после того, как вспомнил о нём, смял в плотный комок и держал в руке, ожидая... ожидая... Не было смысла бросать его слишком рано. Катсук заводил его в воду ручьёв, вёл то вверх, то вниз по течению, тщательно запутывая следы. Дэвид подумывал о том, чтобы отрывать кусочки ткани от платка и бросать их, но монограмма была только в одном уголке, к тому же он был уверен, что Катсук обязательно услышит, если он начнёт рвать ткань.

На склоне оврага Дэвид двигался медленно не только от усталости и отчаяния, но и по другой причине. Катсук был уверен, что укроется здесь до вечера. Земля под склоном прекрасно просматривалась с неба. Здесь не было никаких троп. Носовой платок в таком необычном месте мог бы привлечь внимание. Сам же Катсук был настолько поглощён подъёмом, был настолько уверен в себе, что не оглядывался назад.

И, конечно же, пилот вертолёта там, снаружи, сейчас увидел его платок.

И опять рокочущий шум винтов пронёсся мимо расщелины, заполнив всю пещеру. Что они делают? Собираются приземляться?

В душе Дэвид молил, чтобы пилот и люди в вертолёте смогли рассмотреть склон.

Но где же безумный Катсук? Или его уже заметили?

От жажды горло горело огнём.

Вертолёт снова пронёсся мимо расщелины. Дэвид надеялся услышать какие-нибудь изменения в звуке винтов. Неужели он уже спасён?

Он вспоминал долгий ночной переход; ужас, из-за которого все его мысли помутились; о тёмной тропе с выступающими корнями. Вернулись чувства голода и страха, даже более сильные. Мальчик глянул на каменный пол пещеры. Ноздри опять уловили слабый медвежий запах.

Машинный звук вновь заполнил всю пещеру.

Дэвид попытался представить окрестности обрыва. Есть ли тут где-нибудь место, чтобы вертолёт мог приземлиться? Когда они пробирались сквозь лес, он так устал, так проголодался и хотел пить, так отчаянно размышлял над тем, где бросить платок, что даже не обратил внимание на окружающее. Мрак ночи с её холодными и безразлично глядящими на него звёздами затуманивал его память. Мальчику удалось вспомнить лишь накаты птичьих криков на рассвете, подавившие все его чувства, которые и до того были ослаблены голодом и жаждой.

Нет, ну что они там делают, в этом вертолёте? И где Катсук?

Дэвид попытался представить полёт на вертолёте. Он уже

летал на вертолётё, когда добирался с родителями из одного аэропорта в другой. Так что этот звук, конечно же, вертолётный. Вот только никогда он не поинтересовался, сколько места требуется винтокрылой машине для посадки; знал лишь, что не очень много. Так сможет он сесть возле обрыва? Этого мальчик не знал.

Но может это сам обрыв с возможностью осыпи удерживает пилота от приземления? Катсук предупреждал о подобной опасности. А может Катсук достал где-нибудь ружьё, которое он мог спрятать где-нибудь здесь раньше, а вот теперь достать. Он мог ожидать в засаде, чтобы сбить вертолёт.

Дэвид в отчаянии замотал головой из стороны в сторону.

Он подумывал о том, чтобы закричать. Но за шумом в вертолётё его никто не сможет услышать. К тому же Катсук предупредил, что убьёт его при первой же попытке закричать.

Дэвид представил свой собственный нож на поясе у Катука - нож марки "Рассел", сделанный в Канаде. Он представил, как смуглая рука Катука вытягивает нож из ножен, сильный удар...

Если я закричу, он обязательно убьёт меня.

Шум машины кружил возле просеки у подножия осыпи, и это путало слух. Вся пещера и маскирующие её деревья тряслись от грохота. Трудно было сказать, когда вертолёт летел низко над склоном, а когда он поднимался над скалой. Сказать можно было только одно: он был здесь.

Но куда девался Катсук?

Дэвид стучал зубами от холода и страха. Голод и жажда разбили время на неодинаковые кусочки. Пыльный жёлтый свет, приходящий снаружи, ничего не мог сказать мальчику. Но и звуки по их значению он тоже не мог разобрать, как бы тщательно он не прислушивался.

Ясно было лишь одно - вертолёт здесь. Его шум ещё раз наполнил пещеру. Но на этот раз к нему примешался посторонний звук - медленно нараставший грохот. Даже гром был бы тише. Вся пещера задрожала.

Может у них какая-то авария?

Мальчик затаил дыхание, когда пугающий звук повторился, становясь всё громче и громче. Наконец он достиг кульминации и начал убывать. А вместо него стал хорошо различимым гомон вороньей стаи. Звук вертолёта стих до далёкого, еле различимого урчания.

И всё же мальчик слышал его. Так-так-так## винтов проникало в пещеру вместе с холодным зелёным светом и занимало всё внимание Дэвида. Вдоль позвоночника, расслабляя мышцы, покатилась волна страха. Звук винтов вертолёта стихал... стихал... пока не затих совершенно. Теперь слышно было только воронье карканье и гулкое хлопанье крыльев.

Вдруг арка входа в пещеру заполнилась чёрным силуэтом Катука. Контуры фигуры подсвечивались по краю мутным светом. Не говоря ни слова, Катсук снял петлю с каменного выступа и развязал руки и запястья мальчика.

"# Почему он ничего не говорит? Что там произошло?##" - удивлялся Дэвид.

Катсук ощупал карман на джинсах Дэвида.

"# Носовой платок!##" - догадался тот.

Он попытался сглотнуть, глядя на своего стража, взглядом умоляя его хоть немножечко рассказать о том, что произошло снаружи.

- Придумано было очень умно, - сказал Катсук без всякой злости. Он продолжал массировать запястья мальчика. - Весьма и весьма.

Тихие, спокойные слова Катука перепугали Дэвида гораздо

сильнее, чем если бы его похититель гневно орал.

"# Если он назовет меня Хокватом, - ##думал мальчик, -# надо # не забыть ответить, чтобы не рассердить его. "

Катсук оставил запястья пленника и сел, глядя ему прямо в лицо.

- Ты хочешь узнать, что там произошло. Я расскажу.

"# Я Хокват##, - напоминал Дэвид сам себе. -# Нельзя его сер- # дить. ##"

Мальчик следил за губами и глазами Катсука, вслушивался в каждый оттенок голоса, искал мельчайшее проявление эмоций. Но слова Катсука текли мерной каденцией:

- Ворон... громадная птица... дьявольская машина..."

У всех этих слов было и дополнительное, переносное значение. Дэвиду казалось, будто ему рассказывают увлекательнейшую историю, и не о вертолёте, а о громадной птице по имени Ворон, о победе Ворона над злыми силами.

- Знай, что когда Ворон был молодым, он был отцом моего племени. Это он принёс нам солнце, луну и звёзды. Он принёс нам огонь. Тогда он был белокожим, таким как ты. Но дым огня прокоптил его. И вот сегодня Ворон пришел, чтобы укрыть меня от дьявольской машины - чёрный Ворон. Это он спас меня. Ты понял?

Дэвид лишь дрожал, неспособный не спросить что-нибудь, ни понять что-либо.

В полумраке пещеры глаза Катсука блеснули кобальтовой синевой. Солнечные лучи, попадающие в пещеру снаружи, медово позолотили кожу мужчины, сделали его фигуру больше, объемней.

- Ты почему дрожишь? - спросил Катсук.

- Я... я замёрз.

- Есть хочешь?

- Д-да.

- Тогда я стану учить тебя, как жить на моей земле. На ней есть множество вещей, чтобы поддерживать нас: коренья, сладкие муравьи, жирные личинки, цветы, клубни, листья. Ты научишься всему этому и станешь человеком леса.

- Лесником?

Катсук покачал головой из стороны в сторону.

- Человеком леса. Это совсем другое. Ты хитёр, в тебе есть дьявол. Именно такие становятся людьми леса.

Дэвид не понимал смысла этих слов, но на всякий случай кивнул.

- Ворон сказал мне, что мы можем идти и днём. Мы выйдем сейчас же, потому что хокваты вышлют на поиски людей. Они придут сюда из-за твоего хитроброшенного платка.

Дэвид провёл языком по губам.

- Куда мы пойдём?

- В горы. Возможно, мы найдём там долину мира, где мои предки однажды набрали воду жизни.

"# Он совершенно сошел с ума## " - подумал Дэвид и сказал:

- Я хочу пить.

- Напейся из ручья. А теперь поднимайся.

Дэвид послушался, ожидая, что ему снова свяжут руки. У него болел бок, на котором он лежал на каменном полу пещеры. Он поглядел на дневной свет снаружи.# Идти днем, когда где-то # рядом летает вертолет?

А может, поглня уже рядом, и только потому сумасшедший # Катсук собирается бежать при дневном свете?

- Ты думаешь, твои друзья прилетят в своей дьявольской машине, чтобы спасти тебя? - спросил индеец.

Дэвид потупился и уставился на камни, покрывавшие пол пе-

щеры.

Катсук довольно рассмеялся.

- Как тебя зовут?

- Хокват. - Не подымая взгляда.

- Очень хорошо. Только твои друзья нас не увидят, Хокват.

Дэвид поднял глаза, чтобы встретить взгляд в упор.

- Почему не увидят?

Катсук указал головой на выход из пещеры.

- Там со мной говорил Ворон. И он сказал, что укроет нас от всех искателей с неба. Я даже не буду тебя связывать. Ворон удержит тебя от побега. Если ты попытаешься сбежать, Ворон укажет как тебя достать и убить. Ты меня понял, Хокват?

- Д-да. Я не буду убегать.

Катсук довольно усмехнулся.

- Именно это и сказал мне Ворон.

* * *

СОТВОРЕНИЕ МИРА по Чарлзу Хобухету. Из статьи для журнала "Антропология 300":

И оставит человек отца своего и мать свою, и будет держаться с духом, что свяжется с плотью его. Но, до того как получит плоть эту, будет он нагим, каким мог он быть ни перед кем. И не будет он стыдиться наготы своей, понимая, что есть такая и такая кость среди костей его, и тогда плоть его закроется и сотворится всё. И овладеет тогда человеком этим тяжёлый сон, хотя бог создал человека. И не найдётся никого, способного помочь; все имена человеческие будут Боговы. И Бог человеческий станет причиной того, что падут небеса, что каждый зверь полевой сможет зваться человеческим именем и познает душу. Зовут её живой душой. Каждая скотина, каждый дикий зверь, любое создание заберётся в человека, чтобы увидеть - что сотворилось из первичной материи в живой душе. И человек, отделённый от того, что его сформировало, создало, назовёт только лишь имя его, считая это за помощника или помощников. Но Алкунтам сказал: "Если не будешь добрым - умрёшь. И всё живое станет плотью от плоти твоей, и отделён станет человек от неба."

* * *

Шум вертолётки разбудил Катсуку вскоре после полудня. Он неподвижно лежал под елью, определив направление звука еще до того, как поднять голову. Но даже и потом он стал двигаться очень медленно, будто встревоженный зверь, хотя знал, что нижние ветви скрывают его, но стараясь не сделать ничего такого, что привлекло бы внимание искателей.

Вертолёт возник над деревьями, растущими на склоне, описал круг над их укрытием, потом улетел и возвратился снова. # Так-так-так## винтов заглушило все остальные звуки, когда рокот кружил над скалой, отражаясь от поверхности осыпи.

Катсук глядел в небо через скрывающие его ветви. Солнце отражалось от округлого корпуса воздушной машины. Вертолёт был серебристо-зелёным, с эмблемами Службы Национального Парка. Винты производили еще и какой-то дополнительный: противный, шипящий звук, от которого ладони Катсука вспотели.

Почему он кружит здесь? Что привлекло его внимание?

Индеец знал, что тень ели скроет его, но присутствие поисковиков действовало ему на нервы, из-за чего хотелось ку-

да-то бежать.

Снова и снова возвращался вертолёт, облетая оползневую стену и граничащие с ней деревья и скалы.

Катсук думал о мальчишке в пещере. Люди из вертолёта могли посадить машину и выскочить сразу же после того, как услышат крик. Только на вершине склона сесть они не могли - этому мешали деревья, а сам склон был очень крутым.

Но что они вообще тут делают?

Катсук отвёл взгляд от вертолёта и взглядом обследовал поверхность склона. Внезапно его глаза сфокусировались на каком-то предмете. У самого основания стены обрыва, на узенькой полоске отблескивало что-то неестественно белое.

Там, где всё должно быть серым и зелёным, лежало нечто белое. И острые глаза лесников из вертолёта заметили это.

Катсук изучал эту белую штуку, в то время, как вертолёт делал следующий заход. Что же это было? Поднятый винтами воздушный поток заставил это нечто взлететь.

И тут понимание происходящего бомбой взорвалось в голове индейца - 1Носовой платок!

Хокват вытащил из кармана носовой платок и бросил его здесь. и снова воздушный поток подхватил квадратик ткани, показывая его чужеродную этому месту натуру.

Эта вещь буквально кричала наблюдателю, что нечто, изготовленное человеческими руками, валяется здесь, в глуши, вдалеке от обычных дорог. И такая вещь обязательно разбудит его любопытство.

Снова вертолёт пронёсся над деревьями, покрывающими вершину обрыва. Он летел опасно низко, чтобы дать возможность человеку, сидящему рядом с пилотом, осмотреть эту вещь в бинокль. Катсук видел отражение солнечных лучей на линзах.

Если искатель направит свой бинокль на тень под ёлкой, он сможет даже увидеть очертания человеческой фигуры. Только опытность сработала против людей, сидящих в летающей машине. Они исследовали возможности подняться на склон, но видели только поднятую винтом пыль. Склон был для них лишь сложным барьером для пеших искателей. Они посчитали, что человек на эту осыпь вскарабкаться не может.

Пилот пытался парить над склоном, чтобы у наблюдателя появилась возможность всё хорошенько рассмотреть, но воздушные потоки породили сильнейшую турбулентность. Вертолёт запваливался и скользил в опасной близости от вершин деревьев. Двигатель ревел, когда винтокрылая машина вздымалась над скалами. Деревья согнулись под ударом воздушного бича.

Катсук спрятался подальше в гущу деревьев.

Пилот храбро искал места для посадки рядом с заинтриговавшим его белым пятном, но это ему не удавалось. Пришлось воспользоваться радиосвязью. Ведь можно было хотя бы сообщить о замеченной им странной вещи, а потом сюда могут прийти пешие искатели.

И снова вертолёт очень низко промчался над деревьями, пересекая осыпь. Воздух звенел от шума мотора и винтов.

Внезапно, чуть ниже того места, где прятался Катсук, раздался тихий, скрежещущий шорох. Когда вибрация, вызванная шумом и ударной волной воздуха, сдвинула якорящие осыпь камни из неустойчивого равновесия, склон начал двигаться. Поначалу медленно, камни покатались вниз с неодолимой силой. В воздух поднялось облако серой пыли. Камни и обломки неслись со всё большей скоростью, порождая грохот, заглушивший стрекотание механической птицы. Убегая от пыльной тучи, вертолёт взмыл над просекой. Ноздрей Катсука достигла вонь горящего от трения

кремня.

И вдруг стая воронов, до сих пор тихо сидевшая на деревьях позади Катука, тоже взмыла в небо. Их крылья перелопачивали воздух. Их клювы были открыты. Но за грохотом лавины их карканья не было слышно.

Теперь уже в движение пришёл весь склон. Настоящий каменный мальстрём с рёвом нёсся вниз, к деревьям, заваливая обломанные ветви, с силой выбрасывая в воздух целые брёвна. Деревья поменьше и кусты согнулись, но выдержали бешеную атаку.

Обвал заканчивался так же медленно, как и начался. Несколько последних камней прокатились по склону сквозь тучу пыли и разбились о стену деревьев. Сейчас можно было слышать воронье карканье. Они кружили в небе и грозили разрушителю своих владений.

Вертолёт, высоко кружащего над поляной за вороньей стаей почти не было видно.

Катук наблюдал за всем этим сквозь ветви деревьев.

Вертолёт завалился вправо и еще раз пролетел над тучей пыли, опадающей на склоне. Платок исчез, захороненный тоннами камней. Катук прекрасно видел, как человек в кабине делает какие-то жесты в сторону вороньей стаи.

Птичий строй развернул фланги и пошёл в атаку на пришельца.

Машина исчезла из поля зрения Катука. Вертолёт поднялся над деревьями, оставляя воронам только вонь выхлопных газов.

Часть птиц расселась на деревьях над Катуком, в то время как их товарищи продолжали атаковать вертолёт.

Машина полетела на запад и направилась в сторону океана. Звук двигателя затих.

Катук вытер вспотевшие руки о набедренную повязку. рука нащупала рукоять ножа, и он вспомнил о лежащем в пещере мальчишке.

Носовой платок!

Вороны защитили Катука, даже осыпь встала на его защиту. Духи, если надо, могут вызвать даже обвал.

Совершенно чётко, будто слыша голос, Катук знал, что искатель, показывающий на воронью стаю, объяснял, что эти птицы - верный знак того, что людей поблизости нет. Теперь воздушный искатель полетел в какое-то другое место. Сидящие внутри люди были уверены в послании воронов.

Склонив голову, Катук беззвучно благодарил Ворона.

Это я - Катук - посылаю тебе благодарность, Дух Ворона.

Я прославляю тебя там, где знают о твоём присутствии...

Во время молитвы Катук благодарил бледнолицых за их полнейшее неведение. Белые не знали, что# Племя, люди## пошли родом от Ворона. И Ворон всегда опекует своих детей.

Катук подумал о носовом платке. У Хоквата в кармане один был. И явно он же был и у подножия склона.

Вместо того, чтобы рассердиться, Катук вдруг почувствовал, что в нём появилось чувство одобрения.# Милый... умный... # маленький хокватский дьяволенок!## Даже самый невинный оставался хитрым и предприимчивым. Даже с завязанными руками, с ужасом, терзающим сердце, он всё равно подумал о том, чтобы оставить знак того, что прошёл здесь.

Катук пробовал на вкус маленькое семечко уважения, которое проросло в нём. Вот только куда заведёт его это чувство? Сможет ли оно предотвратить смерть Хоквата? Как долго еще духи станут испытывать Катука?

Мальчишка чуть ли не достиг своего с этим платком.

Почти.

Так что это не было настоящим испытанием. Это только цветочки, подготовка к чему-то большему.

Катсук отдавал себе отчёт, почему уловка мальчика не удалась. Что-то в этом месте хотело примирить их - их обоих. Катсук чувствовал, как меняются его мысли, теперь он подумал, что подобное развитие событий и ожидалось. Кляксы черных крыльев, истинный вороновый водопад промчался в его мыслях. За ним следят и охраняют!

Страх искал его повсюду, но теперь оставил.

А что он сделал с мальчиком?

Пыхтение осыпи; туча вздымающейся словно пар пыли, все движения в этой глуши, во всей природе - всё это были новые голоса, которые теперь Катсук мог понимать.

Таманавис 0, суть его духовной силы, возродилась.

Катсук потёр то место на руке, куда он был отмечен Пчелой. Его плоть восприняла её послание. И более того, она впитала в себя и силу, которую невозможно было остановить. Пускай искатели посылают против них самые сложные машины. Он был Пчелой своего племени, им управляли силы, которые не могли сломить никакие хокватские машины, пусть даже самые мудрёные. Вся окружающая его природа помогала ему и защищала его. Дикая природа говорила с ним новым голосом через каждое создание, каждый листок и каждый камушек.

Теперь он вспомнил Яниктахт с абсолютной ясностью.

До этого мгновения Яниктахт была призраком: растрёпанной утопленницей; тайной, пропитанной слезами, пахнущей гнилыми водорослями. Её душа бродила в одиночестве, сливаясь с колдовскими чарами ночи.

Но сейчас все страхи были погребены под осыпью. Катсук знал, что это глаза Чарлза Хобухета видели реальность: мёртвая Яниктахт, лежащая на берегу мокрая и распухшая; в волосах запутались водоросли, плавающие обломки оставили на коже царапины.

Как бы доводя его откровение до логического конца, из погони за вертолётом вернулись последние группы воронов. Все они расселись на ветвях над Катсуком. Даже когда он вышел на солнце из под укрытия еловых ветвей, чтобы подняться к пещере, где лежал пленённый Хокват, вороны оставались сидеть на месте, болтая друг с другом.

* * *

ОТРЫВОК из письма, оставленного в туристическом убежище Сэм Ривер.

Ваши слова навсегда сохраняют иллюзии. Вы забили мою голову чужими мнениями, чужой верой. В моём племени учили, что человек зависит от доброжелательности всех других животных. Вы запретили обряды, которые учили этому. Вы говорили, что мы сможем испугаться некоторых мыслей. Я спрашиваю: кого бояться теперь?

* * *

Когда они спустились по осыпи и открыто шли по лесу, Дэвид говорил себе, что вертолёт обязательно вернётся. Сидящие в нём люди увидели его носовой платок. Катсуку не останется ничего как смириться с этим. и вообще, какое отношение к реальной жизни имеют его прибацанные разговоры про воронов. люди

увидали платок и обязательно вернуться.

Из-под руки Дэвид глянул на скалу и увидел над ней маленькое пятнышко, темной тучкой поднимающееся в ясно-голубое небо.

Вертолёт мог вернуться. Могли прийти пешие искатели.

Дэвид настроился услышать шум винтов.

* * *

Катсук завёл мальчика в густую тень деревьев, и Дэвид молился, чтобы вертолёт прилетел, когда они будут на открытом месте, не затенённом деревьями.

!Сумасшедший индеец!

Катсуку передалась напряженность мыслей мальчика, но он знал, что две фигуры, стоящие сейчас в полумраке леса - это не люди. Никто из людей не шёл сейчас по этой древней тропе. Они сами были только первичными элементами, очищающими суть свою от атомов времени, как животные очищают свою шерсть от колючек. Мысли его летели сейчас как ветерок над травой, производя шевеление мира лишь после того, как пронеслись в нём. И когда мысли его пролетали через мир, всё позади застывало в молчании, незаметно изменившись по сравнению с предыдущим моментом.

И ещё кое-что изменялось.

Эти мысли изменяли что-то первичное, то, что можно было чувствовать в самых дальних звёздах.

Катсук остановился, осмотрел мальчика и сказал:

- Летящий погибнет от скорости, и сильный не укрепит мощь свою, пока не поверит он в себя. Вот что говорится в ваших хокватских книгах. Еще там говорится, что бахвалясь среди сильных можно уйти голым среди бела дня. Когда-то у вас, хокватов, были умные люди, но вы никогда их не слушали.

В другой раз они отдыхали и пили из ручья, стекающего со скального уступа. Под ними в глубоком ущелье грохотала зелёная река. Высоко-высоко облака пятнали небо, бросая тени на серые скалы на другом берегу.

Катсук указал вниз, на реку: "Гляди!"

Дэвид повернулся, посмотрел вниз и в изменчивом ритме солнечных отблесков увидел плывущего бурого оленя. Свет, звуки и движения зверя - всё вместе ослепили его сознание.

В воздухе присутствовал какой-то мрачный холод, и когда они уходили от ручья, Дэвид услышал как внезапно умолкли лесные птицы. Небо всё сильнее затягивалось тучами. на плечо уселся овод, немного посидел и полетел по своим делам.

Мальчик уже давно потерял надежду, что Катсук накормит его в этой глухомани. Были только слова, одни разговоры о том, что здесь имеется еда. Но ведь и сам Катсук говорил: "Слова дурачат тебя".

Дэвид следил за мельканием беличьих лапок на высокой ветке, но думал он только об одном - как бы изловит зверька и съест.

День тянулся медленно-медленно. Иногда Катсук рассказывал о себе или своём племени - истории очень увлекательные, но не всегда похожие на правду. Мальчик с индейцем проходили через густые заросли и шли по залитым солнцем полянам, над ними были тучи и трепещущие листья. И везде единственным звуком был только звук их собственных шагов.

Из-за сильной усталости Дэвид позабыл даже про голод. Куда они идут? Почему не прилетает вертолёт?

Катсук и сам старался не думать о цели их путешествия, говоря себе: "Сейчас мы здесь, а пойдем туда-то". Он чувство-

вал, как изменяется сам, как охватывают его древние инстинкты. В своей памяти он находил совершеннейшие провалы, и знал, что про кое-какие вещи и явления уже не сможет думать так, как принято у хокватов.

Вот только к чему вели происходящие в нём перемены?

Ответ на этот вопрос сам возник в его сознании, духи открыли ему свою мудрость, своё решение: его мысли, его мозг будет преобразаться до тех пор, пока сознание не отключится полностью; тогда он окончательно станет Похитителем Душ.

Под громадным тополем протекал ручей. Повсюду было множество оленьих следов. Катсук остановился и они напились. мальчик смочил водой лицо и воротник.

Катсук наблюдал за ним и думал: # Сколько силы в этом ма-
леньком человеке... Как странно пьёт он воду сложенными ладо-
нями... Что подумали бы его соплеменники о парне, стоящем в
такой позе...

В том, что делал мальчик, было своеобразное изящество. Он уже начинал вписываться в эту жизнь. Когда нужно было молчать - он молчал. Когда можно было утолить жажду - он пил. Вот только голод был для него тяжелым испытанием. Духи дикой природы проникли в него и говорили, что он сделал правильный выбор. Правда, правота эта еще не была окончательной. Он всё ещё оставался хокватским мальчиком. Клетки его тела нащёптывали ему мысль о бунте, заставляя отказаться от окружающей его земли. И в какой-то миг он мог отделиться от неё, ещё раз стать совершенно чужим ей. Пока всё находилось в неустойчивом равновесии.

Катсуку казалось, что именно он и регулирует это равновесие. Мальчик не имеет права требовать еды, пока не наступит время. Жажду следует утолять лишь тогда, когда хочется пить. Разрушающее воздействие голоса может быть предотвращено желанием не разговаривать.

Нагруженные пылью пчёлы деловито гудели в огненных метёлках цветов возле падающего с обрыва ручья. # Это глаза духов,
от которых нам никогда не укрыться.

Катсук присмотрелся к насекомым, трудящимся в зеленоватом от листвы свете. Пчёлы были частью здешнего мироустройства и порядка. Причём, не как множество отдельных существ, но как единый организм. Они были Пчелой, посланницей духов, что когда-то отметила его самого.

Мальчик напился из ручья и сел на корточки, внимательно оглядываясь по сторонам, ожидая, что будет дальше. В какой-то миг в посадке головы мальчика Катсуку открылся намёк на человека, что был отцом этого человеческого создания: из мальчишеских глаз выглядывал взрослый, взвешивая, оценивая, планируя.

Мысль о присутствующем здесь мужчине-отце заставила Катсука на какой-то миг нервничать. Ведь отец уже не был Невинным. # Он## обладал всякими премудростями хокватов. У# него## могли быть какие-то особенные силы: добрые и злые, которые позволяли хокватам главенствовать над более примитивным миром. Следует заставить этого типа держаться в тени, подавить его активность.

Только как это сделать? Плоть мальчика нельзя было отделить от того, кто дал ему жизнь. Следовало призвать силу духов. Но каких духов? Каким образом? Удастся ли исключить мужчину- отца с его собственными провинностями и недостатками?

Катсук подумал: # Мой отец пришел бы, чтобы помочь мне в
подобной ситуации.

Он попытался вызвать образ отца, но пришёл не облик, а голос.

Внезапно Катсук почувствовал, как в нём проклёвываются семена паники.

Его отец был здесь. Человек, который существовал. Он пришёл от своих берегов, рыбалки, воспитания двух детей. Но он избрал путь пьянства, обращенной вовнутрь ярости и смерти в воде. Разве хокваты отвечали за это?

Где было его лицо, его голос? Он был Хобухетом, Речным человеком, чьё племя жило на этой земле два раза по тысяче лет. И он был отцом своего сына.

Катсук продолжил свои размышления: # Но ведь я уже не Чарлз # Хобухет. Я - Катсук. И отец мой - Пчела. Я призван, чтобы сотворить ужасное. Пока я Ловец Душ, мне следует призывать на помощь только духов.

Теперь он беззвучно молился, увидав, как блеснули глаза мальчика отражением своего мужчины-отца. Нет, в этом месте никакая сила не может сравниться с Ловцом Душ. Это успокоило Катсука. Не может сомневаться величайший из духов! Нет в этой плоти хокватского отца, он изгнан. Остался один Невинный!

Катсук поднялся и прошёл вдоль края обрывистого склона, слыша, что мальчик идёт за ним. Не нужно было никаких слов, никаких команд. Похититель Душ создал в воздухе невидимую нить, по которой следовал мальчик, будто привязанный крепким ремнём.

Катсук сошёл с тропы и углубился в поросшие мхом заросли тсуги. Где-то здесь был гранитный уступ, опоясывающий всю речную долину. Ноги сами несли его. К первому выходу камня он вышел где-то через час, продираясь через заросли черники. Мальчик следовал за ним, протискиваясь через кусты, как делал это Катсук. Они вышли на голую каменную поверхность, к югу от них развернулась вся долина с сочными травами и пасущимися на полянах лосями.

Внимание индейца привлек выводок жирных перепелок, поднявшихся в воздух ниже того места, куда они вышли с Хокватом. Птицы напомнили ему о голоде, который чувствовало его тело, когда он позволял ему это. Но сейчас он голода не чувствовал, зная, что тело его уже успело приспособиться к суровой жизни.

Мальчик растянулся на нагретом солнцем камне. Катсуку было интересно, хочет Хокват есть или станет это отрицать. Мальчишка тоже успел приспособиться к суровой жизни. Вот только, каким образом? Или в каждый момент бытия он погружался настолько глубоко, что потребности воздействовали на его органы чувств только лишь в каждом отдельном случае. Подъем наверх утомил мальчика, и он сейчас отдыхал. Это был самый правильный выход. Но что еще изменится в теле Хоквата?

Очень тщательно Катсук стал изучать своего пленника. Пот сделал тёмными волосы на шее мальчика. на штанинах бурая грязь. На полотняных туфлях сохли комья глины.

Катсук унюхал запах пота мальчика: молодой, мускусный запах напомнил ему закрытые школьные помещения. Он продолжал размышлять:

Земля, отмечающая нас внешне, оставляет свои следы и внутри нас.

Может прийти такое время, когда мальчик будет настолько крепко связан с этой природой, что уже не сможет расстаться с нею. Если связь эта будет налажена как следует, невинность останется и ней будет столько силы, чтобы бросить вызов любому духу.

1На мне метка его мира. А теперь мой мир метит его.

Сейчас борьба шла в двух плоскостях - желание не упустить жертву и желание жертвы сбежать, только борьба эта происходила

в сфере духов. И знаком этого была происходящая в природе борьба.

Катсук поглядел на другую сторону долины. На дальнем склоне рос старый лес, с окутанными серебристой паутиной мёртвыми деревьями.

Мальчик перевернулся на спину, прикрыв глаза рукой.

- Сейчас мы пойдём дальше, - сообщил Катсук.

- Разве нельзя хоть чуточку переждать, - не отнимая руки от глаз спросил Хокват.

- Ты что, представляешь, будто я не знаю, что нам делать дальше?

Мальчик убрал руку, поглядел на индейца.

- Что ты...?

- Ты тянул время, когда мы пересекали поляну, специально застрял в камнях, когда переходили реку вброд, потом ты просил, чтобы я развёл костёр. Ты думаешь, я не знаю, почему ты жаловался, когда мы сошли с лосиной тропы?

У мальчика покраснели щеки.

- А теперь погляди, где мы сейчас. - Катсук указал в небо. - Мы совершенно открыты для разыскивающих нас дьявольских машин. Или же для людей, которые могут увидеть нас из долины. В бинокль нас можно узнать очень легко.

Мальчик поглядел на него

- Почему ты называешь вертолёты# дьявольскими машинами##? Ведь ты же знаешь, что это такое.

- Правильно, мне известно, что думаете о них вы. Но различные люди видят различные вещи по-разному.

Дэвид отвернулся. Он чувствовал упрямую решительность продолжить этот момент откровенности. Голод и усталость помогли ему. Да, они истощали его жизненные силы, но подпитывали его ярость и ненависть.

Внезапно Катсук рассмеялся и сел рядом с мальчиком.

- Ладно, Хокват! Я покажу тебе силу Ворона. Пока тепло, будем отдыхать здесь. Если хочешь, можешь следить за небом. Ворон спрячет нас, даже если дьявольские машины будут лететь прямо в нашу сторону.

Дэвид подумал:# Он и вправду верит в это.

Катсук перекатился на бок, изучая своего пленника. Как странно, что Хокват до сих пор ничего не понял про Таманавис. Мальчишка будет ждать, надеяться, молиться. Но Ворон дал своё обещание.

Камень под ним был тёплым и гладким. Катсук перекатился на спину, осмотрел окружающее. На освещённой солнцем стороне склона росла осина с дрожащими листьями. Отблески солнечных лучей в листьях навели его на мысль о жизни Хоквата:

Действительно, Хокват очень похож на осиновый лист: трещет от каждого дуновения, то отблескивая ярко на солнце, то прячется в тени. Он и Невинный, он и злой. Самый подходящий для меня Хокват.

- Но ведь ты взаправду не веришь во всю эту чушь про воронов, - сказал мальчик.

- Увидишь сам, - мягко отвечал Катсук.

- Один парень из лагеря говорил, что ты ходил в университет. А там тебя должны были учить, что это глупости.

- Да я посещал хокватский университет. Там учили плевать на всё это. Но я не выучился плевать, хотя каждый там этому и учился. Возможно, я глуп.

Катсук усмехнулся в небо, его взгляд бесцельно следил за хищной скопой, кружащей высоко над ними.

Дэвид, прикрыв глаза, наблюдал за своим похитителем, ду-

мая - как этот человек похож на большого кота, которого он видел в зоопарке Сан Франциско: растянулся на камне, притворно расслабившись, смуглая кожа стала матовой от покрывающей её пыли, глаза моргнут, вспыхнут, снова закроются...

- Катсук?

- Да, Хокват.

- Ведь тебя собираются схватить и наказать.

- Только если позволит Ворон.

- Наверное, ты был таким глупым, что тебя не оставили в университете!

- Как я могу знать, что им взбрѣт в голову?

- Что ты вообще знаешь?

В голосе мальчика Катсук ощущал одновременно и злость и страх, и думал, каким сыном был этот парень. Здесь, на этом месте, легко было рассуждать о его прошлой жизни - ведь всё уже сделано. Этот мальчик уже никогда не станет взрослым, не превратится в морщинистого старика. Он и так впитал в себя немало лжи. Но даже и без Катсука он никогда бы не дошёл до спокойного, обеспеченного будущего.

- Ни о чём ты не знаешь! - настаивал мальчишка.

Катсук отвернулся от него, выбрал травянистый стебель, росший из расщелины в камне, очистил от грубой оболочки и стал высасывать сладкий сок.

Дэвид почувствовал, как сосѣт в желудке.

- Ты глупый, глупый!

Катсук очень медленно повернул к нему голову, оценивающе поглядел на мальчика.

- Здесь, Хокват, я профессор, а ты - глупец.

Мальчик обиженно отвернулся и стал глядеть в небо.

- Можешь выглядывать сколько угодно, - сказал Катсук. -

Ворон укроет нас от искателей.

Он очистил еще один стебель и принялся его жевать.

- Как же, профессор! - рассмеялся Дэвид.

- Зато ты учишься слишком медленно. Ты голоден, хотя вокруг полно еды.

Глаза мальчика уставились на траву в зубах у Катсука.

- Да, взять хотя бы эту траву. В ней много сахара. когда мы переходили реку, ты видел, как я вырывал корни тростника, мыл их и жевал. Ты видел, как я ел жирных личинок, а ты только спрашивал, как нам наловить рыбы.

Дэвид чувствовал, как горят в его сознании эти слова.

Трава росла рядом с камнем, рядом с его головой. Он потянул стебель и вырвал его вместе с корнем.

Катсук поднялся, подошел к нему, выбрал молодой побег и показал, как надо очистить его от кожицы - осторожно, но уверенно - не трогая корней.

Дэвид положил кусочек на пробу в рот. Почувствовав сладость, он перемолол стебель в зубах. Желудок от голода буквально скрутило. Он схватил следующий стебель, еще один...

- Один урок ты выучил, - заметил Катсук. - А теперь идѣм.

- Ты боишься, что твой Ворон не укроет нас?

- Хочешь провести окончательный научный эксперимент, так?

Ладно, остаѣмся на месте.

Катсук отвернулся от мальчика, пригнул голову, вслушался.

Его поза обострила и чувства Дэвида. Он услышал шум воздушной машины и решил, что Катсук слышал его уже давно. Так вот почему он хотел идти отсюда!

- Услышал? - спросил Катсук.

Дэвид затаил дыхание. Звук становился всё громче. Сердце

мальчика забило сильнее.

Катсук лёг на камень и не двигался.

Дэвид подумал: # Если я стану подпрыгивать и размахивать # руками, он меня прибьет.

Катсук закрыл глаза. Мысленно он ощущал в себе другое, внутреннее небо, всё багровое от пламени. Это испытание было решающим. # Это я, Катсук... ## Шум вертолѐта забил все его чувства.

Дэвид глядел на юго-запад, на верхушку осины, затенявшей их камень. Звук исходил оттуда, становился громче... громче...

Катсук лежал с закрытыми глазами, даже не шевелясь.

Дэвиду хотелось крикнуть ему: "Беги!", хотя это было и глупо. Но ведь Катсуку схватят, если он останется здесь. Почему же он не вскакивает и не бежит, чтобы спрятаться среди деревьев?

Мальчика била дрожь.

Что-то согнуло верхушку осины...

Дэвид глядел, замерев на месте.

Вертолѐт был высоко, но летел в планирующем полѐте. Взгляд мальчика следовал за машиной - огромной, летящей в ярко-синем небе среди облаков. Она летела справа налево на расстоянии в милю от того места, где стоял Дэвид. Её пассажирам было достаточно одного взгляда, чтобы увидеть две человеческие фигуры на высокой каменной гряде.

Громадная машина пересекла дальний склон речной долины. Высокие деревья скрыли вертолѐт. Потом стих и шум винтов...

Как только это произошло, над скалой, где стоял Дэвид, взлетел одинокий ворон, потом ещё один, ещё...

Птицы летели беззвучно, ведомые собственным назначением.

Катсук открыл глаза, чтобы увидеть последних. Звук вертолѐта уже совершенно затих. Индеец поглядел на мальчика.

- Ты даже не пробовал привлечь их внимание. Почему? Я не собирался мешать тебе.

Дэвид глянул мельком на нож, висящий на поясе у Катсука.

- Ты мог бы мне помешать.

- Я и не собирался.

Дэвид чувствовал ударение на этих словах, заключенную в них правду. Реакцией мальчика стало горькое разочарование. Хотелось куда-то бежать и плакать.

- Это Ворон укрывает нас, - заявил Катсук.

Дэвид подумал о летающих над головой птицах. Они появились, когда вертолѐт уже улетел. Хотя в этом и не было никакого смысла, мальчик чувствовал - полѐт птиц был сигналом. У него появилось жуткое впечатление, будто птицы каким-то таинственным образом разговаривали с Катсуком.

- Пока Ворон защищает нас, я тебя не убью. Но вот без его покровительства...

Дэвид отвернулся. Глаза горели от слѐз. # Ведь я мог прыгать и размахивать руками, а я даже и не пытался!

Одним гибким движением Катсук поднялся с камня и сказал:

- А теперь мы идѐм.

Даже не оглянувшись, чтобы посмотреть, идѐт ли мальчик за ним, Катсук пересѐк открытое пространство и скрылся под сводами деревьев. В юго-западном ветре он чувствовал влагу. Вечером может быть дождь.

* * *

Из СТАТЬИ Чарльза Хобухета в газете Университета штата Вашингтон:

В границах своей плоти вы, белые, действуете так, будто вера ваша фрагментарна. Вы впадаете в себялюбие и насилие. Вы не поддерживаете своих детей, хотя не любите, когда не поддерживают вас самих. Вы плачете о свободе, в то время, как рациональная жизнь ограничивает пределы вашего самообмана. Вы существуете в постоянном напряжении, боясь тирании, и, одновременно, желая стать жертвой. Вы постоянно хитрите и притворяетесь, говоря, будто готовы рискнуть всем, чтобы у каждого была равная доля счастья. Но рискуете вы ничем, кроме слов.

* * *

Дэвид ощупывал лежащие в кармане два камушка - по одному на каждый день. Уже вторые сутки с этим сумасшедшим. Всю ночь они дремали и спали под скальным выступом, укрывшим их от дождя. Катсук раздумал разводить костёр, зато он пошёл в лес и вернулся с едой: какой-то серой и мягкой массой в коробе из древесной коры. Дэвид с жадностью набросился на еду, чувствуя кисло-сладкий привкус. Катсук объяснил, что это были корни лилий, смешанные с личинками и сладкими красными муравьями.

Заметив на лице мальчика отвращение, Катсук расхохотался и сказал:

- Не будешь есть - сдохнешь. Это хорошая еда. В ней есть всё, что тебе нужно.

Этот смех заглушил все возможные замечания Дэвида гораздо эффективней, чем все его контраргументы. Мальчик еще раз поел, когда над деревьями занимался рассвет.

В то утро он два часа шёл за Катсуком, пока одежда не просохла полностью.

Сейчас вокруг них росли только тсуги. На стволах некоторых деревьев были вырезаны древние знаки в виде смолисто-черных колец. Катсук сразу же узнал их и объяснил, что они отмечают путь, которым шли его предки. Мхи и папоротники разрослись под деревьями в своем царстве и совершенно закрыли тропу, но Катсук сказал, что это и был главный путь.

Небо потемнело. Дэвид размышлял, пойдёт ли снова дождь.

Подняв голову вверх, Катсук изучал окружение, потом повернулся, следя за мальчиком, пробиравшимся далеко сзади через валявшиеся на земле замшелые стволы деревьев и заросли папоротников.

Катсук внимательно изучал лежащий перед ними спуск. Древняя лосиная тропа, когда-то давно ведущая и его племя, спускалась куда-то вниз. Он мог пойти туда же, как в прошлом пошли его дикие собратья.

Мальчик подошёл к индейцу и остановился, тяжело дыша.

- Держись поближе ко мне, - сказал ему Катсук.

Он ещё раз огляделся, обойдя поросший мхом ствол дерева, отметив, что под ним висит тонкая паутинка. С нижних сучьев свисали борода мха - будто вывешенная для просушки зелёная шерсть. Свет, и яркий и приглушенный одновременно, так как солнце было закрыто тучами, размыл окружающие их цвета, и они наполнили весь мир изумрудным сиянием. В какой-то миг солнце пробилось сквозь облака и послало ярчайший луч, пронзивший весь лес от вершин деревьев до самой земли.

Катсук прошёл через столб света и пригнулся под мрачными нижними ветвями дерева. Ему было слышно, как позади него ветки цепляют, бьют и царапают мальчика.

В тёмном проходе Катсук остановился, протянул руку и остановил Дэвида. Сейчас тропа шла прямо перед ними, в паре

футов, отделенная крутой насыпью. Она сворачивала влево. На влажной почве отпечатались следы ботинок...

Дэвиду была видна напряжённость Катсука, который прислушивался к звукам, которые издавали путешественники впереди. Следы выглядели совершенно свежими. По тропе скатывалась влага, но следов совершенно ещё не сгладила.

Катсук повернулся, поглядел на мальчика и указал рукой в направлении, откуда они шли.

Дэвид непонимающе покачал головой.

- Что такое?

Катсук поглядел на холм, с которого они спустились, и сказал:

- Мы проходили мимо большого дерева. Возвращайся туда и спрячься под ним. Если я увижу или услышу хоть малейший знак твоего присутствия, убью.

Дэвид повернулся и начал подниматься к дереву.

Это был кедр, нижние сучья которого поросли мхом, зато живые ветви рвались в небо по всей длине ствола. Катсук показывал на другое - поваленное дерево, называя его деревом-кормилицей. Его ветви скоро станут самостоятельными деревьями. Дэвид полез через этот наклонившийся ствол.

Добравшись до места, он опустился на колени, пытаясь пробить взглядом полумрак. Его глаза выискивали цветные пятна, движение. Сидя тихо-тихо, он слышал лишь как повсюду капает вода. Ему передалось царящее здесь уныние. К тому же мальчик натёр ноги, джинсы промокли чуть ли не до пояса. А еще было очень холодно.

Катсук спустился к тропе и свернул налево, куда вели следы. Он скользил, пригнувшись к земле - коричневая кожа и белая набедренная повязка приковывали взгляд мальчика.

Тропа повернула направо, Катсук вместе с нею. Теперь Дэвид мог видеть только его плечи и голову.

Внезапно, далеко внизу, у подножия холма Дэвид увидел цветные движущиеся пятна - группу путешественников. Казалось, что даже звуки стали лучше проходить в воздухе, но не артикулированные слова, которые можно было узнать, а только смех и гомон.

Дэвид присел пониже за стволом дерева, выглядывая между боковых, отсохших ветвей. И в то же время его беспокоила такая мысль: # Зачем я прячусь? Почему бы мне не проскочить мимо Катсука и не побежать к этим людям? Они бы защитили меня от него.

И в то же время он чувствовал, что не сможет двинуться отсюда. Какая-то часть Катсука продолжала следить за пленником, Дэвид нутром чувствовал это. Наверное, где-то могли быть вороны.

Дэвид, весь напряженный, затаился.

Катсук, чьи плечи и голова виднелись над краем тропы, остановился. Он обернулся, поглядел в сторону Дэвида, потом посмотрел вдоль тропы.

Мальчик услышал какой-то шум, гортань его вмиг пересохла, и он напрасно пытался слотнуть. Еще какие-то люди?

Он подумал: # Ведь я же могу закричать!

И в то же время он знал, что любой возглас, и сюда прибежит Катсук с ножом.

Послышались тяжёлые, медленные шаги.

К тропе спускался молодой, заросший бородой человек. На его плечах высокий зелёный рюкзак. Длинные волосы перевязаны на лбу красной лентой, что делало его похожим на какого-то необычного аборигена. Путник не оглядывался по сторонам, его внимание было приковано только к тропе. В руке у него был

посох.

От страха у Дэвида даже голова закружилась. Он не мог видеть Катсука, но знал, что тот притаился в засаде где-то рядом и следит за путешественником.

Дэвид думал: # Единственное, что я могу сделать, это под-
няться и закричать!

Другие люди, внизу, могли бы его и не услышать, но этот-то мог бы. Он как раз прошёл мимо того места, где спря-
тался мальчик. Другим пришлось бы добираться до этого места
несколько минут. К тому же, внизу в каньоне протекал ручей.
Его плеск заглушит любые звуки, идущие сверху.

Дэвид думал: # Катсук может убить этого парня, а потом и
меня... Он уже говорил, что ему доводилось... и он имел в ви-
ду как раз это...

Бородатый путник подошёл к развилке тропы. Он мог случай-
но заметить Катсука, но мог и пройти мимо, как ни в чём ни бы-
вало.

Что же делает Катсук?

За последние несколько минут все чувства Катсука обостри-
лись до крайности. В том мрачном проходе под деревьями, до то-
го как сойти с тропы, ему почудилось, что он может найти своё
тайное имя, вырезанное где-нибудь на дереве, поваленном стволе
или на пне, и ему стало страшно.

На нескольких более-менее открытых местах он глядел в не-
бо - то серое, то яркое, будто сине-зелёное стекло. Оно было
похоже на бесформенный кристалл, но готовый тут же облечься в
любую форму. И вдруг его имя будет написано на нём? Потом он
подумал о Хоквате, идущем за ним будто собачка на поводке. По-
том пришла другая, странная мысль: # Похититель Душ дал мне
власть над Вороном, только этого еще недостаточно.

Ему было интересно, есть ли здесь, в горах, какая-нибудь
вещь##, способная еще раз упорядочить его мир. Все его мысли
сейчас занимало видение Яниктахт: её голова с песком на щеках,
с запутавшимися в волосах водорослями, с совершенно изуродо-
ванным лицом. Нет, призрак Яниктахт не мог установить мир пра-
вильно!

Теперь ему были слышны голоса и смех путешественников
внизу, и он представил, будто они насмеваются над ним. Он слы-
шал, как подходят оставшие.

Внезапно окружавший его лес превратился в серо-зелёный
пустой мир, накрытый свинцовым небом. Ветер исчез из-под де-
реьев, и в этой внезапно наступившей тишине надвигающейся не-
погоды Катсук понял, что слышит только удары своего сердца, но
только когда движется сам; как только он останавливается - оно
сразу же замолкает.

В индейце вспикела ненависть. По какому праву хокваты
веселятся в его лесу? Он чувствовал всю ублюдочность этих лю-
дей, а в их голосах слышались всхлипы и плач неотмщенных душ.

Бородатый путешественник уже подошёл к развилке тропы:
голова опущена, походка выдавала страшную усталость. К тому же
и рюкзак был слишком тяжёлым. Он был набит вещами, совершенно
ненужными здесь.

С каким-то отчаянием Катсук понял, что видел этого боро-
датого раньше - в университетском кампусе. Он не мог назвать
это лицо; было только неясное предчувствие, что этого студента
он видел раньше. Но его беспокоило, что не может вспомнить имя.

И вот тут, в свою очередь, путник увидел Катсука, скатив-
шегося на тропу и чуть не упавшего.

- Чего... - Молодой человек потрянул головой. - Хей! Да
это же Чарли Вождь! Парень, чего это ты делаешь тут в таком

прикиде? Играешь в переселенцев и индейцев?

Катсук застыл, лихорадочно обдумывая ситуацию: # Этот ду-
рак ничего не знает. Ну конечно же, он ничего не знает! Он хо-
дит по моему лесу без радиоприемника.

- А я Винс Дебай, помнишь? Мы вместе были в группе " Антро 300".

- Привет, Винс, - сказал Катсук.

Винс стал так, чтобы опереть рюкзак о насыпь, идущую вдоль тропы, и облегченно вздохнул. По его лицу было видно, что ему не терпится забросать Катсука вопросами. До него сразу же дошло, что эта встреча была какой-то странной. Лицо он узнал, только это был уже не тот Чарли Вождь из группы "Антро 300". И он почувствовал это. Сам же Катсук понял, что ненависть закрыла его лицо мертвой маской, высохшей и морщинистой будто сброшенная змеиная кожа. Нет, Винс должен был заметить это.

- Парень, ну я и напыхался, - сказал Винс. - С самого утра мы пилим от Кимты. Хотели до вечера добраться до Убежища Финли, но, похоже, облажаемся. - Он взмахнул рукой. - Слышь, я это так, пошутил, ну, насчет индейцев и переселенцев. Ты уж не обижайся, лады?

Катсук кивнул.

- Ты остальных ребят видел? - спросил Винс.

Катсук отрицательно покачал головой.

- Парень, а что это ты в одной только набедренной повязке? Тебе не холодно?

- Нет.

- Я там остановился, чтобы чуть-чуть пыхнуть травки.

Остальные ребята должны быть уже внизу. - Он осмотрелся - Мне кажется, я даже слышу их. Эй, ребята! - Последнее слово прозвучало будто вскрик.

- Они не могут услышать тебя, - сказал Катсук. - Река слишком близко.

- Наверное ты прав.

Катсук думал:

И я должен его убить без какой-либо злости. Что за иро-
ния! Просто я должен убрать из своего леса ядовитое и сумас-
шедшее существо. и это будет то событие, в котором мир сможет
увидеть себя.

- Вождь, не нравится мне твоё спокойствие. Ты, случаем, не тронулся?

- Я на тебя не сержусь.

- Ага... ну, ладно. Немного травки не хочешь? У меня осталось пол-косячка.

- Нет.

- Парень, товар первый класс! На той неделе в Беллинхеме брал.

- Я не курю вашу марихуану.

- Ого! Так что ты тут# делаешь?

- Я здесь живу. Тут мой дом.

- Ну, заливаешь! И в этом прикиде?

- Я всегда надеваю это, когда ищу в себе деформацию духа.

- Чего?

- То, что люди называют здравомыслием.

- Заливаешь!

Пора кончать с этим, - ##думал Катсук. -# Нельзя, чтобы он
ушел и растрепал всем, что видел меня.

Винс растирал плечи под лямками рюкзака.

- Слушай, ну и тяжёлый, зараза!

- Просто до тебя еще не дошло, что лучше иметь достаточ-

ный минимум, чем столько.

Из горла Винса вырвался нервный смешок.

- Ладно, побегу догонять остальных. Пока, Вождь!

Он вдел руки в лямки рюкзака, снимая тот с насыпи, и сделал шаг от Катсука. По его движениям было видно, что он трусит.

Мне нельзя его жалеть. Из-за него у меня могут рухнуть все планы. Мой нож чисто войдет в это молодое тело. - ##Катсук вынул нож и, крадучись, пошел за Винсом. -# Мой нож откроет его # кровь и выскажет почтение его смерти. Рождение обязано закан- # чиваться смертью, чтобы потускнели глаза, исчезла память, за- # молчало сердце, вытекла кровь, ушло все тело - чтобы чудо жиз- # ни закончилось.

Во время всех этих размышлений он действовал: левая рука вцепилась в волосы Винса, оттягивая голову назад; правая рука взмахнула ножом вокруг и поперёк открывшейся шеи.

Не было даже вскрика, только тело отдёнулось назад, направляемое рукой в длинных волосах. Катсук присел на одно колено, принимая на него тяжесть рюкзака и сдвигая тело вправо. Алая струя вырвалась из перерезанного поперёк горла, яркий цвет молодой жизни фонтаном хлынул на тропу - сначала бурно, потом всё медленнее. Тело дёрнулось и застыло.

Свершилось!

Катсук почувствовал, что это мгновение будет преследовать его до конца жизни. Это только сейчас дошло до него.

Конец и начало!

Он всё ещё поддерживал тело, размышляя - а сколько же лет было этому молодому человеку. Двадцать? Возможно. Сколько бы ему не было - здесь его жизнь кончилась, превратившись в сон. Катсук чувствовал, что мысли его от свершённого совсем перепутались. Странные видения захватили его разум: Всё превратилось в мираж - мрачное и затаённое; чей-то злой профиль; плывущие под водой тучи; воздушные круги, движущиеся в нефритовых путах зелёного кристалла; флюидыб оставляющие след в его памяти.

У этой земли зелёная кровь.

Он чувствовал тяжесть скрючившегося тела. Эта плоть была малым отражением громадной вселенной. Теперь же это тело увяло. Он позволил, чтобы труп упал на левый бок, поднялся на ноги и глянул вверх по склону, туда, где за упавшим стволом спрятался Хокват. И внезапно, когда тучи открыли Солнце, весь склон залился зелёным светом.

Глубоко-глубоко уйдя в себя, Катсук молился:

Ворон, Ворон, сдержи мою ненависть. О, Ворон, дай мне # ярости для мести. Это я, Катсук, три ночи проводивший в лесу, не # обращавший внимания на тернии, но пришедший к тебе с предложе- # нием. Это я, Катсук, твой факел, что подожжет весь этот мир.

* * *

СПЕЦИАЛЬНЫЙ АГЕНТ Норман Хосбиг, ФБР, отделение в Сиэтт-
ле.

Хотя мы и подозреваем, что он мог сбежать в какой-нибудь город, это не означает, будто мы прекратим поиски в лесах. На сегодня мы располагаем только пятью сотнями людей, работающих по всем направлениям этого случая. У нас есть шестнадцать воздушных машин, в том числе - девять вертолётов. в утренних газетах я читал о некоем противостоянии: современности и диктатуры. мне так не кажется. Я вообще не понимаю, как смог бы он пройти по всем этим тропам, и его никто не заметил.

* * *

Поднявшись из-за своего укрытия, Дэвид видел всю сцену убийства. Его сознание заволокло ужасом. Этот молодой путешественник, который только что был жив - теперь только труп. В глазах Катука была только ярость, взгляд его рыскал вдоль по склону. Может он выискивал следующую жертву?

Дэвид почувствовал, что истинные глаза индейца были спрятаны где-то глубоко-глубоко и только теперь показались на свет божий - коричневые и ужасные, такие же бездонные, как и то место, где таились раньше?

Мальчик вышел из-за своего укрытия. Ноги его подкашивались. Он знал, что на его лице рисуется охвативший его ужас, он не мог набрать в грудь воздуха. Но мышцы ему подчинялись, хоть и не совсем.

Ему хотелось только одного - избавиться от этого кошмара.

Он шел параллельно тропе, медленно переставляя ноги. # На- # до отыскать других туристов! ## В конце концов он повернул вниз по склону, спотыкаясь о корни и валяющиеся сгнившие стволы. Движение каким-то образом вернуло ему контроль над собственным телом, он даже побежал, продираясь сквозь заросли к реке.

Но здесь не было ни слуху, ни духу от путешественников. Катука тоже не было.

И тогда он побежал снова. Не оставалось ничего, только бежать.

Из-за какого-то каприза окружавшего его мира, Катука увидел бегущего мальчика: волосы развеваются, голова откинута - медленно-медленно движущееся создание из сгустившегося света: темное, с каким-то внутренним золотистым свечением, плывущее по зеленому фону воздуха и леса.

И только тогда до Катука дошло, что он тоже бежит, громадными скачками спускаясь по склону. у поворота тропы он притормозил, и когда Хокват срезал угол, схватил бегущего мальчика и упал вместе с ним на землю.

Когда уже Катука смог говорить, слова, не имеющие особого смысла, вырвались из груди диким барабанным боем.

- Гад! Я же говорил тебе!... Лежи!...

Но Хокват и так лежал без сознания, ударившись головой о ствол дерева.

Катука присел рядом, усмехнулся, вся его злость разом испарилась. как глупо поступил Хокват - неумелый полёт птенца, только-только вышедшего из гнезда. ворон всё предусмотрел!

На голове Хоквата была кровавая ссадина. Катука положил руку на грудь мальчика, послушал, как бьётся сердце, поглядел, как облачком подымается пар дыхания. Сердце и дыхание были едины...

Им овладела печаль. Чертовы лесорубы на Ле Пуш Род! Посмотрите только, что они наделали! Они убили Яниктахт. Его руками они убили лежащего здесь парнишку. Пока еще этого не случилось, но... возможно. Они убили Винса, стынувшего теперь на тропе. У Винса уже не будет сыновей. И дочерей. Уже никогда он не засмеётся. Все они убиты этими пьяными хокватами. И кто знает, скольких людей они еще убьют?

Ну как это хокваты не понимают того, что они натворили своим насилием? Они остаются слепыми даже к самым очевидным фактам, не желая видеть последствий своего поведения. Вот если бы ангел-хранитель спустился с небес и показал им, как следует поступать, тогда они бы послушали.

Что сказали бы девять пьяных хокватов, если бы увидели тело Винса, лежащее на тропе? Они бы сказали: # Мы этого не де-

лали! ##Они бы сказали:# Это была всего лишь невинная шуточка.
Они сказали бы:# Зачем столько шхма из-за какой-то девки?

Катсук вспоминал Винса, расхаживающего по кэмпусу - недостаточно невинного, чтобы удовлетворить Похитителя Душ, но весьма наивного в правоте своих суждений. Всего лишь предварительная жертва, отметка на пути.

Винс судил своих соплеменников строго, участвовал в детском бунте своих времён, но он никогда не задумывался о своём пути в этом мире. И, повидимому, весь путь его# сводился # к безвременной смерти##.

Катсук поднялся на ноги, схватил лежащего без чувств мальчика и потащился вверх по склону.

Я должен быть безжалостным##, - думал он. -# Надо спрятать # тело Винса и сразу же уходить.

Лежащий у него на руках Хокват пробормотал: "Моя голова..."

Катсук поставил мальчика на ноги, ощупал его.

- Иди можешь? Хорошо. Мы уходим.

* * *

ПСАЛМ Катсука, написанный им на обороте регистрационного бланка и оставленный в Кедровом Доме:

Вы принесли своего чужого Бога, что отделил вас от всей остальной жизни. Он представляется вам в смертный час как самый большой дар. Ваши чувства затуманены его иллюзиями. Его смерть вы бы отдали за всё, имеющееся в жизни. Но вы неотступно преследуете своего Бога смертью, мучаете его, моля очутиться на месте смерти его.

Повсюду на земле вы шлёпаете распятия. И там, где оно появляется, земля умирает. Прах и меланхолия станут вашим уделом до конца дней.

Вы слепо не замечаете ни зла, ни великолепия. Вы мучаете себя своей же ложью. Вы попираете саму смерть. А каким богохульством наполнена ваша притворно-убийственная любовь!

Вы долго вырабатываете в себе честный взгляд. Но это всего лишь маска, прикрытие, за которой скалится череп. Ваши золотые идола созданы из жестокости и насилия.

Вы забрали у меня мою же собственную землю.

Да, опасаясь за судьбу своего народа, я погублю вас древними методами. Вы издохнете в пещере, созданной вами же, и никогда не услышите песню птиц или шелест деревьев на ветру - эолову арфу леса!

* * *

Дэвид проснулся, когда только-только начинался рассвет. Мальчик весь дрожал от холода и сырости. Катсук тряс его за плечи. Индеец был одет в вещи, взятые из рюкзака убитого путешественника: джинсы, которые еле сошлись на набедренной повязке, рубашка из шотландки. Но на нем были те же мокасины, голова обвязана той же полоской красной кедровой коры.

- Пора вставать, - сказал Катсук.

Дэвид уселся. Холодный и сырой мир давил на него угнетающе. Мальчик чувствовал пронзительный холод окружающей его реальности. Одетые на Катсuke вещи напомнили Дэвиду о смерти бородатого путника. Катсук убил его! И очень быстро!

Вместе с памятью пришел ещё более пронизывающий холод, чем мог вызвать весь серый туман в этой глуши.

- Скоро мы выйдем, - сообщил Катсук. - Ты меня слышишь, Хокват?

Индеец изучающе глядел на мальчика, как будто тусклый серый свет сконцентрировался в пучок, освещающий малейшее движение на юном лице.

Хокват пребывал в ужасе. Какая-то часть сознания мальчика правильно оценила смерть бородатого туриста. Одной смерти будет недостаточно. Обряда жертвоприношения следует придерживаться до конца. Нельзя допустить, чтобы подозрения Хоквата внедрились в его сознание. Слишком большой страх способен убить невинность.

Мальчик затрясся в резких, неконтролируемых спазмах.

Катсук снова присел на корточки, чувствуя нарождающийся внутри неприятный холодок, и положил руку на плечо Хоквата. Под пальцами индейца мальчишеское тело пульсировало жизнью. В нем было тепло, чувство отдаленности конца.

- Ты уже проснулся, Хокват? - настаивал Катсук.

Дэвид отбросил руку индейца, бросив молниеносный взгляд на нож, висящий на поясе Катсука.

Мой нож, -## думал мальчик. -# Им убили человека.

Как бы живущая собственной жизнью память подсунула ему образ матери, предупреждающей, чтобы он был поосторожнее с этим "дурацким ножом". Истеричный смех рвался на волю, Дэвиду силой пришлось заталкивать его вовнутрь.

- Хокват, я вернусь через несколько минут, - сказал Катсук и вышел.

Дэвид никак не мог сдержать стука зубов. Он думал: # Хокват!? Я - Дэвид Маршалл. Меня зовут Дэвид Моргенштерн Маршалл. # Сколько бы раз этот сумасшедший не называл меня Хокватом, # ты это не изменит.

В рюкзаке убитого был спальный мешок. Катсук устроил постель из мха, кедровых веток и разложил на них спальник. За ночь тот выбился из под мальчика и теперь валялся комом. Дэвид укутал им плечи, пытаясь успокоить дрожь. Голова всё ещё болела в том месте, где он ударился, когда Катсук сбил его на землю.

К мальчику снова вернулась мысль об убитом туристе. После того, как Дэвид пришел в себя, и перед тем как они пересекли реку, Катсук заставил своего пленника вернуться по тропе мимо окровавленного тела, говоря: " Хокват, возвращайся туда, где я приказывал тебе прятаться, и там жди."

Дэвид был даже рад подчиниться. Как бы# не## хотелось глядеть на мертвеца, взгляд всё равно тянулся к ужасной ране на шее. Мальчик опять поднялся к замшелому поваленному дереву и, пряча за ним голову, глотал беззвучные рыдания.

Катсук позвал его, когда прошло много-много времени. Индеец захватил с собой рюкзак. На тропе не было ни малейшего знака от мертвого тела, ни капельки крови.

Они сошли с тропы и вернулись на неё, двигаясь в стороне, уже только на другой стороне седловины.

На закате в деревьях над рекой Катсук построил из кедровой коры домик-укрытие. Еще он выловил пяток маленьких рыбешек и испёк их на маленьком костерке, разведенном прямо в укрытии.

Дэвид подумал о рыбе, вспомнил её вкус. Может Катсук снова отправился за едой?

Перед тем как выстроить убежище на ночь, они перебрались через реку. Там была обозначенная туристская тропа и мост из ошкуренных брёвен. Перила моста были скользкими от плесени, так как от реки поднималась вечная сырость.

А может Катсук спустился к реке, чтобы наловить рыбы?

Перед мостом было объявление: "Проходить только пешком или на лошадях".

Возле реки кипела своя собственная жизнь. Они увидели нескольких буро-пятнистых кроликов, спешивших куда-то и нырнувших во влажную зелень.

Дэвид подумал: 1А вдруг Катсук поставил силки на кролика?

От голода кишки прямо скрутило.

Перейдя мост, они поднялись вверх по склону под морозящим дождём. Но это был не настоящий дождь, а с громадных листьев папоротника капала сырость.

Так# куда же## подался Катсук?

Дэвид выглянул из укрытия. Везде было холодно и пусто, только где-то в стороне кричали утки. Это был мир призрачный, мир мрачного, только-только нарождавшегося рассвета. Никаких ярких лучей - одна лишь кружащаяся, неопределённая серость.

К мальчику пришла мысль:# Нельзя думать про то, как был # убит тот молодой турист.

Но от воспоминаний невозможно было избавиться. Катсук сделал всё это прямо на глазах пленника. Отблеск солнца на стальном лезвии, и сразу же после этого фонтан крови...

От воспоминаний захотелось плакать.

Зачем Катсук сделал это? Потому что молодой турист назвал его Вождём? Наверняка, нет. Почему тогда? Неужели, это дух заставил Катсука? Духи заставили его убить человека?

Нет, он просто сошёл с ума. Если он слушается духов, то те могут приказывать ему делать всё что угодно.

Всё что угодно!

Дэвид размышлял, смог бы он сам сбежать этим туманным утром. Вот только, кто знает, где сейчас Катсук? Тот путник хотел уйти. А Катсук может и ожидать, что его пленник хочет сбежать.

Весь день после убийства голова Дэвида гудела от незданных вопросов. Но что-то подсказало ему не задавать их Катсуку. Смерть туриста обязана уйти в прошлое. Вспоминая о ней, можно было накликать следующую смерть.

Тогда они далеко обошли страшное место, где произошло убийство. У Дэвида ноги гудели от усталости, и он только дивился, как это Катсук держит шаг. Каждый раз, когда Катсук взмахивал рукой, Дэвиду казалось, будто в ней зажат нож.

Дэвид вспомнил наступление ночи. Они остановились приблизительно за полчаса до темноты. Шёл теперь уже настоящий дождь. Катсук приказал мальчику ожидать под кедром, пока сам он будет строить укрытие. Долина реки заполнилась текущим мраком, сползшим с окрестных холмов. Нахмурившиеся деревья стояли в совершенной тишине. Когда стало совсем темно, дождь перестал, и небо очистилось. В темноте нарастали какие-то звуки. Дэвид слышал, как перекачиваются в речке камни, все шумы окружающего мира, превращающегося в хаос.

Всякий раз, когда он закрывал глаза, в памяти возникали пятна крови, разрезанная шея, отблеск ножа.

Очень долго Дэвид просто лежал с открытыми глазами, выглядывая из их укрытия в окружающий мрак. На противоположном берегу реки стала различимой округлая скала, высветенная из темноты луной. Дэвид стал всматриваться в неё и сам не заметил, как его потянуло ко сну.

Так, но что же делает Катсук?

Поплотнее закутавшись в спальник, Дэвид подполз к выходу и высунул голову: холод, повсюду плывут клочья тумана, мокрая серость, заполненная бесформенными очертаниями - и больше ничего. Казалось, что это туман вцепился в ночь и не собирается

её отпускать.

Куда пошёл Катсук?

Мужчина возник совершенно неожиданно. Он вышел из тумана, как будто прорвал завесу. Индеец подал Дэвиду ковшик, сделанный из древесной коры: " Выпей это ".

Мальчик послушался, но у него так сильно тряслись руки, что часть молочной жидкости выплеснулась на подбородок. напиток пах травами, вкус горький. Мальчик отпил. Сначала во рту было холодно, затем как огнём обожгло. Дэвид конвульсивно сделал глоток, и его чуть не вырвало. Дрожа всем телом, он прижал к себе ковшик.

- Что это было?

Катсук снял с плечей мальчика спальник, стал его сворачивать.

- Это питьё Ворона. Я приготовил его вчера вечером.

Получившийся свёрток он сунул в рюкзак.

- Это виски? - спросил Дэвид.

- Ха! Где бы я взял хокватское питьё?

- Но что...

- Это сделано из корней. Там есть "чёртова дубинка", она даст тебе сил.

Катсук сунул руки в лямки рюкзака, встал.

- Пошли.

Дэвид выполз из их временного убежища, поднялся на ноги.

Как только он выбрался, Катсук вышиб подпорную ветку. Домик из коры упал, подняв тучу золы из кострища. Катсук взял ветку, подошёл к звериной норе, что была неподалёку от их убежища и смёл весь мусор так, будто весь беспорядок наделал тут зверь.

От питья в желудке у Дэвида родился излучающий тепло комок. Мальчик почувствовал себя совершенно свежим, в нём бурлила энергия. Он даже зубами стучать перестал.

Катсук отбросил палку, которой взрыхливал землю и сказал:

- Держись поближе ко мне.

И он погрузился в туман, обойдя нору.

Дэвид задержался, чтобы поднять камушек - уже третий, чтобы отметить третий день - а ещё, чтобы оставить на мягкой земле след. Но Катсук тоже остановился, следя за ним.

Обойдя нору, мальчик поднялся к своему захватчику. Индеец повернулся и продолжил подъем.

Почему это я иду за ним? - ##удивлялся Дэвид про себя. -# Я # мог бы убежать и спрятаться в тумане. но если он найдет меня, # то убьет. Нож все еще у него.

Мысли его вернулись к окровавленному бородачу.

Он обязательно убьет меня. он сумасшедший.

Катсук начал что-то декламировать на неизвестном Дэвиду языке. Скорее всего, это была какая-то песня, в которой некоторые слоги повторялись снова и снова.

- Прибацанный индеец, - пробормотал мальчик.

Но сказал он это тихо-тихо, чтобы Катсук не услышал.

* * *

Вильям Редек, ГЛАВНЫЙ ЛЕСНИЧИЙ Национального Парка:

Вы уже поняли, насколько огромна и безлюдна площадь, занимаемая Парком, в особенности Дикие Земли. К слову, нам известно, что здесь разбилось, самое малое, шесть маленьких самолётов. Мы их до сих пор не нашли, хотя поиски ведутся до сих пор. Мы# до сих пор## ищем! А ведь это вам не иголка в стоге сена. И эти самолёты сознательно не пытаются спрятаться от нас.

* * *

- Ты зачем поднял этот камень? - спросил Катсук7

В левой руке Дэвида было четыре камушка.

- Чтобы считать дни. Мы идём уже четыре дня.

- А мы считаем ночи, - сказал индеец.

Катсук внутренне дивился, пытаясь постичь эту важную для хокватов вещь. Четыре камня за дни или за ночи, какая для хоквата разница? Ночь и день были для племени этого мальчишки всего лишь разделом между уровнями страха.

Теперь они сидели уже в другом укрытии из коры, которое построил всё тот же Катсук, заканчивая поедать последние куски куропатки, изловленную опять же Катуком. Свет им давал небольшой костерок в центре их домика. Огонь отбрасывал багровые тени на шершавые стенки, отблескивал на узлах свитых ивовых прутьев, что поддерживали каркас.

Снаружи было уже совсем темно, но рядом был маленький пруд, в котором только что отражалась расплавленная медь заката. Теперь же он заполнился пойманными звёздами.

Катсук поймал куропатку на громадной тсуге, что росла возле пруда. Сам он назвал это дерево насестом. Вся земля под ним была белой от перьев. Куропатки садились спать на ветках, и Катуку удалось схватить одну из них длинной палкой с петлёй на конце.

Дэвид сыто отрыгнул, вздохнул довольно и бросил последнюю косточку в кострище, как требовал того Катсук. Утром и кострище, и кости надо будет закопать.

Индеец настелил на землю кедровых веток и накрыл их спальным мешком. Он сунул ноги под спальник, направив их к угасающему огню, и сказал:

- Всё. Давай спать.

Дэвид переполз вокруг костра, залез под спальник. Тот был сырой, потому что не было солнца, чтобы хорошенько его высушить. От ткани исходил кисловатый, прелый запах, смешивающийся с дымом, горелым жиром, вонью пота и ароматом кедра.

Костер догорал, в нём оставалось только несколько угольков. Дэвид чувствовал, как вокруг него смыкается ночь. Звуки облеклись в странные, страшные формы. Ему было слышно, как скрипят кедровые иглы. Это место, с его запахами, звуками и формами было настолько непохожим на привычную для него жизнь, что он даже пытался перенести на него знакомые ему впечатления прошлого времени. Только из памяти извлечь удавалось немного: скрежет машин, проезжавших по металлическому мосту, городской смог, духи своей матери... а больше и ничего. Теперь одни воспоминания заменялись другими.

Совершенно незаметно он пересёк границу, отделяющую бодрствование от сна. Над ним нависло гигантское лицо. Оно было очень похоже на лицо Катука - широкое, с выдающимися скулами, с широким ртом и гривой тонких черных волос.

Губы на лице зашевелились и сказали: " Ты еще не готов. Когда это случится, я приду за тобой. Молись, и твоё желание будет исполнено". Губы сомкнулись, но голос всё ещё продолжал: " Я приду за тобой... за тобой... тобой...!" Слова отражались эхом в голове мальчика и наполняли её страхом. Он проснулся, дрожа, весь в поту, с чувством, будто голос всё ещё разговаривает с ним.

- Катуку?

- Спи уже.

- Но мне приснился сон.

- Какой сон?

В голосе индейца прозвучала настороженность.

- Трудно сказать какой, но мне стало страшно.

- Что было в твоём сне?

Дэвид рассказал. Когда голос его затих, Катсук объяснил:

- Это у тебя был сон духа, пророческий.

- Это был твой бог, во сне?

- Возможно.

- и что обозначает этот сон?

- Только ты можешь сказать это.

При этом Катсук вздрогнул, в его груди появилось до сих пор неведомое ему чувство. # Пророческий сон у Хоквата? ## Неужели Ловец Душ ведёт нечестную игру? Кое-что о подобных случаях он слышал. Какой странный сон! Хоквату пообещали право на исполнение желания - любого желания. И если он попросит уйти от дикой природы, ему это удастся сделать.

- Катсук, а что такое сон духа?

- Это такой, когда во сне ты видишь духа - проводника твоей второй души.

- Ты сказал, что это мог быть бог.

- Им может стать и бог, и дух. Он говорит тебе, что следует сделать или куда надо идти.

- В моём сне не говорилось, что мне надо куда-то идти.

- Твой сон сообщил, что ты ещё не готов.

- К чему?

- Идти куда-нибудь.

- Вот как. - Молчание, затем: - Этот сон напугал меня.

- А-а, видишь, хокватская наука не смогла освободить вас перед страхом божьим.

- Катсук, ты и вправду в это веришь? - Голос тихий, но напряжённый.

- Послушай! У каждого есть две души. Одна остаётся в теле. Другая ходит в нижнем или верхнем мире. Это зависит от того, какую жизнь ты ведёшь. Вторая душа должна иметь проводника: духа или же бога.

- В церкви учат не этому.

- Ты сомневаешься? - фыркнул Катсук. - Было время, и я тоже сомневался. И это чуть не погубило меня. Больше я уже не сомневаюсь.

- Ты нашёл себе проводника?

- Да.

- Тебя ведёт Ворон?

Катсук почувствовал, как Ловец Душ внутри зашевелился.

- Ты ничего не понял про проводника, - сказал индеец.

Дэвид напряжённо заглянул в темноту его глаз.

- Это что, только индейцы могут...?

- не называй меня индейцем!

- Но ведь ты же...

- Дурацкое название - индеец. Это вы назвали нас так. Вы не захотели согласиться с тем, что не нашли Индии. Так почему я обязан жить с этой ошибкой?

Дэвид вспомнил о миссис Парма.

- А я знаю настоящую индианку, из Индии. Она работает на нас. Мои родители забрали её из Индии.

- Куда бы вы, хокваты, не пришли, повсюду местные жители работают на вас.

- Если бы она осталась в Индии, то умерла бы с голоду. Я слышал, как мама говорила про это. Там люди голодали.

- Люди повсюду голодают.

- А у настоящих индийцев проводники есть?

- Каждый может взять себе проводника.
- А ты сделал это по наитию?
- Пойдешь в лес, там будешь молиться...
- Но ведь мы уже в лесу. Могу я помолиться сейчас?
- Конечно. Попроси Алкунтама дать тебе проводника.
- Вашего бога зовут Алкунтам?
- Можно сказать и так.
- Это он дал тебе проводника?
- Ты ничего не понял, Хокват. Спи.
- А как тебя ведёт твой дух?
- Я уже объяснял. Он разговаривает.

Дэвид вызвал в памяти свой сон.

- Что, прямо в голове?
- Да.
- И это дух сказал, чтобы ты похитил меня?

Катсук почувствовал, что вопрос мальчика его задел, разбудив дремлющие внутри злые силы. Ловец Душ зашевелился, заворочался.

- Так это дух тебе сказал? - настаивал Дэвид.
- Замолчи! - вздыбился Катсук. - Замолчи, иначе я свяжу тебя и заткну рот. - Он отвернулся, протянул ноги к остаткам тепла в камнях возле костра.

"# Это я, Таманавис, говорю тебе..."

Катсук слышал слова духа так громко, что даже странно было, как не различает их мальчик.

"# У тебя уже есть Совершенно Невинный."

- А когда этот твой дух разговаривает с тобой?
- Тогда, когда есть нечто, что ты должен знать, - прошептал Катсук.
- А что я должен знать?
- Как принять в себя моё смертельное острие, - опять прошептал индеец.

- Что?

- Тебе надо знать, как жить, чтобы правильно умереть. Но первое, тебе надо жить. Большинство из твоих хокватов вообще не живёт.

- Неужели твой дух говорит тебе такие глупости?

Чувствуя в груди нарождающуюся истерику, Катсук сказал:

- Спи. Или я убью тебя еще до того, как ты заживёшь по-настоящему.

Дэвид услышал в этих словах что-то такое, что заставило его задрожать. Этот человек сошёл с ума. Он уже кое-что сделал. Он убил человека.

Катсук почувствовал эту дрожь, подвинулся к мальчику, положил руку на плечо.

- Не бойся, Хокват. Ты еще поживёшь. Я тебе обещаю.

Но мальчик всё ещё дрожал.

Катсук сел, вынул из сумки на поясе древнюю флейту, мягко подул в неё. Он почувствовал, как песня вырвалась наружу, как бьётся она в задымленном пространстве их маленького укрытия.

На какой-то миг он представил, что находится в каком-то древнем, безопасном, уютном месте с другом, братом. Музыка сроднила их. Они думают о завтрашней охоте. Они охраняют святость места, заботятся один о другом.

Дэвид слушал музыку, и она его убаюкала.

Потом Катсук перестал играть и положил флейту назад в сумку. Хокват мерно дышал во сне. Внезапно Катсук почувствовал как нечто видимое и осязаемое связь между собой и этим мальчиком. Могло ли так случиться, что они и вправду были братьями в том другом мире, что невидимо и беззвучно движется рядом с ми-

ром чувств.

Брат мой, Хокват,## - думал Катсук.

* * *

ИЗ СТАТЬИ Чарлза Хобухета для журнала " Философия 200 ":

Ваш язык переполнен жестким чувством времени, что заранее отвергает пластичность Вселенной. Моё племя представляет Вселенную как единый организм, как сырой, первоначальный материал для творения. Ваш язык отрицает это каждым произнесённым вами словом. Вы дробите Вселенную на маленькие кусочки. Мои соплеменники сразу же распознают, что " бифуркация природы " Уайтхеда - это иллюзия. Это производное вашего языка! Программисты ваших компьютеров знают об этом. Они говорят: " Завелся мусор, убрать мусор". Убирая мусор, они обращаются к программе, к # языку##. Основа же моего языка, в том, что я, во всех своих поступках, являюсь частью окружающего меня мира. Ваш же язык изолирует вас от Вселенной. Вы позабыли о происхождении букв, которыми записываете свой язык. а ведь предками их были идеогаммы, которые запечатлевали движения окружающей Вселенной.

* * *

В неярком утреннем свете Дэвид стоял под высоким кедром, перебирая пять камушков в кармане. На траве выпала роса, как будто каждая ночная звездочка оставила на земле свой след. Катсук стоял рядом с мальчиком, подтягивая лямки рюкзака. За его спиной на горных вершинах горел алый отсвет зари.

- Куда мы пойдем сегодня? - спросил Дэвид.
- Ты слишком много говоришь, Хокват.
- Всегда ты затыкаешь мне рот.
- Потому что ты слишком много разговариваешь.
- А как же я буду учиться, если мне нельзя говорить?
- Раскрой свои чувства и пойми то, что они тебе говорят.

Катсук вырвал из земли несколько веток папоротника. На ходу он бил ими себя по бедру, вслушиваясь в окружающий мир - звуки, что издает следующий за ним мальчик, находящиеся рядом звери... Слева пролетела перепелка. Индеец видел желто-коричневое пятно на зад у лося, что мелькнул далеко-далеко в мшисто-зеленом рассветном лесу.

Они снова поднимались в гору. Дыхание вырывалось из губ белыми облачками. Потом очутились на склоне, поросшем старыми тсугами, и спускались в заполненную туманом долину, где стволы деревьев поросли струпьями лишайников.

По дорожке стекала влага, заполняя водой лосиные следы, вымывая мелкие камни и вырывая на спуске целый канал. Единственное, что они слышали - это звук своих шагов.

Они нашли выброшенную охотником голову белки. Ее обсели птицы с черными клювами и белыми грудками. Они продолжали пировать, даже когда два человеческих создания прошли в шаге от них.

Спустившись в долину и выйдя из чащи, они попали на поросший тростником берег небольшого озера. На воде лежал серо-голубой туман; на дальнем берегу стояли восково-зеленые деревья. Справа была отмель. На мокром песке четко отпечатались следы птиц, что прилетали сюда в поисках еды. Утки-крохали предусмотрительно направились к дальнему берегу. Когда Катсук с мальчиком вышли на открытое место, утки взлетели, взбивая воду крыльями, и закружились над чужаками.

- Вот это да! - воскликнул Дэвид. - Здесь кто-нибудь был

до нас?

- Мое племя... и много раз.

Катсук осматривал озеро. Что-то заставило уток всполошиться. Плохой знак.

Рядом с зарослями тростника лежали поваленные ветром тсуговые деревья. Кора на них была сбита бесчисленными копытами. Катсук снял рюкзак и ступил на ствол дерева, чья вершина погрузилась в озеро. Тонкий ствол дрожал под его ногами. Индеец хватался за торчащие ветки, пробираясь к воде, и вдруг застыл на месте. Рядом с деревом по воде плыло черное перо. Катсук нагнулся, вынул его из воды, потряхнул.

- Ворон, - прошептал он.

Вот это был знак! Катсук сунул перо за головную повязку, присел, придерживаясь одной рукой за ветку, и погрузил лицо в воду, чтобы напиться. Вода в озере была холодная.

Ствол дерева задрожал, и Катсук почувствовал, как приближается мальчик.

Катсук встал и еще раз внимательно изучил окружающую местность. Мальчик пил, громко плеская водой. Сейчас им предстоял путь до дальнего конца озера, а потом вдоль ручья, впадающего в него. Индеец почувствовал, что мальчик сошел со ствола и повернулся сам.

Рюкзак был чужим зеленым пятном среди тростника. Катсук вспомнил о лежащей там еде: пакетике арахиса, двух шоколадных батончиках, нескольких пакетиках чая, понемногу бекона и сыра.

Катсук подумал о еде. # Я еще не настолько голоден, чтобы # есть пищу хокватов.

##Мальчик стоял рядом, глядя на рюкзак. # А вот ему кушать # хочется ##, - подумал индеец. Кузнечик в тростниках завел свою вечную песенку: "Чрррк! Чрррк!" Катсук повернулся к Дэвиду, поднял рюкзак.

- А я думал, ты собрался ловить рыбу, - сказал мальчик.

- Ты не выживешь здесь один.

- Почему?

- С этим местом что-то не так, а ты даже не почувствовал этого. Пошли.

Катсук сунул руки в лямки рюкзака и вернулся назад, в лес, на звериную тропу, идущую параллельно берегу.

Дэвид шел за ним и думал: # С этим местом что-то не так?

Сам он чувствовал только пронизывающий все тело холод, каждый листок выливал на него скопленную влагу.

Катсук свернул налево и перешел на охотничий шаг - небыстрый, настороженный, каждое движение согласуется с окружающим. Сейчас он чувствовал себя в сверхъестественном мире Похитителя Душ, в нем нарастала волна экстаза, каждый шаг напоминал о древних религиозных ритуалах.

Сама природа тоже насторожилась... Какая-то особенная тишина. Все окружающее концентрировалось на поляне в головах озера.

Дэвид старался не отставать от Катука и думал про себя:

Что он там увидел? ## Мрачная настороженность движений наполняла окружавший их лес скрытой опасностью.

Они прошли мимо зарослей морошки, но ягоды были еще незрелыми. Дэвид увидел, как Катсук остановился, внимательно изучая заросли, как зашевелились листья, будто это были язычки, рассказывающие индейцу об этом месте. Ягоды, деревья, озеро - все вокруг разговаривало, но только один Катсук понимал их речи.

А вдруг здесь есть какие-то другие туристы?

Дэвид споткнулся на выступающем из земли корне. В нем од-

новременно появились и страх, и надежда.

Тропа вилась наверх по склону, за кустиками морошки. катсук слышал, как мальчик споткнулся, но удержался на ногах; он вслушивался в тягостное молчание леса, в журчание ручья, бегущего слева от тропы. Из-за росы штанины джинсов убитого бородача совершенно вымокли. Катсук кожей впитывал холод и думал, что неплохо бы сейчас иметь дубленку.

Осмысление пронизало его будто молния, будто сам лес послал предупреждение. Катсук даже на месте застыл. # Хокватская # дубленка!## Он знал, что уже никогда не сможет даже увидеть дубленку, почувствовать ее тепло. И вообще, все это хокватская чушь! До него дошел смысл предупреждения: это хокватская одежда делала его слабым. Нужно как можно быстрее избавиться от нее, иначе ему не гарантировалась безопасность.

Медленно-медленно индеец поднялся на склон, слыша, как следом идет мальчик. Деревья стояли слишком густо, чтобы увидеть, что творится на поляне, но Катсук знал, что опасность находится именно там. Он опустил на землю, чтобы ветки не закрывали обзор.

Тропа раздваивалась, одна ее часть вела прямо на поляну. Деревья росли вроде бы и не густо, но все же поляну увидеть не удавалось. Катсук спустился со склона, обошел елку и очутился на поляне. После лесного полумрака яркий свет подействовал на него будто взрыв. Ручей черной лентой пересекал всю поляну, поросшую высокой травой, болотными лаврами и синими незабудками. Лоси протоптали тропу через всю поляну, потом она сворачивала на глинистую насыпь, почти перегораживающую поток.

Катсук почувствовал, что мальчик встал позади него, но продолжал изучать поляну. Внезапно он схватил мальчика за руку, оба застыли на месте. На поляне, у ручья лежал мертвый лосенок. Его голова была вывернута под неестественным углом к телу. На шкуре были видны следы громадных клыков: алые на коричневом.

Сейчас двигались только глаза индейца, разыскивая громадную кошку, что натворила это. Непохоже, чтобы она ушла просто так, оставив добычу. Что ее встревожило? Катсук просмотрел всю поляну по длине, внезапно осознав диссонирующее напряжение присевшего рядом мальчика. Хокват не мог долго обходиться без звука. И он мог привлечь внимание того, что встревожило кошку. катсук почувствовал, как желудок его натянулся будто кожа на барабане.

В дальнем конце поляны по траве пошла волна движения, причем невозможно было заметить, как она возникла. Катсук заметил очертания хищника через стебли высокой травы. Движущаяся волна перемещалась по диагонали к тому месту, где ручей исчезал в стене деревьев. Сердце в груди индейца билось гулко и тяжело.

Но что напугало хищную тварь?

Катсук чувствовал, как просыпается в нем страх. Почему он не заметил здесь никакого знака, говорящего об опасности? Индеец покрепче схватил Хоквата за руку и стал отползать назад, к тропе, таща мальчика за собой и не обращая внимания на острые сучья и ветки.

Где-то далеко за ними, на холме затоковал тетерев. Катсук сконцентрировался на этом звуке и направился в ту сторону. Сейчас деревья частично скрывали их от поляны. Теперь Катсук уже не мог видеть волну в траве. Его мысли были теперь одной цепью неуверенности и боли: на поляне что-то не в порядке и что-то неладное в нем самом. Он все время облизывал губы, чувствуя, как те холодеют и лопаются.

Дэвид, перепуганный молчаливым исследованием и внезапным отступлением, двигался как можно тише, позволяя тянуть себя к вершине холма, где токовал тетерев. Острый шип расцарапал руку. Мальчик зашипел от боли, но Катсук лишь тянул его за собой, заставляя поспешить.

Они обежали вздыбленные корни дерева-кормилицы - длинной тсуги, из ствола которой уже росли молодые деревца.

Катсук толкнул мальчика в яму за деревом. Оба одновременно высунули головы наружу.

- Что это? - прошептал Дэвид.

Катсук приложил палец к губам мальчика, приказывая молчать.

Дэвид отпихнул руку, и в этот миг резкий треск выстрела из охотничьего ружья прокатился по долине и отразился эхом от стены деревьев.

Катсук пригнул голову мальчика за ствол и лег рядом, напряженно вслушиваясь. Дыхание его стало неглубоким и прерывистым. # Браконьер? Ну конечно же! Здесь нельзя охотиться.

Укрытие за деревом-кормилицей было затенено ореховым кустом. Его листья отфильтровывали солнечный свет, что отразился от паука, растянувшего свою ловчую сеть между двумя ветками рядом с головой Катука. Проворный охотник в своей шелковистой паутине разговаривал со своего места с индейцем. # Браконьер. Здесь, в этой долине, браконьерствовать мог только кто-то из его соплеменников. А кто еще мог рискнуть охотиться здесь? Кто еще мог знать о припасах в закопанных железных бочках, о замаскированных сторожках, о пещере, что раньше была шахтой?

Но почему это его соплеменники находятся здесь?

Сам он был уже освящен всеми основными духами. О его деяниях уже можно было петь песни. Образцы для этих песен уже находились в его мыслях, отпечатанные там Ловцом Душ. Задание его было той татуировальной иглой, что запечатлеет его деяние на коже всего мира!

Так будут его соплеменники пробовать остановить его?

О подобной попытке не может быть и речи. Путешественник Винс был убит. Кровь его была обещанием Катука лесу. Возможно, тело никогда не обнаружат, но как умер юноша, как текла его кровь, видел Хокват. Так что Хоквата теперь нельзя было оставлять в живых.

Катсук потряс головой, направив глаза сквозь пятна света, видя-и-не-видя серебряное колесо паутины.

Нет!

Он не мог думать о мальчике как о свидетеле убийства. Свидетеле? Так могли бы рассуждать хокваты. Что такое свидетель? Смерть Винса вовсе не была убийством. Он умер, потому что это было частью большого замысла. Его смерть была отпечатана на # Совершенном Невинном, ##подготавливая почву для жертвоприношения.

Этот взгляд вовнутрь себя потряс Катука. Он чувствовал, как позади него ежится Хокват - маленькое лесное создание, вцепившееся в свою паутинку, уже решило вопрос о его жребиию

* * *

ШЕРИФ МАЙК ПЭЛЛАТ:

Понимаете, несколько месяцев назад этот индеец потерял свою младшую сестру. Он очень любил эту девочку. Он один был ее семьей, понимаете? После смерти родителей он поставил ее на ноги практически сам. Банда пьяных подонков изнасиловала ее, и

она покончила с собой. Это была хорошая девочка. Я не удивлюсь, если крыша у Чарли поехала из-за этого. Вот что случается, когда индейца посылают в колледж. Там он учил, как мы посадили бы этих типов на кол. Вот так случится что-нибудь... и человек превращается в дикаря.

* * *

Дэвид открыл глаза в совершенную темноту. Он дрожал и от холода, и от страха. Мальчик силой заставлял себя не трястись, выискивая хоть что-нибудь, что помогло бы ему найти свое место в мире, какой-нибудь осязаемый ориентир в ускользающей реальности. Где он находился?

Он понял, что его разбудило. Это был сон, отрезавший его от действительности. Этот сон подвел его к черному камню, затем к зеленой воде и растрескавшемуся стеклу. Его насторожил запах протухшего жира. Что-то выискивало его, охотилось за ним. Нечто до сих пор гналось за ним и было уже совсем близко, тихо напевая о вещах ему известных, но о которых ему не хотелось слышать. Даже осознание заключенного в песне смысла пугало его.

Дэвид со всхлипом втянул в себя воздух. Страх, пахнувший потом, страх догоняемого с басовитым гулом кружил над ним, напоминая о сне. Он чувствовал бело-золотой пульс бога, а может это было пламя костра. Ужасное нечто придвинулось еще ближе. Оно было за самой его спиной. Мальчик почувствовал, как напряглись его мышцы, чтобы сбежать отсюда. Во рту был привкус ржавчины. Горло спазматично пыталось издать какие-то звуки, но извлечь их никак не удавалось. Это создание за спиной пыталось схватить его! Слова его песни царапались о мысли мальчика, наполняя их молочно-серым шепотом, гладеньким будто стекло, обещающая спокойствие и счастье, в то время как сам Дэвид представлял это нечто воплощением ужаса.

Песня из сна звучала все настойчивей.

Дэвид слушал ее и ощущал в горле кислую горечь. Ужас из сонных видений кружил над ним вместе со звуками песни. Мальчик задрожал, дивясь - возможно, все это лишь сон, а его пробуждение было только иллюзией.

В темноте вспыхнула искра оранжевого огня. Мальчик услышал, что возле огня что-то движется. Очень осторожно он вытянул вверх левую руку. пальцы нащупали шершавую поверхность дерева.

К Дэвиду вернулась память - это подземелье со стенками из неошкуренных бревен. катсук привел его сюда на закате, идя напрямик, в то время как сам мальчик запутался в тенях. Это было тайное место, которым пользовались соплеменники индейца, когда им случалось нарушать законы хокватов и охотиться в этих горах.

Оранжевые искры были остатками костерка, который Катсук разводил у самого входа. Мелькнул силуэт темной руки - Катсук!

Только пение никак не кончалось. Может это Катсук? Нет... песня звучала где-то далеко-далеко, ее слова были непонятны мальчику - визгливая флейта и медленный, в ритм шагов, такт ударных. Катсук играл на флейте только раз, вечером, а эти звуки были всего лишь отдаленной пародией на его игру.

Страх понемногу уходил от Дэвида. Это было настоящее пение, настоящий барабан и флейта, похожая на ту, что была у Катсука. И еще там было несколько голосов.

Браконьеры!

С наступлением темноты Катсук ушел на разведку, а когда довольно-таки поздно вернулся, сказал, что узнал людей, раз-

бывших стоянку в деревьях на дальнем конце поляны.

Возле огня раздался тяжелый вздох. Это Катсук? Дэвид напруг слух, чтобы выяснить, что тот делает. # Стоит ли давать ему # понять, что я уже проснулся? Почему он вздыхает?

Дэвид прочистил горло.

- Ты уже проснулся? - громко спросил Катсук от самого выхода.

Дэвид почуял безумие в его словах. У него не было отваги ответить.

- Ведь я знаю, что ты уже проснулся, - произнес Катсук уже спокойней и ближе. - Скоро взойдет солнце, и мы будем выходить.

Дэвид почувствовал, что индеец стоит рядом, черное в черном. Он попытался сглотнуть пересошим горлом.

- И куда мы пойдем?

- К людям моего племени.

- Так это они... поют?

- Никто здесь не поет.

Дэвид прислушался. Лес рядом с пещерой был наполнен только лишь ветром, гуляющим в листве деревьев, скрипом ветвей, какими-то шевелениями. Катсук подsunул под бок Дэвиду что-то горячее: нагретый в костре камень.

- А я слышал песню, - сказал мальчик.

- Тебе приснилось.

- Я слышал!

- Сейчас это прекратится.

- Но что это было?

- Это те мои соплеменники, кого съели духи.

- Что?

- Попробуй еще немного поспать.

Дэвид вспомнил про свой сон. - Нет. - Он прижался к бревнам. - А где эти твои соплеменники?

- Они везде вокруг нас.

- В лесу?

- Повсюду! Если ты будешь спать, съеденные духами могут прийти к тебе и растолковать свою песню.

После внезапного озарения Дэвид спросил:

- Ты хочешь сказать, что это пели духи?

- Духи.

- Я не хочу больше спать.

- Ты молился своему духу?

- Нет! Так что это была за песня?

- Это была песня-просьба о силе, перед которой не может защититься никакое из людских созданий.

Дэвид стал искать в темноте сброшенный во сне спальный мешок. Он склонился над тем местом, куда Катсук положил разогретый камень.

Прибацанный Катсук! В его словах нет никакого смысла.

- А скоро наступит день? - перебил его Дэвид.

- Меньше, чем через час.

Рука Катсука возникла из темноты и прижала мальчика к теплому камню. Уже более спокойным тоном Катсук сказал:

- Поспи. Тебе снился очень важный сон, а ты убежал от него.

Дэвида буквально передернуло.

- Откуда ты знаешь?

- Спи.

Дэвид свернулся клубочком возле камня. Его тело поглощало тепло. Казалось, что это тепло погружает его в сон. Мальчик даже не почувствовал, когда Катсук убрал руку.

Теперь Дэвид был окружен чем-то, не имеющим определенных очертаний. Магия, духи и сны: все они неслись в потоке оранжевого ветра. Ничего определенного, осязаемого. Все приглушенное, одно пятно в другом; тепло в кедровых бревнах, окружавших его; Катсук, повернувшийся к нему от выхода из пещеры; сон в ужасно холодном месте, где камни потеряли свое тепло после того, как он коснулся их. и неопределенность, повсюду неопределенность.

Повсюду только пятна и умирающие звуки.

Мальчик чувствовал, как постепенно уходит его детство, и думал:

опустошены, там не было ничего, кроме серых, затертых впечатлений: книжка, в которой он пересматривает картинки; лестничные перила, откуда он наблюдает за приезжающими гостями; кровать, куда его укладывает безликое создание с ореолом седых волос.

Дэвид почувствовал оранжевое тепло костра. Катсук развел его у самого входа в пещеру. Спина мальчика совершенно замерзла. Дважды вскрикнула какая-то ночная птица. Тяжело вздохнул Катсук.

Этот тяжелый вздох потряс Дэвида до глубины души.

Неопределенность куда-то исчезла, забирая с собой и сон, и детские воспоминания. Мальчик думал: # Катсук заболел. Эту бо- # лезнь никто не может излечить. Катсука схватил дух и овладел # им. Теперь у него есть сила, перед которой никто не может ус- # тоять. Воот что он имел в виду, говоря про песню! Его слушают- # ся птицы Они прячут нас. Он ушел в такое место, куда не смо- # жет последовать ни один человек. он ушел туда, где живет пес- # ня... куда я боюсь идти.

Дэвид сел на месте, удивляясь, что все эти мысли пришли к нему в голову непрошенными. Это были совершенно недетские мысли. Сейчас он думал о реальных событиях, о жизни и смерти.

И случилось так, будто эти мысли призвали каких-то существ: снова зазвучала песня. Она началась из ничего, слова такие же непонятные; непонятно было даже само ее направление... куда-то наружу.

- Катсук? - спросил Дэвид.

- Ты слышишь пение? - заметил тот, не отходя от костра.

- Но что это такое?

- Некоторые мои соплеменники. Это они владеют песней.

- Зачем они это делают?

- Они пробуют выманить меня из гор.

- Может они хотят, чтобы ты дал мне хоть немного свободы?

- Ими овладел малый дух. Но он, Хокват, не настолько могуч как мой.

- Что ты собираешься делать?

- Когда рассветет, мы отправимся к ним. Я возьму тебя с собой и покажу им силу своего духа.

* * *

Из РЕЧИ Катсука, произнесенной им перед соплеменниками
(со слов его тетки Кэлли)

Вот что случилось со мной. Мой разум был болен. Мои мысли заразились хокватскими болезнями. Я потерял свой путь, потому что у меня не было духа, который бы направлял меня. Тогда я стал искать, кто бы дал мне нужные лекарства. И я нашел их у вас, люди моего племени. Я нашел их у своих дедов, братьев отца, у всех тех, от кого мы произошли, у всех наших

предков, дедов и бабок моей матери, у всех моих соплеменников. Их колдовские слова действовали на меня. Я почувствовал их в себе. Я и теперь чувствую их. В моей груди пылает огонь. Меня ведет Ворон. А Ловец Душ нашел меня.

* * *

Перед самым рассветом Катсук вышел из пещеры, где был ход в древнюю шахту, глубоко врезавшуюся в склон нависавшего над озером холма. Внизу, среди деревьев, он видел огни - костры в тумане, заполнившем всю долину. Огни сверкали и плыли, как будто это были фосфорные цветы, пущенные по воде, но туман сейчас скрадывал их формы.

Катсук думал: # Мое племя.

Он узнавал их в ночи, но не по хокватским их именам, но данным в племени. В тайну этих имен были посвящены лишь те, кому можно было доверять. Это были: Женщина-Утка, Глаза На Дереве; Ненавижу Рыбу, Прыжок Лося, Дед С Одним Яйцом, Лунная Вода... Сейчас он перечислял все эти имена на родном своем языке:

- Чукави, Кипскилч, Ишкауч, Кланицка, Найклетах, Тсканай...

Тсканай была здесь, явно считая себя Мэри Клетник. Катсук попытался вызвать то, что помнил о ней Чарлз Хобухет. но в голову ничего не приходило. Она была здесь, но как бы за покрывалом, за пеленой. Зачем она прячется? Он снова ощущал обнаженное, гибкое тело в свете костра, бормочущий голос; касающиеся тела пальцы; ее мягкость, изгоняющую из него все недобрые мысли.

Но сейчас она представляла для него угрозу.

И он сам понимал это. Тсканай была очень важна для Чарлза Хобухета. Она может нанести удар в тот центр, которым являлся Катсук. У женщин есть силы. Ловец Душ должен считаться с этим.

Над краем долины взошло солнце. Катсук перенес взгляд с заполненной туманом долины на порозовевшие зарей горы. Черные пятна скал выделялись на фоне снегов - белых-белых, будто сделанное из козьей шерсти одеяло. Горы были древними исполинами, одновременно и поддерживающими небо, и толкающими его.

Катсук молился:

О, Ловец Душ, защити меня от этой женщины. Стереги мою # силу. Пусть ненависть моя останется чистой.

После этого он вернулся в пещеру, разбудил мальчика и покормил его взятыми из рюкзака шоколадными батончиками и арахисом. Хокват ел жадно, не замечая того, что сам Катсук не ест. Мальчик ничего не рассказывал про свой сон, но Катсук сам вспомнил про него, чувствуя, что против него собираются опасные силы.

Хоквату снился дух, пообещавший выполнить любое желание. Дух сказал, что он еще не готов. К чему не готов? К жертвоприношению? Он сам сказал, что Хоквату приснился дух. Это не с каждым случается. В этом был знак истинной силы. А чем же еще могло это быть? Жертвоприношение должно иметь большое значение. # Невинный ##должен идти в мир духов с громогласным голосом, который невозможно заглушить. оба мира должны слышать его, иначе эта смерть будет бессмысленной.

Катсук тряхнул головой. Он был обеспокоен, но это утро не будет посвящено снам. Этот день будет отдан испытанию реальности в материальном мире.

Он вышел из пещеры и увидел, что солнце уже разогнало

большую часть тумана. Озеро теперь было зеркалом, отражавшим солнечное сияние. Оно залило всю долину палевой ясностью. На опушку леса вышел черный медведь, будто собака вывесив язык, чтобы вволю напиться утренним воздухом. Потом он учуял человека, неспешно повернулся и исчез в деревьях.

Катсук сорвал с себя хокватскую одежду, оставив только набедренную повязку и сшитые Яниктахт мокасины и повесив на пояс шаманскую сумку.

Дэвид вышел из пещеры. Катсук перередал ему хокватскую одежду и сказал:

- Положи это в рюкзак. Спальный мешок уложишь сверху.

Спрячь там, где мы спали.

- Зачем?

- Мы еще вернемся за ним.

Дэвид пожал плечами, но послушался. Вернувшись, он сказал:

- Мне кажется, тебе холодно.

- Мне не холодно. Сейчас мы пойдем к людям моего племени.

Он шел очень быстро. Мальчику не оставалось ничего, как последовать за ним.

Они спустились по склону, покрытому яркой зеленью, с проглядывавшими через нее алыми листьями дикого винограда. Кое-где на склоне выглядывали серые бока валунов. Они обошли большую скалу и вступили под темные кроны деревьев.

После спуска по каменистому склону Дэвид тяжело дышал. Катсук, похоже, совершенно не растратил сил, продвигаясь уверенным, широким шагом. На берегу ручья росли тополя, их стволы поросли бледным, желто-зеленым мхом. Тропа провела их через болотце и вывела на узкий уступ, поросший елками, кедрами и высокими тсугами. Футах в пятидесяти, на лесной вырубке стояли четыре наспех сделанные хижины, одна из них величиной с три остальные. Хижины были построены из расщепленных кедровых жердей, воткнутых в землю и связанных у вершины. Дэвид заметил даже то, что связки были из ивовых прутьев. У самой большой постройки была низенькая дверь, занавешенная лосиной шкурой.

Как только стало возможным увидеть Катсука и мальчика от дверей хижины, шкура поднялась, и вышла молодая женщина. Катсук остановился, придерживая своего пленника за плечо.

Девушка заметила их только тогда, когда совсем уже вышла. Она застыла на месте, приложив руку к щеке. Ее взгляд выдал, что она узнала пришельца.

Дэвид стоял, скованный зажимом руки индейца. Ему было интересно, о чем тот сейчас думает. И Катсук, и девушка стояли, глядя друг на друга, но не говоря ни слова. Дэвид осматривал девушку и видел, что все ее чувства неестественно насторожены.

Ее волосы были разделены пробором посреди головы и свисали до плеч. Их концы были заплетены в косички и перевязаны белой лентой. Левая щека была вся покрыта оспинами, их не могла скрыть даже ладонь, которую она подняла. Лицо у нее было ширококостное, круглое, с глубока посаженными глазами. У нее было налитое, но стройное тело под красным, спускающимся ниже колен платьем.

Всю дорогу от пещеры Дэвид настраивал сам себя, что соплеменники Катсука покончат со всем этим кошмаром. Старые дни индейцев и их бледнолицых пленников навсегда ушли в прошлое. Эти люди пришли сюда как часть поисковой группы, чтобы схватить Катсука. Но сейчас Дэвид увидал в глазах девушки страх и стал сомневаться в своих надеждах.

Молодая женщина опустила руку.

- Чарли.

Катсук ничего не ответил.

Она поглядела на Дэвида, потом снова на Катсука.

- Не думала, что это сработает.

Катсук пошевелился.

-

Голос его звучал странно.

- Песня.

- Ты считаешь, я пришел сюда из-за песни?

- Почему бы и нет.

Катсук ослабил зажим на плече Дэвида.

- Хокват, это Тсканай... старая знакомая.

Направляясь к ним, девушка возразила:

- Меня зовут Мэри Клетник.

- Ее зовут Тсканай, - повторил Катсук. - Лунная Вода.

- Ой, Чарли, брось ты эти глупости, - сказала девушка. -

- Ты...

- Не называй меня Чарли.

Хотя говорил он и мягко, что-то в его тоне остановило ее.

Она опять поднесла руку к щеке.

- Но ведь...

- Сейчас у меня другое имя: Катсук.

- Катсук?

- Тебе известно, что оно обозначает.

Девушка замялась.

- Центр... что-то вроде того.

- Что-то вроде того, - осклабился индеец. Он указал на мальчика. - А это Хокват, Невинный, который ответит за всех наших невинных.

- Но ведь ты же не думаешь взаправду...

- Я покажу тебе правду, и только она будет правдой.

Ее взгляд остановился на ноже, висящем у Катсука на поясе.

- Так что ничего сложного, - продолжил индеец. - а где остальные?

- Большая часть ушла еще до зари... искать.

- Меня?

Девушка кивнула.

При этих словах сердце Дэвида забилось сильнее. Племя Катсука находилось здесь, чтобы помочь. они были частью поисковой группы. Он сказал:

- Меня зовут Дэвид маршалл. Я...

Резкий удар сбоку чуть не сбил его с ног.

Тсканай поднесла руку ко рту, сдерживая вскрик.

Своим обычным тоном Катсук заметил:

- Тебя зовут Хокват. Не забывай об этом. - Он повернулся к девушке. - Мы провели ночь на старой шахте, даже развели там костер. Как же ваши следопыты не заметили этого?

Она опустила руку от губ, но не ответила.

- Неужели ты считаешь, что меня привела сюда твоя несчастная песня?

Тсканай конвульсивно сглотнула.

Дэвид, у которого щека горела от удара, злобно поглядел на Катсука, но страх удержал его на месте.

- Кто остался в лагере? - спросил Катсук.

- Насколько мне известно, - отвечала Тсканай, - твоя тет-ка Кэлли и старый Иш. Ну, может еще пара ребят. Им ее захотелось выходить на утренний холод, так рано.

- Вот вся история ваших существований, - вздохнул Катсук.

- Радио у вас есть?

- Нет.

Лосиная шкура позади девушки поднялась снова. из хижины

вышел старик - с длинным носом, седыми волосами до плеч и птичьей фигурой. на нем был нагрудник и зеленая шерстяная рубаха, свободно болтающаяся на его тощем теле. на ногах были заплатанные ботинки. В правой руке он держал ружье стволом вверх.

При виде ружья надежды Дэвида вспыхнули снова. Он внимательно изучал старика: бледное, все в морщинах лицо, глаза утонули за высокими скулами. Во взгляде чувствовалось присутствие какого-то мрачного, первобытного духа. Волосы его растрепались и напоминали комок иссохших на берегу старых, гнилых водорослей.

- Услышал, услышал, - сказал старик. Голос у него был высокий и чистый.

- Здравствуй, Иш, - сказал Катсук.

Старик вышел из дома, отбросив шкуру. Передвигался он боком, волоча левую ногу.

- Так значит, Катсук?

- Да, это мое имя. - В голосе Катсука чувствовался оттенок уважительности.

- А зачем? - спросил Иш. Сейчас он занял место рядом с Тсканай. Между ними и Катсуком с мальчиком было футов десять.

Дэвид почувствовал, что эти двое - соперники. Он поглядел на Катсука.

- Мы оба знаем, что открывает разум, - ответил тот.

- Ага, отшельничество и размышления, - сказал Иш. - Так ты считаешь себя шаманом?

- Ты воспользовался правильным словом, Иш. Я удивлен.

- Мальчик,

- Я следовал древним путям, - объяснил Катсук. - После размышлений в горах, в холоде и посте, я нашел себе духа.

- И теперь ты стал лесным индейцем, а?

Жестким, холодным голосом Катсук заметил:

- Не называй меня индейцем.

- Хорошо, - согласился Иш и перехватил ружье.

Дэвид перевел взгляд с ружья на Катсука, боясь вздохнуть, опасаясь, что тем самым привлечет к себе внимание.

- Ты и вправду считаешь, что у тебя есть дух? - спросил Иш.

- О, Господи! Какие глупости! - вздохнула Тсканай.

- Я не смог разминуться со своими соплеменниками на своей родной земле. И я знаю, почему вы здесь. Мой дух рассказал мне.

- И почему же мы здесь? - спросил его старик.

- Вы воспользовались охотой на меня, чтобы нарушить хокские законы, чтобы настрелять дичи, необходимой вашим семьям для того, чтобы выжить, но которая по праву ваша.

Старик усмехнулся.

- Для того, чтобы сказать это, дух не нужен. Ты считаешь, что на самом деле мы за тобой не охотимся?

- Я слышал песню, - сказал Катсук.

- И это она привела тебя сюда, - заметила Тсканай.

- Вот именно, - согласился с ней Иш.

Катсук отрицательно покачал головой.

- Нет, дядя моего отца, ваша песня не приводила меня сюда. Я пришел к вам, чтобы показать нынешнее свое положение.

- Но ведь ты даже не знал, что я здесь, - запротестовал

Иш. - Я же слышал, как ты спрашивал у Мэри.

- У Тсканай, - поправил его Катсук.

- Мэри, Тсканай - какая разница?

- Ведь ты же и знаешь эту разницу, Иш.

Вдруг до Дэвида дошло, что старик, судя по бойкости его

речей, перепуган, но пытается это скрыть. Почему он боится? У него есть ружье, а у Катука только нож. Во всем был виден страх - в бледности старика, в его заискивающей улыбке, в напряженности старческих мышц. И Катук знал об этом!

- Ну ладно, знаю я разницу, - пробормотал Иш.

- Я покажу тебе, - пообещал Катук. Он поднял руки, обратил лицо к небу. - О Ворон! - сказал он низким голосом, - покажи им, что дух мой силен во всем.

- Черт подери, - заметил старик. - Мы посылали тебя в университет вовсе не за тем.

- Ворон! - произнес Катук, теперь еще громче.

- Перестань звать свою проклятую птицу, - вмешалась Тсканай. - Ворон мертв уже, самое малое, сотню лет.

- Ворон!!! - вскрикнул Катук.

В левой хижине открылась деревянная дверь. Из дома вышли два мальчика, приблизительно в возрасте Дэвида, и остановились, наблюдая за происходящим на поляне.

Катук опустил голову, сложил руки.

- Я видал, как однажды он призвал птиц, - сказал Дэвид и тут же почувствовал, что сморозил глупость. Все присутствующие не обратили ни малейшего внимания на его слова. Неужели ему не верят? - Я# видел##, - повторил мальчик.

Тсканай снова поглядела на него и резко дернула головой. Дэвид видел, что она тоже не хочет поддаваться страху. А еще в ней была злость. Из-за этого у нее даже глаза заблестели.

- Я воспринял то, что дает Ворон, - сказал Катук, а потом начал петь, очень тихо - странный мотив с резкими и щелкающими звуками.

- Прекрати, - сказал ему Иш.

Зато Тсканай была заинтригована.

- Ведь это всего лишь имена.

- Это имена его мертвых, - объяснил ей старик. Глаза его блеснули, когда он обвел взором всю вырубку.

Катук прервал свою песню и сказал:

- Ты ощущал их присутствие, когда пел вчера вечером.

- Не говори глупостей, - вспыхнул было старик, но страх чувствовался в его голосе, потом Иш задрожал и смолк на полуслове.

-# Что ##ощущал? - настаивала на своем Тсканай.

Холод сковал грудь Дэвиду. Он# знал##, что имеет в виду Катук: Здесь, в этом месте, были духи. Мальчик ощущал погребальный гул деревьев. Он затрясся от ужаса.

- Когда вы пели призывную песнь, я слышал, что они здесь, - сказал Катук и коснулся своей груди. - Они говорили вот что: " Мы - люди каноэ. Мы - китовые люди. А где ваш океан? Что вы делаете здесь? Это озеро совсем не океан. Вы сбежали. Киты насмеются над нами. Они подплывают к самому берегу, чтобы пускать свои фонтаны. А ведь когда-то они не посмели бы так сделать." Вот что сказали мне духи.

Иш прочистил горло.

- Ворон защищает меня, - добавил Катук.

Старик покачал головой и начал поднимать свое ружье. В этот миг из деревьев, окружавших озеро, вылетел один-единственный ворон. Его глазки-бусинки осматривали всю поляну. Он уселся на верху самой большой хижины и вытянул голову, как бы желая получше видеть людей.

Иш и Тсканай повернули головы, чтобы проследить за полетом птицы. Девушка обернулась сразу же, Иш гораздо дольше изучал ворона, прежде чем повернуться к Катуку.

Дэвид тоже обратил внимание на индейца. Так вот чем были

заняты его мысли - он вызывал ворона!

Глядя прямо в глаза старику, Катсук сказал:

- Ты будешь называть меня Катсуком.

Иш, глубоко и судорожно вздохнув, опустил ружье.

Тсканай, прижав обе руки к щекам, виновато опустила голову, когда Дэвид посмотрел на нее. Ее глаза говорили: " Я не верю в это, и ты тоже не верь".

Дэвиду было за нее стыдно.

- Ты, Иш, как и все соплеменники, должен знать, кто я такой, - сказал Катсук. - Вы уже видели раньше, что духи делают с людьми. Я знаю про это. Мой дед рассказывал мне. Ты можешь стать# шикта##, великим вождем нашего племени.

Иш откашлялся, потом сказал:

- Все это глупая чушь. И птица эта прилетела сюда совершенно случайно. Уже много лет я не верю в это.

- И сколько же это лет? - мягко, вкрадчиво спросил Катсук.

- Ты и# вправду ##веришь, что позвал этого ворона? - вмешалась Тсканай.

- Да, он это сделал, - прошептал Дэвид.

- Так сколько все-таки лет? - настаивал Катсук.

- С тех пор, как я увидел свет разума, - ответил Иш.

- Хокватского разума, - заметил Катсук. - А точнее, когда ты принял веру хокватов.

- О, Господи, мальчик...

- Вот оно, разве не так?! - торжествовал Катсук. - Ты проглотил хокватскую веру, как палтус захватывает наживку. И они потянули тебя. А ты попался на крючок, хотя и знал, что тебя оттащат от твоего прошлого.

- Ты богохульствуешь, мальчик!

- Я не# мальчик. ##Я - Катсук! Я - сосредоточие! И я говорю, что это# ты ##богохульствуешь. Ты отказываешься от тех сил, что принадлежат нам по праву наследия.

- Это все глупости!

- Тогда почему же ты не застрелишь меня? - Он прокричал это, подавшись к старику.

Дэвид затаил дыхание.

Тсканай отступила на несколько шагов.

Иш приподнял ружье. В этот миг ворон на верху хижины закаркал. Иш тут же опустил ствол ружья. В его глазах отражался ужас. Он глядел на своего более молодого противника так, будто пытался проглядеть его насквозь.

- Вот теперь ты знаешь это. - Катсук взмахнул правой рукой.

Подчиняясь этому жесту, ворон взлетел и направился в сторону озера.

- Так как меня зовут? - требовательно спросил Катсук.

- Катсук, - прошептал старик, опустив плечи. Ружье свисало у него из рук, как будто он вот-вот собирался бросить его на землю.

Катсук указал на Дэвида.

- А это Хокват.

- Хокват, - согласился Иш.

Индеец прошел между стариком и Тсканай к завесе из лосиной шкуры. Он приподнял ее, затем повернулся к девушке.

- Тсканай, ты будешь присматривать за Хокватом. Проследи, чтобы он не попытался убежать. Скоро, очень скоро ему предстоит умереть.

И он вошел в дом, опустив за собой шкуру.

- Он сошел с ума, - прошептал Дэвид. - Совершенно.

Цканай повернулась к старику.

- Почему ты уступил ему? Мальчик прав. Чарли...

- Заткнись, - прошипел Иш. - Он потерян для тебя, Мэри.

Ты понимаешь меня? Он уже не твой. Я знал, давно уже видел это. Он потерян для всех нас. и я видел это.

- Ты видел... ты знал... - передразнила она его. - Почему ты, старый дурак, только стоял здесь со своей пикалкой, когда он...

- Ты же сама видела птицу.

- Всего лишь птицу.

- Она могла поразить нас молнией, насмерть!

- Ты такой же сумасшедший.

- Ты что, ослепла? Я разговаривал с ним только лишь затем, чтобы не дать понести своим нервам. я даже не заметил, как он позвал свою птицу. Но ты могла почувствовать его силу. он пришел сюда не потому, что мы пели. Он пришел показывать свою силу.

Она тряхнула головой.

- И что ты собираешься делать?

- Хочу подождать остальных и рассказать им.

- Что ты собираешься им сказать?

- То, что для них лучше подумать сначала, прежде чем выступать против него. Где Кэлли?

- Она ушла куда-то... минут десять назад.

- Когда она вернется, скажи, чтобы она приготовила дом для большого собрания. И проследи, чтобы этот ребенок не убежал. Если это случится, Кэлик тебя убьет.

- А ты только будешь стоять и позволишь ему сделать это?

- Не выводи меня из себя! Я не хочу противостоять истинному духу. А его захватил Повелитель Душ.

* * *

СПЕЦИАЛЬНЫЙ АГЕНТ Норман Хосбиг, ФБР

Я уже говорил парням из средств массовой информации, как сильно мы нуждаемся в сотрудничестве. Мы даем вам все, что только можно. Черт подери, я знаю, какая это сенсационная новость. Мы загружены по самую макушку, а шериф говорит, что все надо сворачивать. Мы рассчитывали на то, что оставленные Хобухетом записки - это требования о выкупе. Как только выяснилось похищение, мы тут же автоматически предприняли юридические действия. Мы разработали версию, что мальчика перевезли в другой штат или даже за рубеж. я знаю, что говорит шериф, но и он всего не знает. Мы ожидаем, что вскоре появится следующее требование о выкупе. Хобухет учился в университете, и мы склонны считать, что он стал индейским боевиком. он думает, что мы отдадим Форт Лоутон, Аляска или что-нибудь еще под Независимые Индейские Территории. Только, ради Бога, не печатайте этого.

* * *

Дэвид не знал, что и делать. Он понимал, что был причиной всего, случившегося на вырубке. У него были личные отношения с Кэликом - проблемы, касавшиеся жизни и смерти, но противостояние молодого индейца и старика Иша совершенно не касалось его судьбы. Теперь все перешло в иной план, в измерение духов и снов. Дэвид знал об этом. Теперь у него не было сомнений, в каком мире живет он в своем теле.

И он удивлялся: # Откуда мне все это известно?

Сознание это пришло вопреки всему тому, во что он сам привык верить до тех пор, как в его жизнь вошел Катсук. Здесь были две проблемы, или даже одна проблема, но с двумя представлениями. Одно касалось необходимости сбежать от сумасшедшего индейца, возвращения к людям разумным, которые могли его понимать. Но была и другая сторона - а точнее, сила, связующая двух людей по имени Хокват и Катсук.

Мальчик подумал: # Но ведь я же Дэвид, а не Хокват.

Только, вспомнив о Хоквате, он осознал, что сам создал некую связь. Если он сбежит, то разорвет оба этих соединенных звена. Иш понимал это, Тсканай - нет.

Девушка стояла там, где оставил ее Катсук. в ее глазах проглядывала озабоченность, когда она глядела на мальчика, которого ей приказали опекать. Ветер с озера взъерошил ее волосы, и она убрала прядку со лба. В этом движении был и гнев, и разочарованность.

Иш направился в лес. Он шел широким, уверенным шагом. Она же оставалась со своими заботами.

Тсканай была крепко связана с этим миром, понял Дэвид. У нее была лишь какая-то частица предвидения. Это было так, как будто она была слепой. Иш - совершенно другой случай. Он мог видеть оба мира, но боялся этого. Возможно, он и боялся-то # по # тому что ##мог видеть оба мира.

Дэвид подавил в себе внутреннюю дрожь.

Долгое молчание Тсканай беспокоило мальчика. Он оглянулся в сторону озера, потому что не мог вынести взгляда ее темных глаз. О чем она думала? Сейчас солнце висело высоко над холмами, посылая свой свет и тепло сюда, где стояли они оба. Почему она смотрит так? Почему ничего не говорит? Ему хотелось накричать на нее, сказать что-нибудь обидное или просто уйти.

Она думала о Катсуке.

Мальчик был уверен в этом, как будто она сама сказала об этом. Ей страшно хотелось поговорить о Катсуке.

Но говорить с ней про Катсука было опасно. Сейчас Дэвид знал об этом. Но так уж произошло. # С Катсуком были проблемы. Опасность эта каким-то образом была связана с пережитым Катсуком духовным сном, о котором он не хотел рассказывать подробно. Повидимому, этот сон имел очень большое значение и силу воздействия. Очевидно так. Дэвид вдруг подумал, а не попал ли в этот сон Катсука сам Хокват. Могло такое случиться? Могло произойти такое, что, увидав какого-то человека во сне, на земле ты удержишь его в плену?

Мальчика обожгло осознание того, что во время спора с Ишем сам он принял сторону Катсука. Как могло такое случиться? Мысль об этом наполнила его сознанием вины. Он предал самого себя! Он сам ослабил в себе то, что являлось Дэвидом. Каким-то образом он совершил ужаснейшую ошибку.

От перепуга у него даже рот раскрылся. Какие же силы управляли им, если он сам крепил связь между Хокватом и Катсуком?

Тсканай пришла в себя, спросила:

- Ты голоден?

Дэвид не понимал, о чем она говорит. какое отношение имеет голод ко всему остальному? Голоден? Он задумался.

- Ты кушал? - настаивала Тсканай.

Дэвид пожал плечами.

- Кажется да. Немного арахиса, шоколадка...

- Пошли со мной.

Она повела его через всю вырубку к кучкам золы у дальних хижин.

Дэвид шел за ней, отмечая про себя, что кучки эти были разные. Одни из них дымились. Тсканай подвела его к одной такой. Здесь лежало обгорелое бревно и охапка коры.

Идя позади Тсканай, Дэвид заметил, что подол ее платья был мокрым от росы. Утром она ходила по высокой траве. По краю все ее платье было покрыто грязными пятнами, испачкано золой.

Дэвид спросил у девушки:

- Как мне тебя называть?

- Мэ... - Она бросила взгляд на хижину, в которую вошел Катсук. - Тсканай.

- Это означает - Лунная Вода, - сказал Дэвид. - Я уже слышал это имя.

Девушка кивнула и начала маленькой палочкой раскапывать угли в золе. Дэвид обошел бревно.

- Ты давно знаешь Катсука?

- С самого детства.

Он нагнулась над кострищем и стала раздувать угли. Вспыхнул язычок пламени. Девушка подбросила в огонь кусочки коры.

- Ты хорошо его знаешь?

- Я собиралась выйти за него замуж.

- О!

Тсканай прошла в дом и вернулась с двумя старыми эмалированными мисками. В одной плескалась вода, в которой плавали черничные листья. Во второй была серо-голубая масса.

- Здесь голубика, клубни тигровой лилии и камышовые корни, - ответила девушка, когда Дэвид спросил, что это такое.

Мальчик присел у костра, наслаждаясь его теплом.

Тсканай поставила обе миски на угли, вернулась в хижину, принесла эмалированную тарелку, кружку и дешевую ложку. Она вытерла их подолом платья, а затем пересыпала в тарелку разогретую кашу, налила в кружку настой из черничных листьев.

Дэвид сел на бревно и стал есть. Тсканай присела на другой конец бревна и, не говоря ни слова, смотрела, пока он не закончил. Каша показалась мальчику сытной и сладкой. Чай был горьковатым, но после него во рту оставалось чувство свежести и чистоты.

- Понравилось? - спросила Тсканай, забирая посуду.

- Угу.

- Это индейская еда.

- Катсуку не нравится, когда его называют индейцем.

- Пошел он к черту! Он сильно тебя ударил?

- Да нет. Ты еще собираешься выйти за него замуж?

- Никто за него не собирается.

Дэвид кивнул. Катсук ушел в мир, в котором люди не женятся и не выходят замуж.

- Раньше он не был таким жестоким, - сказала Тсканай.

- Знаю.

- Он назвал тебя Невинным. Ты и вправду такой?

- Какой?

- Невинный?

Дэвид не знал, что и ответить. Эта тема ему не нравилась.

- Вот я - нет, - сказала она. - Я была его женщиной.

- Понятно. - Дэвид отвернулся в сторону озера.

- Ты знаешь, почему он назвал тебя Хокватом?

- Потому что я белый.

- Сколько тебе лет?

- Тринадцать. - Дэвид поглядел на большой дом. - Так что случилось с Катсуком, что он изменился?

- Он ненавидит.

- Это я понял. Но почему?

- Скорее всего, из-за сестры.

- Сестры?

- Да. Она покончила с собой.

Дэвид уставился на Тсканай.

- Почему она сделала это?

- На Форкс Род ее схватила банда белых и изнасиловала.

В словах Тсканай Дэвид уловил скрытую радость, и это его удивило. Он спросил:

- И потому Катсук ненавидит белых?

- Думаю, поэтому. Ты еще никого не насиловал, а?

Дэвид покраснел. Его злило, что она могла такое подумать.

Он отвернулся.

- Ты хоть знаешь, что это означает?

- А как же! - Голос его прозвучал грубо.

- А ты и вправду невинный!

- Да! - Уже дерзко.

- И никогда не лазил девчонкам под юбку?

Дэвид почувствовал, что снова краснеет.

Тсканай рассмеялась. Дэвид повернулся, поглядел на нее.

- Он собирается убить меня! Ты знаешь про это? Если твои родичи не остановят его, то...

Она кивнула, лицо стало серьезным.

- Почему ты не убежишь?

- Куда мне бежать?

Девушка указала на озеро.

- Из другого конца озера вытекает речушка, даже ручей.

Иди по его течению, там много звериных троп. Потом там будет речка, свернешь налево, вниз по ее течению. Ты выйдешь к парковым дорогам и мосту. Перейдешь мост. Там есть указатель. Дорога ведет к палаточному городку. Там мы оставляем свои машины.

Машины! - ##подумал Дэвид. Сейчас автомобиль означал для него безопасность, освобождение от страшных пут.

- Насколько это далеко?

Девушка задумалась.

- Миль двадцать. Мы идем два дня.

- Где я смогу отдохнуть? Что буду есть?

- Если будешь держаться северного берега реки, то найдешь заброшенный парковый приют. Иш с кое с кем из своих приятелей закопал там стальную бочку. Там есть одеяла, бобы, спички и растопка. Это в самом северном углу убежища. Я сама слышала, как он рассказывал об этом.

Дэвид уставился на озеро.# Приют... одеяла... мост... машины... ##Он бросил взгляд на хижину, в которой скрылся Катсук.

- Если я убегу, он тебя убьет.

- Не посмеет.

- Он может.

- Да ведь он же кричал, молил своего чертова Ворона!

Дэвид подумал:# Он вышлет за мной своих птиц!

- Меня он не запугает, - сказала Тсканай. - Или ты сам не хочешь убежать?

- Конечно хочу. - Так чего ты ждешь?

Дэвид вскочил на ноги.

- Ты уверена?

- Уверена.

Мальчик еще раз глянул на озеро. Он чувствовал, как нарастает в нем восторг.# По ручью до речки. По ее течению спуститься до парковой дороги. Перейти мост.

Даже не оглянувшись, не подумав о Тсканай, он побежал к озеру, делая так на тот случай, если бы Катсук следил за ним. На самом берегу он поднял плоский камешек и забросил его в

тростники. Если бы за ним следили, он притворился бы, что просто побежал к озеру играть. И еще один камень полетел в заросли. Этот вспугнул сидящего в укрытии селезня. Птица с криком вылетела из тростников, взбивая воду крыльями, и уселась на дальнем берегу, стала оглаживать перья, при этом недовольно крякая.

Дэвид сглотнул слюну, заставляя себя не оглядываться в сторону индейской стоянки. Селезень наделал шума, и это могло привлечь внимание других птиц. высматривая воронов, мальчик обошел открытую сверху порубку и обнаружил звериную тропу, по которой стекала вода. Все поросло мокрой высокой травой. Ноги тут же промокли до самых колен. У самой стены деревьев Дэвид остановился. Как только он войдет в лес, о нем сообщат Катуку.

Рядом раздалось воронье карканье.

Дэвид повернулся влево, поглядел на озеро. Вся воронья стая сидела на высокосухом дереве на другом берегу. Тропа вела по берегу прямо к нему.

Мальчик подумал: Если я подойду поближе, они взлетят, но делают шума и позовут Катуку.

Сквозь маскирующие его деревья он мог видеть склон холма, нависшего над озером: никаких видимых дорог, все густо поросло елями и тсугами, повсюду торчат корни, покрывшиеся мохом упавшие деревья.

Уж лучше это, чем вороны.

Дэвид направился вверх по склону, прямо в лес.

Это был трудный подъем - спотыкаясь на корнях и палых ветках, скользя по влажному мху, мальчик падал; сучья царапали и хватали его за одежду. Через пару сотен шагов он уже потерял озеро из виду, зато на вершине покрытого клочьями мха дерева он увидел глухаря.

Птица не испугалась, а только повернула голову, когда мальчик проходил мимо.

За исключением постоянной капли стекающей с деревьев влаги, лес молчал. Дэвид думал: Когда доберусь до вершины холма, сразу же сверну влево. Потом дойду до озера или выйду прямо к ручью.

Мокрые носки быстро натерли ноги.

Склон стал уже не таким крутым, как вначале. Деревья здесь были и ниже, и не такие толстые. Усы лиан хватали мальчика за одежду и за ноги. он вышел на небольшую полянку с громадным вывороченным черным деревом. Его корни змеились прямо из гранитного основания холма. Перебраться через него не было никакой возможности.

Дэвид присел, чтобы немного перевести дух. Камни и корни спутались в неустойчивую массу, которая не позволяла ему повернуть влево. На полянке была только узенькая оленья тропка, поворачивающая в правую сторону. Ладно, дойду до самой вершины, а там сверну влево.

Немного отдохнув, мальчик встал и начал подниматься по тропке. не пройдя и сотни шагов, он уперся в сплошную стену кустарника. Заросли шли сплошной полосой до самой вершины и заворачивали вправо, к подножию. Дэвид попытался было протиснуться через кустарник, но понял, что это невозможно. Клочья оленьей шерсти на колючках верхних веток подсказали, что олени просто перепрыгивали этот барьер.

Разочарованный, мальчик осматривал окрестности. Спускаться вправо, к подножию, означало возвращаться к Катуку... раз уж не удалось обойти долину поверху. А перейти озеро по левому берегу - означало встретиться с воронами. Правда, здесь была еще одна тропа, по которой он пришел сюда вместе с Кату-

ком.

Решение принесло надежду. Он повернул назад, к подножию, стараясь двигаться осторожно, чему учился, глядя на Катсука. Но, так как у индейца, не получалось: Дэвид наступал на сузие ветки, которые ломались с оглушительным хрустом, он все так же спотыкался на корнях и ветках.

Деревья становились выше и толще, но много было и поломанных ветром. Мальчику хотелось пить, он начал ощущать первые признаки голода.

Здесь он обнаружил еще одну оленью тропу. Через несколько шагов она разделилась: левая тропка вела чуть ли не отвесно вверх, на склон холма, правая плавно спускалась вниз, теряясь в зеленом полумраке.

Дэвид осмотрелся и понял, что заблудился. Если он подыметсЯ наверх, то обязательно упрется в другую часть непреодолимой каменной гряды. Так что оставалось идти только вниз. Возможно, там ему удастся найти воду, чтобы, наконец-то, утолить жажду. Он погрузился в зеленый полумрак. Тропинка прихотливо вилась, пока не привела к вывернутому стихией дереву, чьи корни торчали прямо в небо.

Мальчик обошел вздыбленный комель и нос к носу столкнулся с черным медведем. Зверь заворчал и попятился назад. А Дэвид понесся вниз, по тропе, не обращая внимания на ветки и кусты, страх заставлял его мчаться сломя голову. Низкая ветка расцарапала ему лоб, на покрытом мхом стволе он поскользнулся и со всего размаху влетел носом в порожденное родником, пробивавшимся из черной скалы, болотце. Мальчик с трудом поднялся на ноги, разгляделся. Он весь был в грязи. От медведя ни слуху, ни духу. Ужасно болели грудь и бок, на который он упал.

Дэвид постоял, прислушиваясь, но слышен был только ветер в деревьях, бульканье воды из родника и его собственное хриплое дыхание. Песня воды напомнила, что ему давно хочется пить. Мальчик нашел углубление в камнях, присел и погрузил лицо в родниковую воду. Когда он поднялся, все лицо было мокрым, но Дэвиду не удалось найти ни единого сухого клочка одежды, чтобы утереться. Пришлось отряхнуться по-собачьи.

Подул ветер, и Дэвиду стало холодно. Он ощутил, как дрожат все его мышцы, но поднялся и пошел вниз по течению ручья. Тот пробежал под сваленными деревьями, по песку, заполняя мелкие провальчики, становясь все шире и шире. В конце концов ручей добрался еще до одного болотца и скрылся в плотных зарослях чертовой ягоды.

Дэвид остановился, глядя на длинные белые шипы. Здесь не пройти. Он посмотрел направо. Эта дорога должна была привести его к стоянке индейцев. Тогда он свернул налево, идя по совершенно размокшей земле, и она чавкала на каждом шагу. Тропа привела его к зарослям кустарника выше его роста. Но здесь почва была уже тверже.

Оленья тропка вела прямо через заросли. Дэвид остановился и огляделся. Он посчитал, что бродит уже часа три. Он даже не был уверен, находится ли сейчас в озерной долине. Какая-то тропка здесь имелась. Мальчик поглядел в черную дыру прохода в кустарнике. Почва была грязно-серой, всю ее покрывали оленьи следы.

Мальчика охватил страх. От холода застучали зубы.

Куда ведет эта тропка? Назад к Катсуку?

Звук постоянно капающей влаги действовал ему на нервы. Ноги гудели. Окружающую тишину мальчик ощущал как проявление враждебности к нему и растений, и животных. Теперь уже он весь трясся от холода.

До него донеслось отдаленное карканье воронов. Дэвид поворачивал голову, пытаясь определить направление, откуда исходил этот звук. А карканье становилось все громче и громче, теперь крылья хлопали уже над самой головой, но за кронами деревьев самих птиц он видеть не мог.

А вот они смогут увидеть его даже сквозь листву.

В приступе ужаса, большего, чем даже когда он встретился с медведем, Дэвид скользнул в дыру оленьего прохода, поскользнулся, упал, снова поднялся. Он бежал, ревя во весь голос, с трудом ориентируясь в плотной тени. Внезапно тропа резко завернула. Дэвид не удержался и грохнулся в кусты.

Подняв голову, он густо покраснел, все тело дрожало.

Прямо перед ним стоял Иш. Он подал руку, чтобы помочь Дэвиду подняться.

- Ты заблудился, мальчик?

Дэвид от изумления даже рот раскрыл. Единственное, что он мог, это глядеть птичьими глазами на морщинистом лице. За стариком была поляна, окруженная широким кольцом деревьев. Вся она была залита солнцем. От яркого света Дэвид зажмурился.

- Кое-кто посчитал, что ты заблудился, но тут я услышал, как ты полетел на склоне холма, - сказал Иш. Он положил руку на плечо Дэвида и отступил на шаг, чтобы осмотреть мальчика всего. - Лодырь ты, только шатался все время.

- Я медведя встретил, - оправдывался Дэвид. Только сказав это, он понял, насколько глупо прозвучали его слова.

- Сейчас ты тоже увидел медведя? - в голосе Иша чувствовался смех.

Дэвид смутился.

- Пошли, глянем, как там Тсканай, - сказал Иш.

- Он рассердился на нее?

- Он наслал на нее духа. А тот сделал так, что девушку схватила судорогу, и она упала, плача от боли.

- Это он ударил ее.

- Может и так.

- Я же говорил ей, что он может так сделать.

- Тебе не надо было убегать, мальчик. Это же чистое самоубийство.

- А какая разница?

- Ладно, - примирительно сказал Иш. - Ты неплохо погулял. Я покажу тебе короткий путь в лагерь. Катсук ждет тебя.

Он повернулся и пошел через поляну - хромой старик, на чьих волосах горело солнце.

Дэвид, слишком усталый, для того, чтобы плакать, потащился за ним как марионетка на шнурке.

* * *

Из ПИСЬМА "ВЛАСТЬ - КРАСНОКОЖИМ", которое Катсук направил в Индейский Союз:

И вы еще называете себя индейцами! Каждый раз, когда вы так говорите, вы отрицаете - что вы Люди! Неру был индийцем. Ганди был индийцем. Они знали, что это такое - быть Людьми. Если вы не можете слушать меня, послушайте Ганди. Он говорил: "Как только человек перестает бояться сил деспотии, их мощь уходит". Услышали, трусы? Выберите для себя собственное имя!

* * *

Старуха стояла у занавешенного шкурой входа в самую

большую хижину. Когда Иш с мальчиком вышли на вырубку, где был лагерь, она разговаривала с Катсуком. Иш поднял руку, чтобы остановить Дэвида.

- Это Кэлли, его тетка со стороны матери, - объяснил старик мальчику.

Она была на голову ниже Катсука, плотная и крепкая, в черном платье до середины икр. На ногах у нее были черные носки и тенниски. Волосы у нее были иссиня-черные, пронизанные седой, крепко стянутые и связанные сзади голубой лентой. Ниже ленты волосы рассыпались по плечам. У нее был высокий лоб, щеки круглые, кожа жирная и смуглая. Когда она глядела через всю прогалину на Дэвида, он мог видеть непроницаемые карие глаза, которые ничего не говорили ему.

Мотнув головой, Кэлли приказала Ишу подвести мальчика поближе. Катсук повторил ее жест, улыбка переместилась с его губ в глаза.

- Иди, мальчик, сказал Иш и подвел Дэвида к паре, стоящей у входа в дом.

- Ну что, Хокват, хорошо прогулялся? - спросил Катсук. В то же время он размышлял: # Значит это действительно правда - # Хокват не может уйти от меня. Даже убежав, он возвращается назад.

Дэвид устался в землю. Он чувствовал себя несчастным и отверженным.

Здесь собрались и другие люди - идущие от берега озера, стоящие кучками у дверей других хижин. Дэвид чувствовал исходящее от них прохладное любопытство, и больше ничего.

Он подумал: # Такого не может быть. Это вовсе не дикие индейцы из исторических книжек. Эти люди ходят в школу и церковь. У них есть автомобили. Они смотрят телевизор.

Он чувствовал, что разум его пытается установить точки совпадения между ним и окружающими его сейчас людьми. Эти мысли помогали забыть об отчаянной ситуации. Он сконцентрировался на теннисных туфлях, что были на ногах у Кэлли. Эти туфли явно были куплены. Значит, она бывала в городе и в магазинах. У Иша есть ружье. на нем была покупная одежда... как и тенниски Кэлли. Здесь они были людьми, а не дикарями-индейцами.

И все они боялись Катсука.

Тот же бросил быстрый взгляд на старуху и сказал:

- Хокват связан со мной, поняла? Он не может сбежать.

- Не говори глупостей, - ответила Кэлли, но без особой уверенности.

Катсук объяснил Дэвиду:

- Это Кэлли, сестра моей матери. Мне не хотелось бы много объяснять тебе, Хокват, но именно от родичей матери я получил свою первоначальную силу.

Он говорит это, чтобы убедить ее, а не меня, - ##подумал мальчик.

Дэвид глянул на лицо женщины, чтобы уловить ее реакцию, но нашел там лишь буравящие его карие глаза. Чувствуя, как все внутри него проваливается куда-то вниз, Дэвид понял, что Кэлли гордится Катсуком. Она гордится тем, что сделал Катсук, но ее душа не принимает этого. И никогда не примет.

- С тобой все в порядке, мальчик? - спросила Кэлли.

Дэвид вздрогнул, но промолчал, все еще думая о той власти, которой обладал Катсук над этой женщиной. И она еще гордилась им.

Ну что я могу сделать? ##- подумал Дэвид. С большим трудом он заставлял себя не плакать. Плечи повисли от неуверенности. Только через какое-то время до него дошло, как страстно на-

деялся он на то, что эта женщина ему поможет. Ему казалось, что пожилая женщина всегда благосклонно отнесется к попавшему в беду мальчику.

Но она гордилась племянником... и в то же время боялась.

Кэлли положила руку на плечо Дэвиду и сказала:

- Ты весь грязный, тебе надо помыться. Снимай одежду, я возьму ее и постираю.

Дэвид удивленно уставился на нее. Было ли это проявлением мягкосердечия? Нет. Просто ей нужно было занять руки, что позволяло ей не думать, но сохранять чувство гордости.

Старуха поглядела на Катсука сбоку и спросила:

- Так что же ты, сынок, решил сделать с ним# на самом деле? ##Ты собираешься взять за него патлач, выкуп?

Катсук нахмурился.

- Что? - Что-то не понравилось ему в голосе тетки. Была в нем какая-то хитрость.

- Ты говорил, - продолжила Кэлли, - что он связан с тобой, что только ты можешь его освободить. Ты собираешься отпустить его к своим?

Катсук отрицательно покачал головой и впервые увидел, что тетка сердится. Что это она задумала? Она разговаривала не с Катсуком. Она пробует воскресить Чарлза Хобухета! Он подавил в себе вскипающую ярость и сказал:

- Успокойся. Это не твое дело.

Но даже сказав так, он знал, что это не конец, не выход.

Эти слова он адресовал самому себе, чтобы предупредить случайную грубость. "Это была его тетка", - сказал он про себя. "У Катсука нет родных. Эта женщина была теткой Чарлза Хобухета."

- Ведь это будет самый большой подарок, который когда-либо делали, - сказала Кэлли. - Они будут обязаны тебе.

Катсук размышлял:

Вот ведь какая хитрая. Теперь она говорит о предках. Патлач! Но ведь это же не мои предки. Я из рода Похитителя Душ.
- ##Так как насчет этого? - настаивала Кэлли.

Дэвид пытался смочить пересохшее горло. Он чувствовал, что между этой женщиной и Катсуком идет сражение. Но она не пробовала спасти пленника. Тогда, к чему она ведет?

- Ты хочешь, чтобы я обменял свою жизнь за его? - спросил Катсук.

Это прозвучало как обвинение.

Дэвид видел, что Катсук прав. Женщина попросту пыталась спасти своего племянника. Ее совершенно не волновал какой-то чертов хокват. Дэвид почувствовал это, как будто бы старуха лягнула его и возненавидел ее.

- А ничто другое не имеет смысла, - сказала Кэлли.

Дэвид услышал достаточно. Он закричал, сжав кулаки:

- Тебе не удастся его спасти! Он сумасшедший!

Даже не повернувшись к мальчику, Катсук расхохотался.

Кэлли же наорала на Дэвида:

- А ты не лезь не в свое дело!

- Нет, пусть говорит, - сказал Катсук. - Послушай моего Невинного. Он знает. Тебе не удастся спасти меня. - Теперь он обратился к Ишу: - Слышал его, Иш? Он знает меня. Он знает и то, что я уже сделал. Ему известно и то, что я еще должен сделать.

Старик кивнул.

Дэвид перепугался того, что он сказал. Ведь он чуть не проболтался о смерти путешественника, и Катсук понял это. "# Он знает то, что я уже сделал." ##Но может все эти люди уже знают про убийство? Может потому они и напуганы? Нет. Они страши-

лись могущества Катсука в мире духов. Пускай даже не все они принимали это, верили в это, но боялись все.

Катсук глянул на Кэлли, спросил:

- Как мы можем сделать, чтобы хокваты были нам обязаны больше, чем было ранее?

Дэвид видел, что старуха рассердилась, борясь против своей же гордости.

- Нет смысла плакать по прошлому! - сказала она.

- Если мы не будем плакать по нему, то кто? - спросил Катсук. Ему нравилось бить ее в слабое место.

- Прошлое умерло! - ответила она. - И пусть так и остается.

- Пока я жив, оно не умерло, - возразил ей Катсук. - А я живу вечно.

- Парнишка прав, - просопела Кэлли. - Ты сошел с ума.

Катсук ухмыльнулся.

- Я этого и не отрицаю.

- Ты не сможешь сделать, что задумал, - попробовала она спорить.

Спокойным, рассудительным тоном Катсук спросил у нее:

- Что я задумал?

- Ты знаешь, что я имею в виду.

Она знает, но не может сказать, - ##думал Катсук. -# Ох, # бедная Кэлли. Когда-то наши женщины были сильными. Теперь они # слабы.

##- Никто из людей не сможет остановить меня.

- Посмотрим, - сказала она. С гневом и разочарованием, проглядывающими в каждом движении, она схватила Дэвида за руку и потащила в сторону хижины на дальнем конце вырубки. - Пошли, - приказала старуха. - Снимешь одежду и отдашь мне.

Катсук позвал ее:

- Думаю, мы еще увидимся, Кэлли.

- Зачем тебе моя одежда? - спросил Дэвид.

- Я собираюсь ее постирать. Проходи сюда. Тут есть одеяла. Можешь закутаться, пока одежда не высохнет.

Дверь из потрескавшихся досок заскрипела, когда Дэвид открыл ее. Он думал, что, возможно, успокоившись, Кэлли еще пытается спасти его. В хижине не было окон. Свет проникал только из двери. Мальчик ступил на грязный пол. Здесь воняло рыбьим жиром и еще чем-то кислым, заплесневелым от свежеснятой шкуры горной пумы, растянутой на стене напротив двери. Со стропил свисали какие-то темные тряпки. На полу повсюду валялись сети, полусгнившие, заскорузлые мешки, ржавые банки и ящики. В углу лежала целая стопка зеленых с коричневым одеял.

- Раздевайся побыстрей, - сказала Кэлли из-за двери. - Или ты сдохнешь в этих мокрых тряпках.

Дэвид неуверенно разглядывался. Хижина была ему противна. ему хотелось бежать отсюда, чтобы найти людей, способных его освободить. Но вместо этого он разделся до трусов и просунул одежду в дверь.

- Трусы тоже, - сказала старуха.

Мальчик закутался в одеяло, стянул с себя трусы и выбросил их в дверной проем.

Стирка займет несколько часов, - сказала Кэлли. - Закутайся получше и отдыхай.

Она закрыла дверь.

Дэвид стоял в абсолютной темноте. По щекам побежали слезы. Все - и природа, и люди - повернулось против него. Девушка хотела, чтобы он убежал. Старая Кэлли тоже вроде бы хотела помочь ему, но только никто из них не мог по-настоящему проти-

востоять Катсуку. Дух Катсука был слишком могущественным. Дэвид вытер лицо уголком одеяла и тут же споткнулся о стоящую на полу раскладушку. Укутавшись в одеяло поплотнее, он сел на нее, и раскладушка тут же закричала.

Когда глаза немного попривыкли к темноте, он заметил, что дверь закрыта неплотно. В ней были трещины и дыры, через которые проходил свет. Мальчик неясно слышал голоса проходивших мимо индейцев. Откуда-то доходили отзвуки детской игры: удары палкой по жестянке.

Слезы продолжали катиться по щекам Дэвида. Он едва сдерживался, чтобы не разреветься во весь голос. Потом он разозлился на свою же слабость. # Я даже не смог убежать.

Катсук повелевал птицами, людьми и всеми лесными духами. Здесь не было ни единого места, где можно было бы спрятаться. Все в лесу шпионило для безумного индейца. Его соплеменники знали это и потому боялись.

Сейчас же они держали у себя пленника, которого привел Катсук, отобрав у него одежду.

Дэвид учуял дым, запах варящегося мяса. Снаружи раздался взрыв смеха, но быстро и затих. Мальчик слышал, как шумит в деревьях ветер, как мимо ходят люди и обмениваются непонятными словами. Одеяло, в которое он закутался, пахло застарелым потом и было очень грубым. Слезы отчаяния продолжали течь из глаз мальчика. Звуки внешней активности постепенно замолкали, все чаще и чаще наступали периоды полной тишины. Что они там делают? Куда подевался Катсук? Дэвид услышал направляющиеся к хижине шаги. Застонала открытая дверь. На пороге была Тсканай, неся в руках миску. В ее движениях была какая-то злобная решимость.

Когда дверь раскрылась пошире, и девушка зашла вовнутрь, дневной свет помог заметить на ее челюсти большой синяк. Тсканай закрыла дверь, села рядом с Дэвидом на раскладушку и протянула ему миску.

- Что это?

- Копченая форель. Очень вкусно. Попробуй.

Дэвид взял миску. Она была холодной и гладкой. Но мальчик продолжал глядеть на синяк. Свет из щели лег полосой на челюсти девушки. Было видно, что Тсканай чувствует себя неудобно и беспокойно.

- Все-таки он бил тебя? - спросил мальчик.

- Просто я упала. Ешь рыбу. - В ее голосе прозвучала злость.

Дэвид занялся форелью. Она была жесткая, с легким привкусом жира. взяв в рот первый же кусочек, мальчик почувствовал, как от голода скрутило желудок. Дэвид не остановился, пока не съел всю рыбину, потом спросил:

- Где моя одежда?

- Кэлли стирает ее в большом доме. Закончит где-то через час. Чарли, Иш и другие мужчины ушли на охоту.

Дэвид слушал, что она говорит и дивился про себя: девушка говорила одно, пытаясь сказать что-то еще. Он перебил ее:

- Ему не нравилось, что ты называла его Чарли. Это потому он бил тебя?

- Катсук, - пробормотала она. - Тоже мне, шишка. - При этом она поглядела в сторону двери.

Дэвид съел вторую рыбу, оближал пальцы. Все это время девушка проявляла беспокойство, ерзая на раскладушке.

- Почему вы все так боитесь его? - спросил мальчик.

- Я ему покажу, - прошептала она.

- Что покажешь?

Не отвечая, Тсканай забрала миску и отшвырнула в сторону. Дэвид услышал лишь, как та загрохотала по полу.

- Зачем ты так?

- Я хочу показать# Катсуку! - ##Это имя прозвучало как ругательство.

Дэвид почувствовал, как вспыхнула, но тут же погасла в нем надежда. Что могла сделать Тсканай? Он сказал:

- Никто из вас не собирается мне помочь. Он сошел с ума, а вы все его боитесь.

- Он бешеный зверь, - сказала она. - Он хочет быть один. Он хочет смерти. Это безумие! А я хочу быть с кем-нибудь. Я хочу жизни! Вот это не сумасшествие. Никогда я не думала, что он станет твердолобым индейцем.

- Катсук не любит, когда его называют индейцем.

Она так замотала головой, что косички ралетелись в стороны.

- Он трахнутый, твой Катсук. - Тихим, горьким голосом.

Дэвид был шокирован. он никогда не слышал, чтобы взрослые говорили настолько откровенно. Кое-кто из его приятелей пробовал ругаться, но все же не так, как эта девушка. А ей было, самое малое, лет двадцать.

- Что, я тебя шокировала, так? - спросила она. - Ты и вправду невинный. Хотя, ты знаешь, что это означает, иначе на тебя так бы не подействовало.

Дэвид сглотнул.

- Большое дело, - сказала Тсканай. - Придурочный индеец думает, будто у него есть невинный. Ну ладно, мы ему еще покажем!

Она поднялась, подошла к двери и закрыла ее.

Дэвид услышал, как она возвращается к нему, шелест ее одежды.

- Что ты делаешь? - прошептал он.

Она ответила тем, что села рядом, нашла его левую руку и прижала к своей обнаженной груди.

От изумления Дэвид даже свистнул. Она была голая! Как только его глаза привыкли к темноте, он мог видеть ее всю, сидящую рядом.

- Мы поиграемся, - сказала она. - Мужчины и женщины часто играют в эту игру. Она очень веселая. - Она влезла рукой под его одеяло, пошарила там и нащупала его пенис. - О, у тебя уже есть волосы. Ты уже достаточно взрослый, чтобы играть в эту игру.

Дэвид попытался оттолкнуть ее руку.

- Не надо.

- Почему не надо?

Она поцеловала его в ухо.

- Потому что.

- Разве тебе не хочется избавиться от Чарли-Катсука?

- Хочется.

У нее была мягкая, возбуждающая кожа. В низу живота мальчик почувствовал странное ощущение: что-то поднялось и затвердело. Ему хотелось остановить девушку, но и прекращать этого не хотелось.

- Он хочет тебя невинного, - прошептала девушка. Дыхание ее участилось.

- А он меня отпустит? - тоже прошептал Дэвид. От девушки исходил какой-то странный, молочный запах, из-за чего кровь начала быстрее биться в жилах.

- Ты же слышал, как он говорил. - Она взяла его руку и прижала к треугольнику волос между своими ногами. - Разве те-

бе не хорошо?

- Хорошо. но откуда ты знаешь, что он меня...

- Он сам говорил, что ему нужна твоя невинность.

Немного перепуганный, но и возбужденный, Дэвид позволил ей уложить себя на раскладушку. Та затрещала и зашаталась. Теперь он делал все то, что она подсказывала, с желанием. Они покажут этому Катсуку! Придурочному, траханному Катсуку!

- Так, сюда... - шептала она. - Сюда! Аааах!... - Потом:

- А у тебя хорошая штучка. Ты и сам молодчина. Не так быстро... Сюда... правильно... вот так... ааааах!...

Осознание случившегося пришло к Дэвиду уже позднее. Тсканай вытирала его, потного, возбужденного, дрожащего, но в то же время успокоенного и довольного. Он думал: # Я сделал это! ##Он чувствовал пульсирующую в себе жизнь. # Милая Тсканай! ##Он даже расхрабрился и коснулся ее левой груди.

- Тебе понравилось, - сказала она. - Я же говорила, что это весело. - Она потрепала его за щеку. - Теперь ты уже мужчина, а не маленький Невинный, которого таскает за собой Катсук.

При воспоминании о Катсуке Дэвид почувствовал, как сжался желудок. Он прошептал:

- А как Катсук узнает?

- Узнает, - захихикала она.

- У него есть нож, - сказал Дэвид.

Она повернулась к нему лицом, положив ему руку на грудь.

- Ну и что?

Дэвид подумал об убитом туристе. Он оттолкнул руку Тсканай и сел на раскладушке.

- Ты же знаешь, что он сумасшедший.

Потом он подумал, а не рассказать ли девушке про убийство.

- Я с трудом могу дождаться, чтобы увидеть его лицо... - как-то апатично, даже со скукой сказала она.

Перебив ее, дверь заскрипела и распахнулась от удара.

В хижину вошел Катсук, его лицо против света оставалось в тени. Он нес охапку одежды Дэвида и его кроссовки. Когда солнечные лучи из дверного проема высветили две обнаженные фигуры на раскладушке, Катсук остановился.

Тсканай начала смеяться.

- Хей, Чарли-бэби. А у него уже нет невинности! Что ты на это?!

Катсук уставился на них, от шока у него перехватило у него перехватило дыхание. Его рука потянулась к рукоятки ножа на поясе, он уже почти вытащил его из ножен. Почти. А потом в нем заговорила мудрость Ловца Душ, он прозрел ее женскую хитрость. Ей хотелось этого ножа! Ей хотелось смерти и того, чтобы смерть эта прикончила его. Ей хотелось отменить древний обряд. Ах, это женское хитроумие! Он бросил Дэвиду его одежду и сделал шаг вперед. Его лицо все так же оставалось в тени, и на нем ничего нельзя было прочесть.

- Ты собираешься прирезать нас, Чарли-бэби? - спросила Тсканай.

Дэвид сидел и не мог пошевелиться от страха. Он и сам предполагал, что дело закончится ножом. Это было бы логичным решением - # правильным. ##У него заболела грудь. Его тело ожидало ножа, и сейчас даже собственная нагота не смущала его. Теперь уже не было никакой возможности уйти от удара.

- Неужели ты, Тсканай, считала, что # таким образом ##овладеешь моим духом? - спросил Катсук.

- Зато теперь он уже не твой невинный хокватик.

Но голос ее звучал озадаченно. Катсук не отреагировал

так, как она рассчитывала. Она и сама точно не знала, на что рассчитывать, но уж явно не на его спокойствие. Он должен был тут все разнести вдребезги.

Катсук мельком глянул на перепуганного мальчишку. # Невинный? ##Да разве мог секс повлиять на это? Нет! Понятие невинности заключалось в чем-то ином. Оно было связано с чувственностью и намерениями. Связано с тем, был ли в этом хоквате эгоизм. Был ли он нечувствителен к страданиям других. Способен ли он был на самопожертвование.

- Так ты уверена, что он потерял невинность? - спросил Катсук.

Тсканай села на раскладушке, потом поднялась на ноги, злобно дерзкая в своей наготе, насмехаясь ею над своим противником.

- Черт подери, конечно же уверена!

- А я - нет! - ответил индеец.

- Тебе нужны какие-то другие доказательства? - напирала она.

Медленно, очень медленно Дэвид спустил ноги с раскладушки. Он ощущал, что Катсук в этой хижине находится не весь, что мужчина прислушивается к голосам из другого мира. А вот Тсканай никак не могла увидеть этого. Или же Катсук послушается духов, или же вытащит нож полностью. Он мог ударить Тсканай, если та будет продолжать свои насмешки, но для этого вовсе не обязательно было пользоваться ножом.

- Катсук, не надо ее бить. Тсканай только пыталась мне помочь, - сказал Дэвид.

- Вот видишь, Тсканай, - заявил Катсук, - ты пыталась воспользоваться им против меня, а он просит, чтобы я тебе ничего не сделал. Да разве это не невинность?

- Да нет же! - заорала она. - Он уже потерял ее, будь ты проклят!

- Она не понимает, Катсук, - сказал Дэвид.

Удивительно мягким голосом Катсук ответил:

- Я знаю, Хокват. Одевайся. Кэлли все выстирала и высушила.

- Да нет у него невинности, говорю тебе! Нету! - шептала Тсканай.

- Он такой же Невинный, - перебил ее Катсук.

Дэвид взял одежду, которую Катсук бросил на раскладушку. Ну почему Тсканай не замолчит? Ведь это же были глупые слова. Он чувствовал, что его связь с Катсуком стала даже крепче. Тсканай не следовало помогать ему. Она попыталась вернуться к Катсуку, но не смогла встретить ту его часть, что жила в мире духов.

Девушка стояла, вся дрожа, сжав кулаки, ее лицо застыло. Все ее тело говорило о постигшей ее неудаче. Она была связана с чем-то, утраченным в этой хижине, и теперь ей нужно было нести знак этого всю оставшуюся жизнь, и она знала об этом.

- Вот теперь, Хокват, мы по-настоящему вместе. Возможно, мы даже братья. Только вот кто из нас Каин, а кто Авель?

Катсук повернулся и вышел, оставив дверь открытой.

Уже на поляне он остановился, задумавшись:

Невинность не дается, чтобы ею пользовались.

Он поглядел на свою правую руку, руку, которой он еще раньше ударил Тсканай.

Не надо было бить ее. Это было ошибкой. Это во мне все # еще оставалась частичка Чарлза Хобухета. Вот кто ее ударил! # Это было так по-хокватски, ударить ее. А она тоже хотела поступить по-хокватски, но только лишь укрепила невинность из-

бранной мною жертвы. Я - Катсук - могу смеяться над сделанным
ею и лишь оценивать важность этого поступка для меня.

##А в хижине Тсканай все повторяла:

- Будь он проклят! Будь он проклят! Будь он проклят!

Она уже плакала.

Дэвид положил руку на ее ногу.

- Не надо плакать!

Она же закрыла лицо руками, рыдая еще громче.

Дэвид умолял:

- Пожалуйста, Тсканай, не плачь!

Она отшатнулась, убрала руки от лица.

- Меня зовут Мэри.

Продолжая плакать, она нашла свое платье и натянула на себя, не заботясь о том, чтобы поправить его и застегнуться.

Она направилась к двери и, не обернувшись, сказала:

- Ты же слышал его. Одевайся!

* * *

Харлоу Б. УОТТС, преподаватель в Пэсифик Дэй Скул, Кармел, Калифорния.

Да, Дэвид один из моих учеников. Я потрясен всем случившимся. Он очень хороший ученик, один из лучших в классе. Знаете, у нас здесь британская система. Дэвид весьма тщательно подходит к каждому предмету. Его ответы и письменные работы часто говорят об этом. Но иногда он говорит и странные вещи. Как-то он заметил, что Роберт Кеннеди слишком уж старается быть героем. Когда я спросил, что он имеет в виду, Дэвид смог сказать лишь: "Поглядите, он еще не сделал ни единой ошибки". Вы не считаете, что для мальчишки это все же странные разговоры?

* * *

После полудня небо затянуло плотными тучами. С юго-запада подул холодный, пронзительный ветер. Дэвид стоял на берегу озера, под самыми хижинами, и ему стало зябко. В кармане он перебирал шесть камушков. Шесть дней!

Большая часть пребывающих в лагере индейцев, человек двадцать, а то и больше, собрались в Большом Доме и развели там огонь, над которым пожаривались два лосиных окорока.

Дэвид чувствовал, что каждый здесь знает, что они делали вместе с Тсканай. каждый раз, когда он думал об этом, щеки его покрывались краской.

У самой опушки леса сидели два мальчика и наблюдали за ним. Тсканай уже не была его охранником. Дэвид не видел ее с тех пор, как она вышла из маленькой хижины. Теперь за ним следили эти два подростка. Дэвид пробовал заговорить с ними, но они уклонялись и даже отвернулись спиной, когда он попытался заговорить еще раз. Он слышал, как они тихо переговаривались друг с другом.

Мальчика охватило чувство полнейшей растерянности. и снова он подумал о Тсканай. Она ничего не изменила. Хуже того, его связь с Катсуком стала еще крепче.

" Возможно, сейчас мы братья."

##Катсук так и сказал.

Своим прощением, отказом сердиться, Катсук накиннул новое бремя на своего пленника. Связующие их цепи стали толще.

Дэвид попытался представить Катсука и Тсканай, занимаю-

щихся любовью. А ведь такое было! Тсканай сама признавалась в этом. Но Дэвид не мог представить, чтобы такое было. Ведь тогда они были совсем другими людьми - Мэри и Чарли.

Темнело. Закат наколдовал целое озеро крови на краю темной зелени леса. Ветер еще сильнее зашелестел в тростниках, отгоняя тучи. Вышел месяц, и Дэвид внезапно увидел его глазами Катсука: откушенный диск, небольшой кусочек, оставленный Бобром. И в озере был месяц- Луна. Мальчик следил за ним, пока тот не проплыл в тростниковые заросли и не исчез. Остался только тростник.

Один из подростков за спиной у Дэвида закашлялся. Почему бы им не поговорить с ним? Дэвид никак не мог этого понять. Или это Катсук так распорядился?

Мальчик услышал далекий гул пролетающего самолета. Зеленые огни на крыльях машины плыли на север. Вместе с огнями передвигался и шум моторов, спокойный, отстраненный звук с небес. Поначалу, огни и шум разбудили надежды мальчика, потом они исчезли. Дэвид стал жевать свою нижнюю губу. Сейчас он чувствовал, как сам падает в пустоту, небо раскрылось, чтобы поглотить его. А этот самолет, тепло, свет, люди - все исчезло в каком-то ином измерении.

В Большом Доме Катсук держал речь, голос его то подымался, то становился еле слышимым. Завеса из лосиной шкуры была поднята. Свет костра в доме падал на прогалину. Дэвид повернулся спиной к озеру и пошел на свет. В темноте он прошел мимо двух караулящих его парнишек, но те не дали никакого знака, что заметили его уход. Дэвид остановился на самой границе света и тьмы, прислушался.

На мускулистом теле Катсука была только набедренная повязка, на ногах - мокасины, голова опоясана полоской красной кедровой коры, в волосах торчало вороново перо. индеец стоял спиной к входу. Пламя отсвечивало каждое его движение, кожа становилась то янтарной, то кроваво-красной.

- Разве я нашел Невинного как женщина, в своем лоне? - напирал Катсук. - Посмотрите! Я - Катсук. Я есть сосредоточие. Я живу повсюду. Я мог бы надеть знаки вождя. Чего вы боитесь? Хокватов? Это не они покорили нас. Нас покорили их ружья, ножи, топоры, иглы, колеса. Но поглядите! Я одет в набедренную повязку из шерсти и мокасины, сделанные женщинами нашего племени.

Он медленно повернулся, всматриваясь в каждое лицо.

- По вашим лицам я могу видеть, что вы мне верите. ваша вера делает меня сильнее, но этого еще недостаточно. Мы были племенем Хох. а ято мы теперь? Может кто-нибудь из вас называть себя христианином и посмеяться надо мной?

Его голос окреп.

- Мы жили на этих побережьях более пятнадцати тысяч лет. Потом пришли хокваты. И теперь на этой земле почти не осталось наших домов. Мы прячемся в лесах, в этих несчастных хижинах. Наши реки, в которых мы ловили лососей, умирают. И я должен говорить об этом на английском языке, потому что никто из вас на родном языке не говорит.

Он отвернулся от огня, поглядел в темноту, затем повернулся обратно.

- А ведь у нас чудесный язык. По сравнению с ним, английский прост и беден. в нашем языке все вещи реальны! Говоря на родном языке, я перехожу от одного состояния к другому и чувствую каждое из них. Говоря на английском, я мало чего чувствую.

Он замолчал, уставившись в огонь.

Сидящая справа от него женщина подвинулась поближе к костру, и Дэвиду сразу почудилось, будто это Тсканай, столько грации и молодости было в ее движении. Но потом она повернулась, огонь ярче осветил ее, и мальчик увидел, что это старая Кэлли. вместо лица была мрачная, отталкивающая маска. Вид ее потряс мальчика.

- Поглядите на все те приготовления, которые вы сделали для меня. вы нанесли на тела раскраску и принесли погремушки Ловца Душ. Зачем вы сделали так, если не ради того, чтобы оказать мне честь?

Он порложил руку на рукоятку висящего на поясе ножа.

- Я - Друквара, несущий войну по всему миру. У меня есть всего два танца. И один из них - Пчелы.

Кто-то, сидящий в кругу у костра, закашлялся.

- Иш, ответь ему. Ему должен ответить мужчина, - сказала Кэлли.

Иш встал напротив Катука, их разделял костер. Долговязое тело старика в отсветах пламени казалось еще выше, в глазах отражались языки огня.

- Ты говоришь о прошлом, но ведь сейчас не давние времена, - неуверенно сказал он, в его голосе чувствовался страх.

- Ты хочешь сказать, что мы больше не барабаним в сухие деревья при восходе луны, - ответил Катсук. Он указал на место, где перед тем сидел Иш. - Но ты принес свирель и эту деревянную погремушку, украшенную орлиными перьями. Зачем?

- Кое-какие древние способы действуют, - ответил ему Иш. - Но те племена, те люди были дикарями.

- Дикарями? - Катсук покачал головой. - У них была своя верность. Их мир имел определенность. Они его так понимали.

- И все же, они были дикарями.

- Это хокватское слово! Наши деревья, наши звери, наши родичи имели свою верность и свою действительность.

- Действительность? - Иш тоже покачал головой.

- Вы прибыли сюда по Хох Род. Черт подери, на автомобилях! Вы поставили свои машины рядом с хокватскими, а потом пришли сюда. Вы видели по дороге знаки новой действительности: **ОСТОРОЖНО! МАШИНЫ! ВНИМАНИЕ! ДИКИЕ ЖИВОТНЫЕ!** Чьи это машины? Чьи животные? Мы садимся за руль их машин, чтобы помочь уничтожить нашу землю! Эта пилорама внизу на реке, где они дают вам работу... иногда! Вот какая теперь действительность!

- Так вот чему ты выучился в университете?

- Ты даже представить не можешь, насколько ты прав, дядя.

Я - последний избранный из материнского клана. когда-то мы были сильными и могли противостоять любой беде. Мы помогали нашим соплеменникам. Сейчас же...

- А сейчас ты навлек беду на всех нас, - сказал Иш.

- Разве я? А может это мы сами навлекли на себя хокватские неприятности? - Катсук указал на запад. - Следы килей наших каноэ, на которых мы выходили охотиться на китов, за тысячи лет изменили очертания берегов. А теперь мы должны посылать прошения в конгресс хокватов, чтобы нам ответили, можно ли нам пользоваться маленьким клочком этой земли? Нашей земли!

- Если ты говоришь о старом поселении на побережье, - сказал Иш, - то мы можем туда вернуться. Бледнолицые уже начинают понимать наши проблемы. У них есть...

- Жалость! - крикнул Катсук. - Из жалости они кидают вам кость - несчастный клочок того, что когда-то было вашим. А вы не нуждаетесь в их подачках. Они нас оскорбляют своей, так называемой, гуманностью!

- Кого беспокоит то, что белые делают для нас...

- Меня! - Катсук прикоснулся к груди. - Они пришли на нашу землю -# н а ш у## землю! Они срезали все цветы, чтобы сделать себе букеты. Они срубили деревья, которые могли бы расти и расти. Ради спортивного интереса они вылавливают нашу рыбу, которая могла бы кормить наши семьи. При всем том, что бы ни делали хокваты, мы не должны забывать одно: В своем благодушии они все равно остаются злыми. они так довольны, что делают все как следует. Будь они прокляты, эти демоны!

- Но кое-кто из них родился здесь, - запротестовал Иш. - Они любят эту землю.

- Ах-ах! - вздохнул Катсук иронически. - Они любят эту землю и тогда, когда убивают ее, а вместе с нею и нас.

Дэвида охватило чувство вины. Он подумал: # Я - хокват!

Это его соплеменники похитили эту землю. Он знал, что Катсук говорит правду.

Мы украли эту землю.

Так вот почему два подростка, которым было приказано присматривать за ним, не хотели разговаривать. Вот почему люди, заполнившие дом, проявляли солидарность с Катсуком, хотя в их голосах были осторожность и страх.

Дэвид чувствовал себя заложником за все грехи своего народа. Он был ответственным даже за то, что его предки творили с индейскими женщинами. Он чувствовал себя совершенно разбитым, брошенным на развалинах прошлой жизни, которая была когда-то приятной и вечной. Он поглядел в дверь Большого дома: красноватые тени на опорных столбах, отсветы костра на поперечинах... все эти люди - с медово-красной кожей, с блестящими черными волосами, седоволосые, с волосами гладко лежащими и всклокоченными. Вдруг он увидел Тсканай, неподалеку от Иша, в третьем ряду: круглое лицо, фиолетовая блузка, красно-оливковый оттенок кожи в свете костра. Дэвид судорожно сглотнул слюну, вспомнив шелест ее одежды в темной хижине, танец теней...

- Вы не остановите меня, - сказал Катсук. - Никто меня не остановит.

Кэлли поднялась на ноги. Ее движения были медленными, вкрадчивыми. Она поглядела Катсуку прямо в лицо.

- Мы не собираемся останавливать тебя. Это правда. Но если ты убьешь этого мальчишку, для всех нас это будет совсем плохо. Мне бы не хотелось, чтобы мой родственник сделал это.

Она повернулась и ушла в тень.

- Прошлое есть прошлое, его не вернешь, - сказал Иш и сел.

Катсук напрягся и поглядел по сторонам, но не для того, чтобы взглянуть в лица, но чтобы показать свое.

- Все прошлое заключено в моих словах, - сказал он. -

Если эти слова умрут, вы позабудете о тех столах и слезах, что были в ваших семьях. Вы позабудете о всем том плохом, что хокваты сделали нам. Но я не позабуду! Вот и все, что я хотел вам сказать.

Он повернулся и вышел из хижины.

Не успел Дэвид пошевелиться, Катсук был уже рядом. Он схватил мальчика за плечо.

- Пошли, Хокват. Мы уходим немедленно.

* * *

Шериф МАЙК ПАЛЛАТТ:

Я уверен, что старая Кэлли видала своего племянника. А зачем же еще ей приходиться к нам со всеми этими предупреждениями? Вместе со своей бандой она была на Диких Землях. Именно

там я и сконцентрировал своих людей. Я очень внимательно выслушал ее. У этой старухи голова на плечах имеется! Она говорит, чтобы мы называли его Катсуком - черт с ним, назовем его Катсуком. Если кто назовет его в неподходящий момент Чарли - тот может испортить нам все представление.

* * *

Сразу же после того, как Дэвид с Катсуком ушли с прогалины, где стояли хижины индейцев, погода испортилась: дождик, потом взошла луна, снова дождь. А когда они добрались до входа в старую шахту, дождь разошелся не на шутку. Вдали били молнии и гремел гром. Дэвид позволял тащить себя сквозь мрак, представляя, что это сам Катсук создает каждый последующий шаг их пути. В этой мокрой темноте даже глаз Катсука не мог различать дорогу.

Во время подъема на склон Катсук все еще кипел от ярости и негодования.

Дэвид, у которого сердце трепыхалось в груди, слышал лишь каркающие звуки и мог различить в них один только гнев. Мокрые ветки хлестали его по лицу, корни хватали за ноги, он скользил по грязи. Когда они наконец дошли, мальчик совершенно выбился из сил.

Мысли Катсука находились в полнейшем беспорядке. Он думал: # Ведь все правда! Они же знают, что я говорил им правду. # Но они все еще боятся. Они не доверяют мне. Теперь мои сопле- # менники для меня утрачены. Они не хотят той силы, которую я # мог им дать. И это люди моей крови!

Он затащил Хоквата под своды старой шахты и отпустил мальчика. С них обоих текла вода. Катсук отжал руками свою набедренную повязку. По ногам потекли струйки. Он продолжал размышлять: # Нам надо передохнуть, а потом уходить отсюда. Среди # моих соплеменников есть глупые люди. Они могут сказать хоква- # там, где я нахожусь. За это им могут дать награду. Кое-кто из # моих людей болен хокватскими болезнями и может сделать это ра- # ди денег. Мои же сородичи выгнали меня из своего дома. Здесь # больше нет для меня дома. Никто из них не придет, чтобы встре- # титься со мной. Теперь я по-настоящему бездомный.

Вот только как им удастся отдохнуть здесь? Катсук мог чувствовать своих сородичей там, у озера - их беспокойство, возмущение, их разделенность, их споры. Они-то слушали его слова, но не чувствовали заключенного в них смысла. К тому же, разговор велся на языке, который кошунственно искажал все то, о чем он говорил.

Темнота больше не сможет дать мне передышки. Я буду духом-привидением. Даже Тсканай не поддержала меня...

Он вспомнил про то, как Тсканай глядела на него. Ее глаза смотрели на него и видели в нем чужака. Она отдала свое тело мальчишке, пытаясь уничтожить в нем невинность. Она думала о том, как сделать Хоквата негодным для замысла Катсука. Только ей это не удалось. Стыд Хоквата еще больше усилил его невинность. Сейчас он был еще невиннее, чем раньше.

Катсук всматривался в черную пустоту штрека старой шахты. Он ощущал его размеры своей памятью, осязанием, слухом и нюхом. Духи были и здесь.

Хокват стучал зубами. Повидимому, это духи вызвали его страх.

- Катсук? - прошептал мальчик.

- Да.

- Где это мы?

- В пещере.
- В старой шахте?
- Да.
- А т-ты н-не хочешь р-разжечь ог-гонь?

Разряд молнии на мгновение осветил все вокруг: вход в старую шахту, качающиеся деревья, отвесные струи дождя. Потом раздался такой удар грома, что мальчик даже съёжился от страха.

- По-моему, здесь и так много огня, - сказал Катсук.

Внезапно весь окружающий мир озарился таким близким рядом молнии, что в воздухе запахло преисподней; последующий удар грома чуть не повалил их на землю.

Свернувшись клубком, мальчик прижался к руке Катука.

И снова сверкнула молния, но на этот раз возле озера.

Гром прозвучал как слабое эхо предыдущего.

Дэвид хватался за Катука и трясся всем телом.

- Это был Квахутце, бог воды и дух всех тех мест, где есть вода, - объяснил Катсук.

- Он был так близко.

- Это он сказал нам, что эта земля до сих пор его.

Снова ударила молния - теперь уже на берегу озера. Потом зарокотал гром.

- Я не хочу забирать эту землю, - сказал вдруг мальчик.

Катсук положил руку ему на плечо.

- Эта земля не знает, кто ее хозяин.

- Мне стыдно за то, что мы украли у вас эту землю.

- Я знаю, Хокват. Ты и вправду невинен. Ты - один из немногих, кто почувствовал, что эта земля для меня священна. Сам ты пришел из чужих краев. Ты не научишься почитать ее как следует. И это моя земля, потому что я благоговею перед ней. Духи знают об этом, а вот сама земля - нет.

Они замолчали. Катсук освободился от рук мальчика, думая при этом: # Хокват со всей его силой зависит от меня, но сила # эта может быть для меня опасной. Если же заберет мою силу, мне # придется взять силу у него. И тогда мы, возможно, станем одной личностью, оба станем Ловцами Душ. Кого тогда я принесу в # жертву?

Дэвид вслушивался в шум дождя, в дальние раскаты грома.

Потом он спросил:

- Катсук?
- Да.
- Ты собираешься убить меня... как говорила твоя тетка?
- Я воспользуюсь тобой, чтобы передать послание.

Дэвид задумчиво жевал свою нижнюю губу.

- Но твоя тетка говорила...

- Пока ты сам не попросишь меня, я тебя не убью.

Дэвид облегченно вздохнул, потом собрался с духом и сказал:

- Но я никогда не попрошу.
- Хокват, почему ты снова предпочитаешь язык губ языку тела?

Катсук направился в сторону штольни.

Дэвид, которого этот упрек больно стегнул, снова задрожал. В слова Катука опять вернулось старое безумие.

Индеец выкопал откуда-то сверток, пахнувший машинной смазкой. Он развернул ткань, вынул спички и растопку. После этого он развел небольшой костерок. По пещере серой струей пополз дым. Пламя бросало тени на старые бревна креплений и камни.

Дэвид подсел к огню и протянул к нему руки, чтобы согреть их.

Катсук перебрал кедровые ветви на бывшей их постели,

сверху набросил спальный мешок. Потом он лег, прижавшись спиной к гнилым доскам.

Мальчик продолжал сидеть у костра, наклонив голову. Серая волна дыма над ним была как дух, что ищет выход в темный мир.

Катсук достал из-за пояса свою ивовую свирель, поднес ее к губам и мягко подул. Чистый, прозрачный звук закружил в пещере вместе с дымом, забирая с собой все мысли. Индеец играл Песню Кедр, Песню, которой умиротворяли Кедр, просили у него прощения, когда брали кору для постройки домов, подстилки и одежды, ветки для связок. Он тихо выдувал эту мелодию - как будто птица щебетала под сенью кедровых ветвей.

Вместе с музыкой пришло и видение: Яниктахт, несущая корзину с кедровой корой и шишками. И он подумал: # Для Яниктахт # так даже лучше. Я не смог бы вечно искать ее лицо среди чужих # лиц.

Слова песни эхом отражались в его сознании: "Дающий жизнь Кедр... дающий огонь Кедр..."

Образ Яниктахт стал меняться. Она сама становилась больше, больше, взрослее, все некрасивее, отвратительнее. Корзина из кедровой коры сохлась.

По лбу индейца покатались капли пота. Мысли спутались. Он опустил свирель.

- Почему ты перестал играть? - спросил Дэвид.

Катсук сел, глядя на лежащую рядом злую свирель. Он потряс головой. Движение это было будто ветер, ломающий кедровые ветви. Полоска кедровой коры стиснула его голову, и он не мог ее стянуть.

- Сними с меня эту немочь, - пробормотал он.

- Что?

- Я не хочу, чтобы эта болезнь убила меня.

- Что случилось?

Катсук уставился на мальчика через пламя костра.

- Что делает меня таким несчастным?

- Ты несчастен?

Дэвид никак не мог уловить сути этих слов, но чувствовал, что должен принять участие в разговоре.

- Это сильнее меня, - сказал Катсук. - Меня обнаружил Укорачивающий Жизнь.

- Катсук, ты говоришь какие-то непонятные мне вещи.

- На меня наслали злые слова, наговор.

- Какие слова?

- У меня есть враги. Они выследили меня. Они хотят, чтобы я как можно скорее умер. Люди моего же племени! В них нет ни капли сострадания.

Дэвид обошел костер, присел рядом с лежащим Катсуком. Он прикоснулся к свирели.

- Мне понравилась эта музыка. Ты не поиграешь еще?

- Нет!

- Почему?

- Потому что я обнаружил дерево, что принесет мне беду.

Мальчик огорошенно уставился на него.

Катсук закрыл глаза. Он представил кедр - величественный, с узловатыми, могучими корнями, глянцевыми иглами, растущий в лесной чаще, высасывающий соки из земных недр и высоко вздымающий свои ветки; представил могучую поросль молодых деревьев у подножия великана.

- Дерево, предвещающее мне беду, - прошептал он.

- Что это за дерево такое, почему оно принесет беду?

- Я был первым ребенком у своей матери, - сказал Катсук.

Он открыл глаза и уставился на клубящийся дым. - Ее брат вырезал для меня маленькое каноэ. Он же сделал игрушечную острогу, погребушку. Все это он сделал из кедра.

- И это сделало его деревом, предвещающим для тебя беду?

Каким-то отстраненным, далеким голосом Катсук продолжил:

- Когда мои родители погибли, они были в кедровом каноэ.

Яниктахт украла кедровое каноэ, когда она... А еще заноза!

Как-то я занозил колено и очень долго болел. Говорили, что я даже мог потерять ногу. Так вот, это была кедровая заноза! Все ясно, Хокват. Кто-то из моей семьи обидел кедр. И теперь мне конец.

- Ты и вправду веришь в это?

- Только не надо говорить, во что мне верить! - свирепо глянул на мальчика Катсук.

Дэвид отпрянул от него.

- Но...

- Мы сжигали кедр, мы ранили его ножами. Из кедра мы делали основы для своих домов, шести, трещотки, чтобы отгонять дождь. Но никогда мы не проявляли ему свою благодарность. И у кедра заболело сердце. Мы наступали на его корни, шрамами отмечали его кору, и никогда не думали об этом. Вот прямо сейчас я развалился на кедре. Какая глупость!

Он скатился со спального, отшвырнул его в сторону и начал собирать ветки. Потом он вынес их на дождь. когда он вернулся, его кожа блестела от влаги. катсук присел в углу, собрал опавшие кедровые иголки, выскывая по одной, и сгреб в кучку. Сделав это, он и их вынес на дождь.

- О, Кедр! - крикнул он. - Я возвращаю тебе все, что брал у тебя! И я прошу прощения! Я прошу у своего духа, чтобы он передал тебе мои слова. Я вовсе не хотел вредить тебе. Прости меня, Кедр!

Дэвид съезжился у костра, следя за всем широко раскрытыми глазами. Нет, Катсук точно сошел с ума.

Индеец вернулся к костру и подкинул в огонь разлапистую еловую ветку.

- Погляди, - сказал он. - Я не жгу кедр.

Дэвид поднялся, прижался спиной к каменной стене.

Катсук склонил голову над костром. Из его горла полились пискливые звуки, какой-то монотонный вой.

- Это ты молишься? - спросил Дэвид.

- Мне нужен иной язык, чтобы объяснить свои чувства. Мне нужен язык, который до сих пор никто не слышал. Но Кедр должен услышать меня и узнать мою мольбу.

Дэвид пытался разобрать слова, но так ничего и не добился. Издаваемые Катсуком звуки действовали гипнотически. Мальчик почувствовал, что у него смыкаются веки. Теперь уже он сам пошел к спальному мешку, лег на него и свернулся клубочком на жесткой земле.

А Катсук продолжал свое странное пение, урчание и вой. Даже когда костер почти уже догорел, и в нем оранжево мерцали только отдельные угольки, звуки все продолжались и продолжались. Какое-то время мальчик еще слышал их, а потом заснул окончательно.

* * *

Из ЗАПИСКИ, оставленной Катсуком в заброшенном приюте на Сэм Ривер.

Только без отца и матери Хокват остается невинным. Он

говорит, что его отец заплатит мне. Но как могут заплатить люди, которые уже не существуют? С другой стороны, я и не требую выкупа. У меня есть одно преимущество над вами. Я понимаю вашу экономику. Вы не понимаете моей. Моя система сводится к суете, престижу и насмешке над врагом. Так же и у хокватов. Но ведь я вижу эту суету. Я вижу этот престиж. Я вижу эту насмешку. Вот как мои соплеменники делают потлач. у хокватов потлача нет. Мне известны имена и формы всего того, что я делаю. Я понимаю все силы, всю мощь духов и то, как они действуют. Вот каково положение вещей.

* * *

Первое, что увидел Дэвид, проснувшись, это струи дождя, заवेशивающие вход в пещеру. Внешний мир был наполнен предрасветным молочно-серым туманом. Катука нигде не было видно, но где-то снаружи каркали вороны.

Услышав их, Дэвид задрожал.

Он поднялся со спального. Было холодно. Воздух напоен сыростью. Мальчик подошел к выходу из заброшенной шахты, огляделся по сторонам, поежился.

Дождь уже заканчивался.

Дэвид повернулся, поглядел в глубину выработки. Не похоже, чтобы Катук пошел туда. Но где же он был?

В деревьях над озером заорали вороны, но туман скрывал их. Дэвид чувствовал, как от голода играют кишки. Он закашлялся.

Ветер был таким же сильным. Он дул с запада, гоня тучи к вершинам гор за озером. Здесь же ветви на деревьях прямо стояли под напором стихии.

Смогу ли я спуститься вниз, к хижинам?

Он видел узкую тропку, по которой они карабкались вчера ночью. Дождь уже закончился, но с каждого листика текла вода.

Дэвид подумал о несчастных хижинах, о людях, которые в них жили. Они заставили Катука уйти вместе с пленником. Нет, они бы не помогли Дэвиду. Кэлли сказала об этом прямо.

Он услышал хлопанье грязи на тропинке.

Показался Катук. На нем была все та же набедренная повязка и мокасины. На каждом шагу ножны били его по ноге. Тело его блестело от влаги, но, похоже, он не ощущал ни сырости, ни холода. Индеец уже поднялся к самому входу в пещеру, и Дэвид увидел, что он несет какой-то сверток, завернутый в грязную тряпку.

Катук протянул сверток мальчику.

- Копченая рыба, - сказал он. - Это Кэлли прислала.

Дэвид взял у него сверток, развернул своими промерзшими пальцами. Рыба была ярко-красной, жирной и твердой. Он оторвал кусочек, пожевал. На вкус рыба была соленой, но очень вкусной. Дэвид проглотил кусочек и сразу же почувствовал себя лучше.

Теперь уже он набрал полный рот и, пережевывая рыбу, спросил:

- Ты спускался, чтобы повстречаться с приятелями?

- С приятелями, - ровным голосом ответил Катук. В это время он думал, а может ли шаман иметь друзей. Скорее всего, нет. Когда ты выпускаешь в себя силу духов, ты начинаешь сторониться людского общества. Потом он глянул на мальчика и сказал:

- Ну что, больше ты не будешь пробовать убежать?

- Я еще подумаю об этом, - дерзко ответил мальчик.

- Почему же ты не попытался сделать это сейчас?

- Я услышал воронов.

Катсук кивнул головой - логично. Он сказал:

- Эти молнии вчера ночью - одна из них ударила в елку возле дома, где толковали мои# приятели. ##Они как раз спорили, что может стоило бы схватить меня и сдать хокватским полицейским, и в этот миг обломки дерева пробили крышу.

Он усмехнулся, но веселья в улыбке не было.

Дэвид проглотил еще один кусок рыбы.

- Кого-нибудь ранило?

- Стойка для сушения рыбы упала на Тсканай и поцарапала ей руку. А Иш загорелся, когда пробовал перепрыгнуть через огонь. Особой беды ни с кем не случилось, но они уже не обсуждали, что делать со мной.

Дэвид молча жевал, внимательно глядя на своего похитителя, пытаясь не выдать того ужаса, который вызвали в нем эти известия. Еще одно доказательство, что Катсук управляет страшными силами. Он умел даже молнии насылать.

- Они не хотят, чтобы я снова посылал на них молнию, - сказал Катсук.

Дэвид уловил в его тоне нотку цинизма, но и сомнения, и спросил:

- Так разве это ты устроил грозу?

- Может быть. Не знаю, но они так думают.

- И что ты сказал им?

- Я сказал им, что язык совы насылает дождь. Я сказал, что Ворон может насылать огонь. Они и сами это знают, но по-хокватски сомневаются в собственном прошлом. Может уже хватит рыбы?

- Да. - Ошеломленный Дэвид кивнул. Ударить молнией в того, кто мог навредить тебе! Знать, что вызывает дождь, а что огонь! Какие же это были силы!

Катсук забрал сверток с рыбой из рук Дэвида, тщательно завернул его и сунул к себе в сумку. Потом сказал:

- Ты будешь идти со мной или попробуешь убежать?

Дэвид сглотнул слюну. Бежать? Куда ему бежать, если от могущества Катсука не скрыться? Но ведь должен же быть какой-то выход из этого кошмара! Должен иметься способ избавиться от Катсука!

- Отвечай, - настаивал тот.

Дэвид подумал:# Он узнает, если я попробую ему наврать. ##И сказал:

- Если я найду какую-нибудь возможность сбежать, я ею воспользуюсь.

Честность Невинного, ##- подумал Катсук. Он снова почувствовал, как растет в нем уважение к этому юному хоквату. Какой же великолепной жертвой будет он! И вправду, он был Великим Невинным, тем, что один сможет ответить за все убийства, вину за которые несли все хокваты.

- Ну а сейчас ты пойдешь со мной? - спросил индеец.

- Пойду. - Угрюмо. - А куда мы направимся?

- Сегодня мы будем подыматься в гору. Перейдя через перевал, мы выйдем в другую долину, где люди уже не ходят.

- Почему туда?

- Меня направляют.

- Мне собирать рюкзак и спальный мешок?

- Оставь их здесь.

- Но разве мы...

- Я же сказал: оставь их здесь! - В голосе Катсука появилась какая-то дикость.

Дэвид попятился вглубь пещеры.

- Я должен отказаться от любых хокватских вещей, - объяснил Катсук. - Пошли.

Выйдя из пещеры, он повернул по оленьей тропе направо. Дэвид пошел за ним.

- Держись поближе. О том, что промокнуешь, не беспокойся. на подъеме тебе станет жарко.

Они шли по тропе, пока солнце не пробилось сквозь тучи. Вся тропка была покрыта мелкими углублениями, похожими на оленьи следы. С обеих сторон тропа поросла папоротниками. С деревьев свисали клочки мха. Потом тропа начала подниматься вверх. в мелких ямках стояла вода.

Когда солнце взошло, Катсук, хватаясь за ветки, перебрался на другую сторону горного уступа, а там нашел другую тропу. здесь он свернул направо, и уже довольно скоро им стал попадаться лежащий на земле снег. Он собирался в длинных углублениях по краю дороги, но на склонах таял. Дэвид с индейцем продвигались по узкой полоске обнаженной почвы. На снегу пятнами рос лишайник цвета мочи.

Один раз они услышали шум самолета, летящего под самыми облаками, но низко нависающая листва не давала его увидеть.

По мере подъема, деревья становились все меньше и тоньше. Оленья тропа пересекла парковую, где стояла табличка, указывающая влево: ПИК КИМТА.

Катсук повернул направо.

Все чаще и чаще стали им попадаться ложбинки полностью засыпанные снегом. На нем было множество старых следов. Они уже не были похожи на следы, оставленные человеком, наполнялись дождевой или талой водой. В некоторых были пятна грязи.

Катсук указал на эти следы:

- Они шли на пик Кимта. Это было на прошлой неделе.

Дэвид тоже изучал следы. Он не мог сказать, куда те ведут.

- Откуда ты знаешь?

- Ты заметил, когда мы оставляем в следах грязь? Только, когда перед тем мы шли по голой земле. Они оставили грязь еще на склоне. И следы подтаяли, как минимум, неделю назад.

- И кто это был, как ты считаешь?

- Наверное, те хокваты, что разыскивали нас.

Дэвид поежился, потому что ветер стал сильнее. В воздухе чувствовался холод льда и снега. Даже необходимость спешить за Катсуком не согревала мальчика. Он удивлялся про себя, как терпит холод индеец, на котором только мокасины и набедренная повязка. Мокасины, тем более, давно потемнели от влаги. Набедренная повязка тоже промокла насквозь. Теннисные туфли Дэвида хлюпали на каждом шагу. От холода и сырости у мальчика онемели ноги.

Они дошли до следующей таблички: УБЕЖИЩЕ ТРЕХ ДИКИХ СЛИВ. Стрелка показывала направо, вниз по склону.

В этом месте Катсук сошел с парковой тропы. Он обнаружил оленьи следы, ведущие прямо вверх по склону. Дэвид держался из последних сил.

В просветах листвы можно было заметить, что небо очищается от туч. Дэвид молился про себя, чтобы они как можно скорее вышли на теплое солнце. Руки его замерзли и почти потеряли чувствительность. Он пробовал сунуть их поглубже в карманы курточки, но она тоже промокла.

Они подошли к каменному гребню. Катсук пошел вдоль него, направляясь прямо к вершине, вздымающейся выше облаков. Деревья по обеим сторонам дороги были низкорослые, корявые, согнутые ветром. На камнях повсюду пятна лишайников.

- Мы вышли к самой верхней границе распространения леса, -

сказал Катсук. - Вскоре мы уже начнем спускаться.

Ему приходилось перекрикивать шум реки, грохочущей в глубоком ущелье справа. Потом они вышли на лосиную тропу, идущую параллельно реке. Дэвид спускался за Катсуком, скользя, и стараясь, где только можно, не идти по снегу. Катсук же мерял тропу длинными, пружинистыми шагами. Дэвиду приходилось чуть ли не бежать, и тогда он перегонял индейца. Но тот придержал его.

- Очень опасно так сбегать по склону. Ты можешь свалиться прямо на камни.

Дэвид кивнул, а внутри похолодел от ужаса.

Они продолжали спускаться. Теперь их путь лежал вдоль берега реки, по гранитному уступу. Внизу грохочущая вода смешивалась с ледяным воздухом и молочным туманом. Катсук повернул налево, идя теперь вверх по течению. Довольно скоро деревья почти закончились. На камнях опять появились пятна лишайников. Их зеленая паутина покрывала и наносы снега. Река становилась уже, со дна торчали серые валуны. Река уже и шумела меньше. От тающего снега вода была серо-зеленой. Ширина реки была здесь не больше чем футов шесть. На поверхности подымались облачка пара.

Катсук подошел к давно разыскиваемому им месту - броду из камней. Вверх по течению можно было видеть стену ледника, откуда и брала начало речка. Катсук глядел на холодный, грязно-белый ледник. Лед... лед...

Мальчик стоял у него за спиной, нахохлившись, дрожа от холода. Катсук быстро глянул на Хоквата, затем поглядел вниз и направо, где река вонзалась в стену леса - далеко-далеко внизу. Солнце пробило завесу туч. Индеец увидел глубокую расщелину, заполненную речной водой: течение здесь устраивало завихрения и водовороты, прежде чем вернуться в основное русло. Он ощущал, как беспокойно бурлит в своих берегах река. Кто может отвернуть эту воду, изменить ее бег? Вода соединялась сама с собой; один конец соединялся с другим.

- Чего мы ждем? - спросил Дэвид.

Катсук не слушал его, размышляя: # Все здесь стекает от # этого места вниз. Здесь находится первоначало.

Духи реки пребывали здесь. Они не давали отдохнуть потоку воды, они же не давали передохнуть и ему, Катсуку. Каждый обязан спешить, пока не превратит свою энергию в какую-то иную форму. Все вокруг было движением, энергией и потоком - на целую вечность!

В этих своих мыслях Катсук обнаружил какое-то глубинное спокойствие и радость. Его разум уже готов был к скачку-превращению, он уже не спрашивал "зачем" а только "как".

Как?

##И духи сказали ему:

- Не останавливайся, один вид энергии переходит в другой!

- Пошли, - сказал Катсук. И он начал переправу, прыгая с одного валуна на другой.

Мальчик последовал за ним.

* * *

Шериф ПАЛЛАТТ:

Проклятье, мне известно, что ФБР считает, будто он скрылся в подполье, в каком-то городе. Все это чепуха! Этот долбанный, крученный индеец где-то здесь, на своих родных землях. Я уверен, что они перешли Хох. Я сам видел следы. Это могли быть

взрослый мужчина и мальчик. Да, у самой средней развилки. Как им удалось перейти реку, когда река так вздулась, не имею понятия. Может он и вправду лесной дьявол. Считаю, что если вы достаточно сумасшедши, то можете совершать невозможное.

* * *

Тень от темно-красных кленовых листьев падала в реку у самых ног Катука. Листья блестели будто отполированные. Индеец присел на размытом водой краю старой лосиной тропы и предался размышлениям.

Мальчик лежал неподалеку, животом вниз, на узенькой полоске травы у самой воды. Поросший травой клочок земли одним своим краем касался покрытой мхом скалы, вокруг которой заворачивала тропа. Мальчик жевал сочный стебель и снимал с травы красных муравьев, чтобы, оторвав им головы, тоже отправить в рот. Катука сказал, чтобы он попробовал ни о чем не думать.

Но, тем не менее, мысли были: # Как странно! А как он увидит, что я ни о чем не думаю?

Только Катука сразу же заметил его хитрую попытку подумать. Он уже обвинил мальчика в том, что тот думает в основном словами, и сказал, что в этом заключается ошибка всех хокватов.

Дэвид глянул на индейца. Тот, конечно же, сейчас задумался, сидя на корточках. Интересно, а сам Катука пользуется словами?

Большую часть дня они спускались в низины, перевалив горный гребень и перейдя реку. В кармане у Дэвида было семь камешков - семь дней, целая неделя. Ночь они провели в запущенном парковом приюте. Катука откопал спрятанные браконьерами одеяла и смазанные жиром жестянки с консервами. Он развел небольшой костер, они поели бобов и легли спать на еловых ветках, уложенных на золу.

Они уже прилично отошли от приюта. Дэвид глянул на солнце: от полудня прошло немного. Совсем немного. Мальчик и вправду уже не задумывался о времени.

Ведущая вниз тропа проходила вдоль речки. Она пересекала заросли колючих кустарников, саму речку, потом шла по сухим отмелям. На пути Катука с индейцем напугали лосиху, мирно глодавшую кору на осине. Шкура лосихи вся блестела.

Дэвид сконцентрировал все внимание на том, чтобы не думать. Он начал повторять про себя: "Дэвид". Ему хотелось сказать это громко, но знал, что это лишь распалит сумасшествие Катука.

Он подумал: # Я Дэвид, а не Хокват. Вообще-то я хокват, но # меня зовут Дэвид, а не Хокват.

Так эти мысли и катились в его сознании: # Дэвид-а-не-Хокват. Дэвид-а-не-Хокват...

Та лосиная тропа, по которой они спускались с горной гряды, дважды пересекала парковую дорогу. В одном месте на ней, в грязи хорошо сохранились отпечатки сапог. Катука обошел грязное место и перешел на звериную тропку, идущую через старую гарь. Пройдя пожарище, они пересекли еще одну речку, а потом Катука сказал, что больше человеческих троп им не встретится.

Катука все шел и шел, без каких-либо признаков усталости. даже теперь, когда он сидел у реки на корточках, в нем чувствовалась нервная, свежая энергия. Из тайника браконьеров он забрал несколько одеял, одно из них свернул и привязал к поясу, другое свободно свисало у него с плечей. Только когда они расположились вблизи реки, он снял их. Его темное, плоское ли-

цо было совершенно неподвижно. Одни только глаза блестели.

Дэвид думал: # Я Дэвид, а не Хокват.

Было ли это его второе имя, или то была лишь частичная идентификация: Дэвид, а не Хокват? Он напомнил себе, что мать называла его Дэви. Отец иногда называл его # Сын. ##Бабушка Моргенштерн всегда называла его Дэвидом. Все эти имена были лишними. Но как мог он быть Хокватом в собственном представлении?

О чем размышляет Катсук?

##Возможно ли было, что Катсук знает, как это - не думать?

Дэвид приподнялся на локтях, вытолкнул языком травяную жвачку и спросил:

- Катсук, о чем ты задумался?

Не отрывая глаз от реки, тот ответил:

- Я размышляю, каким образом сделать лук и стрелу, как делали это древние. Не нарушай моих мыслей.

- Как делали древние? Это как же?

- Лежи спокойно.

Дэвид почувствовал в голове Катсука нотку безумия и вернулся к угрюмому молчанию.

Катсук глядел на речку, на ее молочно-зеленые волны. В спутанных ветках он увидал какую-то тень.

По течению, крутясь в потоке, плыл пень с обрубленными корнями. Пень был очень старый, возле корней проглядывала темная красно-коричневая древесина. Он крутился медленно, короткие обрубки корней походили на торчащие руки. Когда они опадали, в воде, освещенной полуденным солнцем, появлялся обрубленный комель. Течение закручивало пень опять, и все повторялось с самого начала.

Вращаясь, пень издавал особый звук -# кланг-шламк-хаб-лаб.

Катсук прислушивался, дивясь про себя языку пня. Он чувствовал, что пень разговаривает с ним, но на языке, которого он сам не понимал. О чем мог он говорить? Срезанный край пня был серым от старости. Это был шрам, оставленный хокватами. Но, похоже, пень не собирался говорить о своих трудностях. Он поплыл дальше по реке, ворочаясь и разговаривая...

Индеец чувствовал присутствие мальчика с беспокоящей его силой. Позади находилось тело, готовое принять добро или зло, или же и то, и другое вместе. Доброзло. Вот только было ли такое слово?

Катсук ощущал, что между ним и мальчиком устанавливаются новые отношения. Почти дружеские. Может, причиной этого была Тсканай? Он не чувствовал ревности. Это Чарлз Хобухет мог испытывать ревность, но не Катсук. Тсканай отдала мальчику мгновение жизни. Он жил - теперь он должен умереть.

Испытывать чувство дружбы к жертве было правильно. Это подчиняет душу врага. Но эти новые связи были все же чем-то большим, чем дружба.

Каким образом у нас сложились эти новые отношения?

Понятно, что это ничего не могло изменить. Невинный должен попросить смерти и быть убитым.

Катсук чувствовал саднящую печаль в груди. Ничего уже нельзя было остановить. Начало было положено. Все исходило ото льда. Послание пчелы тоже было ледяным. И Вороново. Все должно закончиться со смертью Невинного.

Мальчик поднялся на ноги, прошелся вверх по берегу, потом присел возле громадного, величиной с колонну собора, сгнившего дерева. Там он начал выискивать личинок.

Катсук перестал следить за ним.

Пусть Хокват убегает... если, конечно же, Ворон позволит ему.

Тень от листвы черными пятнами лежала на воде. Поверхность реки была спокойной, но Катсук чувствовал дикую силу, дремлющую под ней. Он чувствовал, что и сам он направляется находящимся внутри него Похитителем Душ. Дух тоже был диким и могущественным, хотя и таился в теле человека.

Катсук взял одеяло, вытер глаза.

Дэвид бросил взгляд на своего стража. Почему Катсук такой изменчивый? Мечется меж дружбой и злобой. Вот только что рассказывал легенды своего народа, а в следующую секунду кричит, требуя тишины. И совсем другим Катсук был, когда играл на свирели в заброшенной шахте.

Какой-то миг мальчик испытывал странное счастье. Он глядел на реку, солнце согревало его. Он не думал о том, что нужно идти куда-то. Катсук наловит рыбы и они поедят. Или же Катсук найдет еще один браконьерский тайник, или сделает лук и стрелы и подстрелит дичь. Катсук уже говорил, что думает, как сделать лук и стрелу.

Глаза Дэвида резко открылись. Он не почувствовал, сколько времени прошло, но знал, что ненадолго уснул. Солнце передвинулось к горизонту.

На реке была длинная песчаная отмель. Здесь река делала излучину у небольшой рощицы тсуг. Издали тонкие, как спички, серебристо-серые стволы торчали из песка. Низко висящее над деревьями солнце окрасило их вершины желто-оранжевым цветом.

Этот солнечный свет и краски напомнили Дэвиду Кармел Волли и родной дом. Он удивлялся, что могло принести подобные воспоминания? И решил, что это волны теплого воздуха, танцующие над деревьями. Весь день был до омерзения холодным, когда они шли в лесной тени, а теперь нагретая солнцем земля дарила чувство расслабленности и уюта.

Когда они уже прошли высокогорье, природа стала не такой суровой. Вместо крутых горных склонов и узких каньонов перед ними открылась поросшая деревьями разлогая долина. Но, прежде чем вступить в нее, им пришлось пройти по длинному карнизу, поросшему елками, соснами и пиниями. Давние ураганы сплели деревья вместе, некоторые из них сломались и погибли, другие же согнулись и остались жить.

Катсук продолжал глядеть на реку.

Дэвид вздохнул, чувствуя, что есть все равно хочется. Он снова стал выискивать личинок - сочных и вкусных.

Ложа их в рот, он вдруг вспомнил мать, изящно берущую с тарелочки какой-нибудь шедевр кулинарии, принесенный служанкой. Мальчик представил, что сказала бы мать, если бы смогла увидеть его сейчас. Нет, она закатила бы истерику, если бы он только рассказал, что ел. Глаза бы у нее выкатились, она бы зарыдала, а потом хлопнулась в обморок. Дэвид не сомневался, что такое может случиться. Ведь Катсук сам пообещал: "Я не убью тебя, если ты сам не попросишь об этом".

Дэвид не слишком беспокоился. Еще будет время распорядиться воспоминаниями. Гораздо сильнее волновало другое. Все-му придет конец, и тогда он сможет рассказать о своем славном приключении. Он станет героем для всех своих приятелей - а как же, его похитил дикий индеец! Ну конечно же, Катсук был диким... и ненормальным. Но даже и у его ненормальностей были пределы.

Свет на вершинах деревьев стал похожим на цвет осенней травы, слегка тронутый рассветом. Дэвид лениво наблюдал за Катсуком, за гипнотичным течением реки. Ему пришло в голову, что, возможно, это счастливейшие дни в его жизни. Никто не стоял над душой. Ему было холодно, так, но потом он согревал-

ся; он голодал, потом ел... Скоро они снова будут кушать.

Крупный оранжево-коричневый слепень сел на запястье левой руки. Мальчик инстинктивно шлепнул его и стряхнул мертвое насекомое в траву.

Тихим голосом Катсук начал песню. Если сравнить ее с голосами реки и золотистыми лучами солнца - песня была необычная. Голос индейца становился то громче, то тише, в песне было много прищелкивающих и гортанных звуков.

Мысли Катука были заняты тем, что отчаянно выискивали знак. Он нуждался в знамении, которое провело бы его через это место. Покачиваясь взад и вперед он вел свою молитвенную песнь, направляя ее к Пчеле и Ворону, Квахоутце и Алкунтам. Внутри него заворочался Похититель Душ. Над водой подул ветер, резкие порывы которого всегда предвещают скорое наступление темноты. Катука ощущал преграду, какое-то противодействие своей молитве. Возможно это Хокват каким-то образом мешал ему. Катуку вспомнился сон Хоквата. В этом сне присутствовала огромная духовная сила. Мальчик мог иметь желание - любое желание. Но только когда он будет готов. В этом мальчишке ждал своего часа очень могущественный дух.

Ветер остудил левую щеку Катука.

Ледник питал эту речку, начиная от самого истока, охлажденный им же ветер мчался по речной долине к морю.

Каким-то внутренним знанием Катука понимал, что погоня за ними осталась далеко позади, за горными грядками Дикой Территории. Здесь никогда не летали никакие вертолеты, только высоко-высоко и бесшумно, над самыми вершинами мчались на восток большие реактивные лайнеры.

Подумав об этом, Катука продолжил свою песню-молитву.

Память о сне Хоквата снова стало беспокоить его, будто заноза в сознании. Ведь эта сила могла победить Похитителя Душ. Каким образом мальчишка смог привлечь в свой сон такого могущественного духа? Ведь он же хокват! Но его сон был сном-предупреждением, способным встревожить все окружающее. Да, и Хоквату пообещали исполнить его желание. А вдруг он пожелает такое, что после этого с ним невозможно будет справиться?

Какое-то движение в реке отвлекло Катука от его мыслей. Вниз по течению плыла длинная, гладкая, жемчужно-серая блестящая ветка. Могло показаться, что она плывет совершенно независимо от течения. И она явно направлялась к тому месту, где в тени красных кленовых деревьев на корточках сидел человек. Ветка пересекала тень на воде, как стрела, пробивающая цель. И тень тут же потянулась за веткой. Катука почувствовал, как мрак тени ощупывает этот кусок дерева.

Он прервал свою молитву и вздохнул глубоко-глубоко:

- Ааххххх!

Ветка поплыла через пятно тени, теперь уже совсем поперек течения. Она направлялась к нему! Один конец воткнулся в илистый берег прямо у ног Катука. Он нагнулся и с чувством благоговения поднял ветку из воды. В этом куске дерева он чувствовал скрытую силу.

Очень тщательно и осторожно осматривал он то, что принесла ему река. Дерево было гладеньким-гладеньким и слегка вибрировало под пальцами. Живое! С ветки капала вода. Один конец был обожжен, другой сломан. Дерево не находилось в воде долго и не замкнуло. Никаких деформаций, никакого скручивания по всей длине - почти с его собственный рост. В самом толстом месте ветка была с его сжатый кулак. Изгиб почти незаметный, может на ширину пальца.

Ах, какая она удобная и живая!

Катсук вонзил один конец ветви в землю, рука в центре, и попытался распрямить находку. Он чувствовал, как сопротивляется дерево, как трепещет от скрытой в нем силы. Это был материал для чудесного лука!

Чувство благоговения в нем стало еще сильнее. Катсук вынул нож Хоквата из ножен, чтобы испытать дерево на твердость. Но тут поле его зрения пересекла огромная пчела, за ней еще одна, еще...еще...

Индеец стоял растерянно, крепко сжав рукоять ножа. На лбу выступил холодный пот.

Аххх,он чуть было не испортил все!

И достаточно было всего одного прикосновения хокватской стали. Одно касание, и сила духа могла покинуть дерево. Его молитва принесла ему древко для божественного лука, а он сам чуть не совершил святотатство!

У индейца даже во рту пересохло, когда он понял, насколько был близок к кощунству. Он вложил нож в ножны, сорвал их с пояса и выбросил ненавистное орудие в реку. Лишь только, когда лезвие блеснуло в волнах, он почувствовал, как сошел с него холодный пот.

Как близок он был к тому, чтобы все напортить!

Он глянул туда, где сидел мальчик - глаза закрыты,дремает. В Хоквате пребывал могучий дух, но недостаточно сильный. Этот злой дух своей вкрадчивой лъстивостью чуть было не ввел в искушение Катсука совершить кощунственную вещь. И кто знает, к чему это могло привести? Могло случиться, что Хокват вышел бы победителем. Когда два существа: страж и его поднадзорный, связаны некоторым образом, еще неизвестно, кто мог бы перетянуть.

Катсук крепко сжал древко двумя руками и высоко поднял его над головой. Ах, какое оно чудесное! Он запел песню посвящения: этот лук он посвящает Пчеле, ведь это именно она послала ему его.

Во время пения молитвенного гимна в мыслях его прошло все то, что ему предстояло сделать. Надо найти обсидиан и сделать из него нож, с помощью которого он уже будет мастерить лук. Делать он его будет древним способом. Потом он сделает себе стрелу и привяжет к ней каменный наконечник, изготовленный его предками на океанском побережье в Озетте. И вот тогда соединятся времена давние и времена нынешние.

Катсук опустил ветку, расслабился.

Он чувствовал, как в нем поют его предки.

Вот как должен умереть Невинный!

Благоговейно держа в левой руке посланную божеством ветку, Катсук пошел туда, где, прислонившись к прогнившему стволу, дремал Хокват. Почувствовав над собой тень индейца, мальчик тут же пришел в себя, поглядел на своего пленителя, улыбнулся.

Эта улыбка расстрогала Катсука. Он тоже улыбнулся в ответ. Ха, дух из Хокватового сна был уже не страшен.

Мальчик зевнул, потом спросил:

- Что ты собираешься делать с этой палкой? Рыбу ловить?

- С этой? - Катсук поднял ветку. Его рука пульсировала в такт скрытой в находке силе. - Это послали мне мои духи. Из нее выйдет великая вещь.

* * *

Из СТАТЬИ в газете# "Пост-Интеллендженсер"##, Сиэтл:

Шериф Паллат сообщил нам, что сконцентрировал поисковые группы в относительно малоизученных частях Национального Парка, на, так называемой, Дикой Территории (см. карту справа) и дал им указания действовать самостоятельно. Он сказал: "Это вам не банальное похищение. Это преступление - месть всей белой расе озлобленного юноши в состоянии психического расстройства. Лично я убежден, что Хобухет отдает себе отчет в своих поступках и действует согласно своим планам. Он до сих пор сидит с этим мальчишкой в горах".

* * *

Катсук лежал животом вниз на берегу реки, глядя на ладонь опущенной в прозрачную, холодную воду руки. Посланное провидением древко будущего лука лежало рядом. Его ладонь осторожно продвигалась в воде к покрытому водорослями и мхом камню. Он чувствовал пульсацию крови в руке. Все сознание он переключил на окружающий мир.

Прямо напротив, на другом берегу реки он видел два серых ствола мертвых деревьев. Их тени пересекали реку - две длинные тени в низком, пополуденном солнце.

Шаркающие звуки за спиной подсказали, что идет мальчик. Катсук оглянулся. Хокват присел под высоким широколиственным кленом, перебирая свои камушки, по которым он считал дни. Камушков было восемь: восемь дней. С ветки над головой мальчика свисала борода грязно-зеленого, всклокоченного мха. Она болталась над русыми волосами мальчишки как шерсть на животе овцы. Мальчик жевал травянистый стебель.

Катсук отвернулся и еще раз сконцентрировался на руке в воде.

Река здесь была чистая и глубокая. На дне он мог видеть мелких рачков и моллюсков: неправильные черные пятнышки среди разноцветных камней. Уже несколько минут его внимание было приковано к большой рыбе, идущей против течения к заросшему водорослями топляку. Это был местный сиг -# кулл т#\$,# копэ.

Тихо-тихо, едва дыша, Катсук выговорил его имя, обращаясь с мольбой к духам воды и рыбы.

Хвост# кулл т##,# копэ ##шевелился, когда он обедал с водорослей мошек.

Катсук ощущал себя рекой и находился сейчас рядом с рыбиной. На его родном языке эту реку называли Гнилая Вода. Странное имя, думал он. На вкус вода была хорошей, чистой, с привкусом тающего снега.

От холодной воды рука от самого плеча занемела, но Катсук не шевелился, выжидая. Все свои мысли он направил на то, чтобы показать, что он друг этой рыбе. Так ловили в старину - еще в Первые Времена, даже память об этом мало в ком сохранилась. Он же научился так ловить рыбу еще мальчишкой у своего Дяди Окхутсэ.

Рыба осознала присутствие преграды из руки Катсука, осторожно обошла ее и ткнулась губами в водоросли. Очень медленно и осторожно Катсук стал поднимать руку, пока не подхватил рыбину под брюхо. Это движение доставило ему боль, но, чувствуя прохладную гладкость тела# кулл т#\$,# копэ, ##он сжимал медленно, мягко и осторожно...

Потом он растопырил пальцы и провел их ритмично вздымающимся жаберным крышкам.

Есть!

Сжимая пальцы и одновременно подымая руку, Катсук отки-

нулся назад, перебросил рыбину через себя и повернулся, чтобы увидеть, куда та упала.

Это был крупный сиг, длиной с руку Катсука. Она ударила мальчика прямо в грудь, и тот свалился на землю. Мальчик и рыбина слились в один перекатывающийся по берегу клубок - руки, ноги, дергающийся в воздухе хвост.

Одним прыжком Катсук оказался возле них. Он схватил сига, просунув большой палец одной руки под жабры, а второй перехватил рыбу возле головы.

Мальчик уселся на землю и восторженно закричал:

- Мы поймали ее!? Мы поймали ее!?

Катсук приподнял все еще сопротивляющуюся рыбину и одним ударом перебил ей хребет.

От восхищения у мальчика перехватило дыхание, потом он сказал:

- Ух ты, какая большая!

Катсук поднял одной рукой рыбу, второй помог Дэвиду подняться на ноги. Рыбья кровь брызнула мальчику на куртку.

Тот уставился на уже мертвого сига широко раскрытыми глазами. Его руки, ладони и весь перед куртки были испачканы рыбьей слизью, чешуей, песком, грязью и листьями, собранными чуть ли не со всего берега.

- Ну ты и недотепа! - сказал Катсук. - Иди, отмойся, пока я буду чистить рыбу.

- И мы сразу же будем кушать?

Катсук подумал, что хокваты сразу же думают о своем желудке, а не о духе, которого они только что убили.

- В свое время будем и кушать. А сейчас иди мыться.

- Хорошо.

Катсук отложил свое посланное духами древко. Поискав на берегу, он нашел большой сук с острым концом. Пройдя через заросли камышей, он вырвал у рыбы жабры, проколол брюхо, выбросил внутренности и про мыл рыбу в проточной воде. Прodeв через рыбину сук, он приготовил# кулл т##, # копэ, ##чтобы зажарить на углях.

Работая, катсук шептал молитву Рыбе, прося прощения за то, что сделал. Он слышал, как ниже по течению плещется мальчик.

- Хэй, а вода холоднющая! - крикнул мальчик.

- Так мойся быстрее.

Катсук поднял рыбину и посланное ему древко и пошел к нависшему над рекой карнизу. Мальчик перескакивал по камушкам, спеша за ним. Он дрожал от холода, на лице было странное выражение.

- О чем ты задумался? - спросил Катсук.

- Так ты хочешь сказать, что эта рыба ударила меня?

- Нет. просто я постарался сделать так, чтобы она не ушла. Мальчик улыбнулся.

- Неужели я выгляжу так смешно?

Катсук весело засмеялся, неприятные чувства куда-то ушли.

- Ты выглядел смешно! Я даже не мог сказать, кто из вас рыба, а кто мальчик!

Они вместе поднялись на уступ, где начиналась трава. Катсук положил рыбину на мох и рядом осторожно положил древко. Он подумал о том, как Хокват воспринял все происшедшее: серебристая молния взлетела в воздух и ударила его.

Какой шок для мальчишки!

Катсук захихикал.

Дэвид закрыл глаза, припоминая все. Катсук сказал, что ловит рыбу, но это выглядело так по-дурацки: он только ждал там...ждал... ждал... Ну кто мог при таком бездействии на-

деяться на улов?! Никакой удочки, лески, крючка, наживки - только рука в воде. А потом - хватать!

Теперь Катсук уже смеялся.

Дэвид открыл глаза. Теперь и его живот стал подрагивать от смеха. Он никак не мог справиться с ним. На тебе! Внезапно откуда-то прилетела холодная трепыхающаяся рыбища!

Через мгновение мальчик и его похититель, стоя друг против друга, хохотали, как сумасшедшие. Шум вспугнул стайку серых соек, лагерных воришек с черными коронами перьев. Они кружили над головами людей, а потом уселись на осинах, выше по берегу. Их скежущие крики были безумным фоном для сумасшедшего хохота.

Катсук даже удвоил свое веселье. В его мыслях опять и опять прокручивалась вся сцена: мальчишка, ноги, рыба, коричнево-зеленый берег реки, бешенное сплетение ног и рыбы. Это была самая смешная штука, которую Катсук мог вспомнить за всю свою жизнь.

Он слышал, как смеется мальчик, пытаюсь остановиться, но потом смеясь еще сильнее.

Дэвид задыхался: "Ну... пожалуйста! Я... не могу... перестать... смеяться".

Катсук попробовал вспомнить о чем-нибудь, что остановило бы смех. # Искатели! ##Он подумал о людях, идущих сейчас по их следу. Подумал об удивлении, которое могла бы вызвать у них вся эта сцена. Какой она была нелепой! Он смеялся все громче и громче. От смеха уже болела грудь. Он скорчился на берегу, потом свалился на спину, посылая взрывы хохота прямо в небо.

Мальчик, схватившись за живот, ползал рядом.

Мужчина и мальчишка лежали, заражая смехом друг друга, пока усталость не овладела ими. Они не осмеливались слова сказать, потому что это вызывало новый взрыв веселья.

Катсук вспомнил об игре в смех, в которую играл еще мальчиком, мальчиком по имени Чарлз Хобухет. Игра состояла в том, чтобы смешить друг друга. Тот, кому удавалось не засмеяться, выигрывал.

Смех спазмами вырывался из его горла.

Но мальчик уже лежал спокойно. Хокват выиграл в этой игре. Отсмеявшись, они еще долго лежали на теплой земле, пытаясь отдышаться.

Катсук заметил, что небо потемнело. Холодный ветер гнал тучи через реку. Индеец сел, глядя на тучи. Они висели над деревьями безо всякой опоры, таинственные серые башни с блистающей отсветом уходящего дня окантовкой.

Он хлопнул мальчика по плечу.

- Пошли. Нам надо развести костер и высохнуть.

Дэвид с трудом поднялся на ноги.

- И приготовить рыбу?

-Да, и приготовить рыбу.

* * *

Из ЗАПИСКИ, оставленной в приюте на Сэм Ривер:

Когда я сбит с толку, я прислушиваюсь к своему естеству, насколько это возможно. Так всегда поступают мои соплеменники. Когда мы встречаемся с чем-то неизвестным,мы молчим и ждем возможности понять его. Когда же белые узнают нечто загадочное для себя, они делают странные вещи.Они бегают без толку, стараясь создать как можно больше шума. Они еще больше сбивают себя с толку и даже не слышат себя.

* * *

Всю ночь, проведенную ими в укрытии, Катсук не спал, погрузившись в раздумья. Хокват, лежащий рядом, и ровно дышащий во сне, оставался волнующей загадкой. Хотя мальчик и спал, живущий в нем дух бодрствовал. Это было похоже на давние времена, когда хокваты впервые прибыли на земли его племени, и кое-кто говорил, что они, должно быть, потомки Морской Чайки, хозяйки дня и дневного света. Дед Хобухет часто рассказывал об этом. Хокваты бегали и кричали, как чайки, так что удивление индейцев можно было понять. Этот мальчишка тоже совсем еще недавно бегал и кричал. Но сейчас он уже мог хранить молчание довольно долгое время. В какие-то моменты можно было даже почувствовать, как крепнет в нем дух.

Этот дух рос и креп даже сейчас.

Катсук чувствовал, что дух разговаривает с мальчиком. Этот дух был здесь, в темноте, показывая того мужчину, которым никогда не станет мальчишка. Эта мысль взволновала индейца, ему даже стало страшно.

И вдруг находящийся в Хоквате дух заговорил с Катсуком:

- Вот видишь, Катсук, в этом теле есть хорошие глаза и хороший разум. Он видит кое-что такое, чего ты не замечаешь.

Катсук понимал, что следовало бы избить, наказать каким-то образом свои чувства за то, что они подчинились духу Хоквата. Но откровенность привела к тому, что он включился в этот безмолвный торг.

- Что-то случится из-за этого тела, - сказал дух.

Катсук держался изо всех сил, чтобы оставаться спокойным. Он колебался, даже нет, боялся. Если только он ответит духу, его собственная сила испарится. А тогда чужая сила могла бы его поднять и трясти сколько угодно. И тогда Катсук в теле Чарлза Хобухета дергался бы как камушек в погребушке.

- Это глупо, считать, будто ты можешь не замечать моего присутствия, - сказал дух.

Катсук крепко-накрепко стиснул зубы. Вот это соблазнитель! Он напомнил индейцу весь мир хокватов.

- Я возвращаю тебе твои собственные знания о мире, - предложил дух.

Катсук нахмурился.

- К тому же я дам тебе реальные знания того, что ты только думаешь, будто знаешь. Или ты считаешь, что в тебе уже нет местечка, чтобы вместить их? Что бы ты не сказал, "да" или "нет", есть ведь что-то, управляющее твоим сердцем. Рука этого мальчика и твой глаз всиретились. Он что-то сказал, а какая-то часть внутри тебя услышала... и без всяких компромиссов. Если твои глаза так же хороши, как и его, можешь сам прямо посмотреть его тело и увидеть в нем того человека, которым он стал бы. Он поделился с тобой этим знанием, но понял ли ты это?

Катсук отрицательно покачал головой в темноте, отчаянно держась своей связи с Похитителем Душ.

- Как все это началось? - спросил дух. - Что заставляет тебя верить, что ты можешь быть хозяином положения? Неужели ты не видишь в этом юноше чуда? Отвлекись от его внешнего вида и загляни вовнутрь. Сможешь ли ты быть достойнее его?

Катсук чувствовал, что обливается потом. Изнутри и снаружи его обжигал холод. Перед напором этого духа невозможно было устоять. Он заглядывал в самые глубины его сознания. Это одновременно и подавляло, и унижало. Этот дух буквально проби-

вал духовное естество индейца, его глубинную суть. Катсук ощущал вибрации ночи, чувствовал всю необычность и ужас этого мгновения разговора с духом. Тот захватил сетью громадную часть его вселенной, его мира, и содрогал ее своими замечаниями. Причем, духу даже было все равно, хочет ли Катсук внимать ему. Он только говорил и говорил. Дух не предлагал ему что-либо делать, только слушать. Его послание было словно выбитым в камне.

И после всех своих безумных слов дух сказал одну простую вещь:

- Если ты не отказался от своего решения, сделай все так, как мужчина поступает с женщиной.

Трясаясь от страха, Катсук не мог сомкнуть глаз в темноте.

Хокват повернулся, что-то пробормотал, потом сказал ясным голосом:

- Катсук?

- Я здесь, - ответил тот.

Но мальчик говорил это во сне.

* * *

Из СТАТЬИ Чарлза Хобухета для журнала "Философия 200":

Меня привлекает ошибочность западной философии. В английском языке нет никакого "языка тела". Одни слова, слова, слова, и никаких чувств. Нет плоти. Нет тела. Вы пытаетесь разделить жизнь и смерть. Вы пробуете оправдаться тем, что цивилизация, использующая обман, ложную веру, хитрость, делает так, что фальшивые ценности превалируют над плотью. Серьезность ваших нападок на счастье и страсть оскорбляют во мне человека. Они оскорбляют мою плоть. вы всегда бежите своего тела. Вы прячетесь в словах отчаянного самооправдания. Вы пользуетесь самой изощренной риторикой, чтобы оправдать образ жизни, несвойственный человеку вообще. Это образ жизни, так, но не сама жизнь! Вы говорите, что верить глупо, и сами же верите в это. Вы говорите, что любовь бесполезна, но сами же ищете ее. А находя любовь, вы ей не доверяете. Высшую вербальную ценность вы видите в чем-то, что сами называете безопасностью. Это выгораживает уголок, в котором вы ползаете, совершенно не понимая того, что держаться за мертвечину - это совсем не то, что "жить".

* * *

- Приблизительно тридцать тысяч лет назад, - сказал Катсук, - лава была вытолкнута сюда, в дыру, расположенную где-то в середине склона.

Он указал большим пальцем через плечо.

- Лава застыла громадными глыбами, которые вы, глупые Хокваты, называете индейскими слезами. Дэвид глянул вверх, в сторону гор, которые сияли в утреннем солнце, стоящем над рощей теуг. Горы стояли, будто каменная колоннада. Над ними плыли тучи. На южной стороне горного склона был след морены. Река текла у самого подножия горы, но ее шум заглушался ветром, безумствующим и деревьях.

- А сколько сейчас времени? - спросил Дэвид.

- Хокватского времени?

- Да.

Катсук оглянулся на солнце.

- Около десяти утра, а что?

- Ты знаешь, чем я занимался дома в это время?

Катсук глянул на Хоквата, чувствуя, что мальчишке хочется выговориться. А почему бы и нет? Если Хокват сейчас станет говорить, его дух будет хранить молчание. Катсук кивнул и спросил:

- Так чем бы ты занимался?

- Я бы учился играть в теннис.

- теннис? - Катсук покачал головой.

Индеец сидел сейчас на корточках у склона. В левой руке он держал длинный обломок коричнево-черного обсидиана, упираясь этой рукой в бедро, он ударил по обсидиану кремнем. Звук удара зазвенел в чистом, свежем воздухе. При этом возник запах паленого, который Дэвид сразу же унюхал.

- Значит, теннис, - повторил Катсук. Он попробовал представить мальчика взрослым мужчиной - избалованным и богатым пустоголовым типом из армии плебоев. Потерявший невинность. В черно-белой униформе для вечерних приемов. С черным галстуком-бабочкой. Модно подстриженный завсегдатай ночных клубов.

Но была возможность не дать ему возмужать.

- А потом я шел плавать в нашем бассейне, - сказал Дэвид.

- А ты не хочешь поплавать тут, в реке?

- Слишком холодно. У нас вода в бассейне подогревается.

Катсук вздохнул и вернулся к своему делу. Обсидиан уже начал принимать нужную форму. Скоро он станет ножом.

Еще через какое-то время Дэвид попробовал проникнуть в тайну настроения своего похитителя. Они и так долго молчали, когда пробирались сюда, к горному склону. Это заняло целый день. В кармане у Дэвида было десять камешков - десять дней. Те несколько предложений, которые сказал Катсук за все время, становились все более мрачными, короткими и отрывистыми. Катсук был поглощен новыми мыслями. Неужели его дух потерял силу?

Дэвид уже и не думал о побеге. Но если сила Катука уменьшилась...

От обсидианового обломка откололся большой кусок. Катсук поднял его, повертел в руках, осмотрел.

- Что ты делаешь? - спросил Дэвид.

- Нож.

- Но ведь ты забрал... мой нож.

Дэвид поглядел на пояс Катука. Расселовского ножа там не было во время всего перехода через горы, но мальчик подумал, что нож может лежать у индейца в сумке.

- Мне нужен особенный нож, - ответил Катсук.

- Зачем?

- Чтобы сделать для себя лук.

Дэвид кивнул, потом снова спросил:

- Ты уже бывал здесь раньше?

- Много раз.

- Ты делал здесь ножи?

- Нет. Я приводил сюда хокватов, чтобы те искали красивые камешки.

- Они делали здесь каменные ножи?

- Может и так.

- А откуда ты знаешь, из какого камня можно делать нож?

- Мой народ тысячами делал ножи из здешних камней. Обычно они приходили сюда раз в год. Так бывало до того, как хокваты принесли с собой сталь. Вы называете эти камни обсидианом. Мы называем их "Черным огнем" -# клалепиах.

Дэвид молчал. Но где же был его нож марки "Рассел"? Катсук отдаст его или нет?

За ночь в силки, поставленные Катсуком, попался кролик и

две небольшие куропатки. Индеец снял с кролика шкуру с помощью остроконечного коричнево-черного камня, а потом приготовил в земляной яме, на костре, куда он бросал куски горной смолы. Смола давала жаркое, почти без дыма, пламя.

Дэвид обглодал кроличью лапку и стал жевать мясо, наблюдая за тем, что делает Катсук. У серого кремневого рубила в правой руке Катсука был узкий край. Им индеец резко и уверенно ударил по куску обсидианового стекла. Полетели искры. В воздухе сильно запахло серой.

Призвав на помощь всю свою храбрость, Дэвид спросил:

- А где мой нож?

Катсук подумал: # Умный, хитрый хокват! ##А вслух сказал:

- Лук я должен делать так, как делали его в старину.

Сталь не должна касаться его древка.

- Так где же мой нож?

- Я выкинул его в реку.

Дэвид отбросил в сторону кроличью лапку, вскочил на ноги.

- Но ведь это же мой нож!

- Успокойся, - сказал Катсук.

- Это папа дал мне этот нож! - сказал Дэвид сдавленным от ярости голосом. По щекам побежали слезы злости.

Катсук глядел на мальчика, оценивая меру его страсти.

- Разве отец не купит тебе другой нож?

- Этот он подарил мне на день рождения! - Дэвид вытер слезы. - Зачем ты выбросил его?

Катсук глядел на кремь и кусок обсидиана в руках.

Подарок на день рождения. Сыну от отца: подарок от мужчины мужчине.

Катсук чувствовал внутреннюю пустоту от того, что он никогда не сможет сделать своему сыну мужской подарок. Обсидианный осколок оттягивал руку. Он знал, что сейчас жалеет самого себя, и это бесило больше всего.

Зачем кого-либо жалеть? Никакой отсрочки!

- Чтoб ты сдох! - взбесился Дэвид. - Чтoб ты сдох от кедровой немочи!

Катсук встрепнулся. Так вот где была зарыта собака! Невинный нашел себе духа, который выполняет его требования. Только вот где Хокват нашел себе такого духа? Тсканай передала? Если так, где она сама нашла его?

- Пчела предупредила меня, чтобы я выкинул нож.

- Дурная пчела!

У Катсука даже челюсть отвисла от таких слов.

- Ты поосторожней говори о Пчеле. Она может сделать так, что ты и до вечера не доживешь!

Просматривающееся в словах Катсука безумие несколько остудило гнев мальчика. Теперь им овладело чувство потери. Нож пропал. Этот сумасшедший выбросил его в реку. Дэвид попытался вздохнуть поглубже, но в груди отдавало болью. Ножа уже не найти. Внезапно он вспомнил про убитого туриста. Этот нож убил человека. Может, потому его Катсук и выбросил?

Катсук снова принялся бить кремнем по обсидиану.

- А ты уверен, что не спрятал нож в свою сумку?

Индеец отложил кремь и обсидиан, открыл сумку и показал ее содержимое мальчику.

Дэвид указал пальцем:

- А в этом сверточке что?

- Там твоего ножа нет. И вообще, можешь сам посмотреть.

- Вижу, - все еще злым тоном. - А что в свертке?

Катсук закрыл сумку и снова принялся за обсидиан.

- Там пух морской утки.

- Пух?
- Ну, такие мягкие перышки.
- Это я понял. Зачем ты таскаешь с собой этот дурацкий

пух?

Катсук отметил, сколько злости было во взгляде мальчика, и подумал: # Пух я приколю к твоему телу, когда убью тебя. ##А вслух сказал:

- Это для моих колдовских снадобий.
- А зачем это твой дух приказал тебе выкинуть мой нож?
- # Он уже научился задавать вопросы правильно, - ##подумал

Катсук.

- Так зачем? - настаивал мальчик.
- Чтобы спасти меня, - прошептал индеец.
- Что?
- Чтобы спасти меня!
- Ты же говорил Кэлли, будто тебя уже ничто не спасет.
- Кэлли не знает меня.
- Она твоя тетка.
- Нет. Ее племянника зовут Чарлз Хобухет, а я - Катсук.

Мужчина думал про себя: # Почему это я оправдываюсь перед # своей жертвой? Что такого он делает, что мне приходится защи- # щаться? Может, это из-за выброшенного мною ножа? Для него это # была связь с отцом; отцом, который был у него до того, как он # стал Хокватом. Да, это так. Я выкинул прочь его прошлое. То же # самое пьяные лесорубы сделали с Яниктахт... и со мной.

- Могу поспорить, ты никогда еще не был в бассейне с по- догреваемой водой, - заявил Дэвид.

Катсук улыбнулся. Гнев Хоквата молниями бил в разные сто- роны. Сейчас мальчишка метался, будто зверь в капкане. # Заня- # тия теннисом, плавательный бассейн. ##Хокват вел спокойную жизнь, жизнь предохраняемой невинности, как жил его народ. Несмотря на попытку Тсканай, он оставался в хрупкой переход- ной позиции: наполовину мужчина - наполовину ребенок. Невинный!

Сейчас Дэвида охватила печаль. Горло пересохло. Грудь бо- лела. Он чувствовал себя усталым и ужасно одиноким. Ну зачем этот придурочный Катсук делает каменный нож? Зачем он ему # по-правде? ##Или он снова врет?

Дэвид вспомнил то, что читал об ацтеках, о том, как они убивали свои освященные жертвы каменными ножами. Ацтеки ведь тоже были индейцами. И тут же он отрицательно покачал головой. Ведь Катсук сам обещал: "# Пока ты не попросишь меня сам, я те- # бя не убью". ##Повидимому, каменный нож был нужен ему для дру- гих целей. Наверное, чтобы делать этот свой дурацкий лук.

- Ты уже не сердишься на меня? - спросил Катсук.

- Нет. - Все равно, физиономия надутая.

- Это хорошо. В гневe ничему не научишься, потому что гнев блокирует твоё сознание. А тебе есть чему научиться.

В гневe ничему не научишься! - ##думал Дэвид. Он взобрался на склон рядом с Катсуком, прошел немного по краю обрыва и уселся спиной к стволу тсуги. На земле вокруг него валялись куски обсидиана. Мальчик набрал целую пригоршню и стал бро- сать их в деревья, растущие у подножия склона.

Попадая в ствол дерева, обломки издавали щелкающий звук. Падая в подлесок, в колючий кустарник, они шелестели. Это бы- ло интересное дополнение к звукам, издаваемым при работе Кату- ка. Дэвид чувствовал, как с камнями улетает и злость. Все глубже и глубже мальчик погружался в свои мысли.

- Если ты хочешь бросить в меня камень, - сказал Катсук, - брось. Не надо насиловать свои чувства.

Дэвид вскочил на ноги, злость снова вспыхнула в нем. Он

поднял кусок обсидиана размером с перепелиное яйцо, с острыми краями, потом стиснул зубы и изо всех сил бросил камень в Катсука. Камень, описав дугу, попал индейцу в скулу, оставив красную полосу, откуда сразу же потекла кровь.

Перепуганный тем, что он наделал, Дэвид отступил назад. Каждый его мускул был готов к немедленному бегству.

Катсук приложил к ране палец, поглядел на кровь. Любопытно, рана совсем не болела. Что это могло значить? Да, было неприятное ощущение удара, но не боли. Ах, да, Пчела блокировала его болевую чувствительность. Пчела защитила его своим колдовством, чтобы удары не действовали на него. Это было посланием Пчелы, ее даром. Дух, сидящий в Невинном, не мог победить!

"# Это я, Таманавис, говорю тебе..."

- ##Катсук! Катсук, прости меня!

Мужчина поглядел на мальчика. Хокват уже был готов бежать, сломя голову, глаза его расширились и горели от страха. Катсук кивнул и сказал:

- Теперь ты, хоть и в неполной мере, знаешь, что я чувствовал, когда забирал тебя из хокватского лагеря. Это какая же ненависть должна быть, чтобы убить невинного ради нее. Ты хотя бы думал об этом?

Убить невинного! - ##думал Дэвид. А сам сказал:

- Но ведь ты же обещал...

- И я сдержу свое обещание. Так поступает мой народ. Мы не говорим о хокватской лжи. Ты хоть знаешь, как это бывает?

- Что?

- Когда мы добывали китов, кит сам требовал гарпуна. Кит сам просил, чтобы его убили.

- Но я никогда...

- Тогда ты в безопасности.

И Катсук вернулся к своим камням.

Дэвид подошел к нему на пару шагов поближе.

- Тебе не больно?

- Пчела сделала так, что мне не больно. А теперь успокойся. мне нужно сосредоточиться на деле.

- Но ведь идет кровь.

- Она остановится.

- Почему ты не приложишь что-нибудь?

- Это маленькая ранка. Твой рот - это большая рана. Успокойся, или я заткну ее чем-нибудь.

Дэвид принял его слова за чистую монету и испуганно вытер рот тыльной стороной ладони. Ему трудно было не глядеть на темный шрам на скуле Катсука. Кровь перестала идти, но теперь рану покрыла корка, края вспухли.

Почему ему не больно?

Дэвида напугало именно то, что рана не болит. А ему хотелось, чтобы она болела. Ведь порезы, ушибы всегда болят. Только у Катсука оказались покровительствующие ему духи. Может, они и вправду сделали так, что он не чувствует боли?

Теперь Дэвид обратил свое внимание на обсидиановый нож, уже обретший свою форму в руках Катсука. Лезвие, длиною дюйма четыре, с острым краем, было направлено к груди индейца. Быстрыми, почти незаметными ударами Катсук отбивал тонкие пластинки обсидиана. Нож не был настолько длинным и тонким, чтобы проколоть что-нибудь. Режущий край был весь в зазубринах. Но им можно было перерезать артерию. Мальчик опять вспомнил о путешественнике, которого убил Катсук. Ведь он-то не просил, чтобы его убили, но, тем не менее, Катсук его зарезал.

У Дэвида вдруг пересохло во рту. Он сказал:

- А этот парень... ну, ты знаешь, на тропе... парень, которого ты... ну, он же не просил тебя...

- Вы, хокваты, считаете, что говорить можно только ртом, - ответил Катсук, даже не отрываясь от своей работы.

- Почему бы тебе не научиться языку тела? Когда Ворон сделал тебя, неужели он забрал у тебя эту возможность?

- Какой еще язык тела?

Это именно то, что ты делаешь. Подумай о том сможешь ли ты верно описать словами то, что действительно хочешь.

- А зачем эти глупости про Ворона?

- Бог создал нас, так?

- Да!

- Все зависит от того, о каком боге ты думаешь.

- И все равно я не верю в язык тела.

- Ты не веришь, что это Ворон привязал тебя ко мне?

Дэвид не мог ответить. Ворон# делал ##то, что хотел Катсук. Птицы направлялись туда, куда им указывал Катсук. Ведь даже только знать о том, куда направляются птицы - это же какая сила!

- Сейчас ты спокоен, - продолжил индеец. - Разве Ворон забрал у тебя язык? Но он может так сделать. Весь ваш глупый хокватский мир еще не готов бороться с Вороном.

- Ты всегда говоришь "глупый, глупые", когда упоминаешь о моем народе. Разве в нашем мире нет ничего хорошего?

- У нас? В нашем мире? - спросил Катсук. - Это твой мир.

- Но разве в нем нет ничего хорошего?

- Я вижу в нем одну только смерть. В нем все умирает.

- Ну, а как насчет наших врачей? Наши врачи лучше ваших.

- Ваши врачи накрепко повязаны с болезнями и смертью. Они не столько лечат, сколько умножают болезни и смерть. Приводят все в точное равновесие. Это называется транзакционные отношения. Но они настолько слепы, что не видят, как они связаны с тем, что делают.

- Транзакционные... отношения. Что это такое?

- Транзакция - это когда ты торгуешь, обмениваешь одну вещь на другую. Когда ты покупаешь что-нибудь, это и есть транзакт.

- Это только умное слово, которое ничего не значит.

- Это слова твоего мира, Хокват.

- Но ведь они ничего не значат.

- Они означают, что твои доктора не знают, что они делают, но продолжают этим заниматься. Они повышают уровень заболеваемости, чтобы оправдать свое существование. Полиция делает то же самое с преступностью. Юристы держатся за всеобщее незнание законов. Все это язык тела Хокват. Не важно, что они говорят о своих намерениях, неважно, как тяжело они работают, чтобы преодолеть недостатки - все они думают лишь о том, чтобы их считали занятыми и нужными и оправдывали их существование.

- Это безумие!

- Да, это безумие, но это реальность. Вот что ты видишь, когда понимаешь язык тела.

- Но в моем мире есть много и хорошего. Люди уже не голодают.

- Голодают, Хокват. В Азии...

- Я имею в виду, в этой стране.

- А разве в других странах не# люди##?

- Правильно, только...

- И даже в этой стране - в горах на Востоке, на Юге, в больших городах люди голодают. Каждый год люди умирают от голода. Пожилые и молодые. И мои соплеменники тоже умирают, по-

тому что пытаются жить, как хокваты. И в мире становится все голоднее и голоднее...

- А что ты скажешь про наши дома. Мы строим дома даже лучше тех, что ты видел.

- И одновременно вы убиваете землю, тыкая в нее свои дома. Вы строите там, где домов не должно быть. Вы живете не # вместе ##с землей, а#! # против ##нее.

- У нас есть автомобили.

- И ваши автомобили вас же и душат.

Девид выискивал в своих мыслях хоть что-нибудь, против чего бы Катсук не мог возразить. Музыка? Он только презрительно усмехнулся, как это делают взрослые. Образование? Катсук сказал, что оно не готовит к жизни среди природы. Наука? Индеец сказал, что та убивает весь мир своими большими машинами и бомбами.

- Катсук, а что ты сам понимаешь под языком тела?

- То, что говорят твои действия. Вот ты говоришь своим ртом: "Слишком паршиво". Потом ты смеешься. Это значит, что по-настоящему ты радуешься, в то время как говоришь, что грустишь. Ты говоришь: "Я люблю тебя", а потом делаешь так, что причиняешь этому человеку много боли и страданий. Язык тела - то, что ты# делаешь##. Если ты говоришь: "Я не хочу, чтобы это случилось", а сам делаешь все, чтобы это произошло - чему мы должны верить? Словам или телу?

Девид задумался о словах. Он думал о церквях и проповедях, обо всех словах про "вечную жизнь". Были ли эти слова истинными, или же тела проповедников говорили о чем-то другом?

- Катсук, а твои соплеменники понимают язык тела?

- Некоторые. Старики понимают. Об этом мне говорит наш язык.

- Как это?

- Мы говорим "есть", когда едим, "срать", когда срем, "трахаться", когда трахаемся. И слова, и тело согласны.

- Это нехорошие слова.

- Это невинные слова, Хокват. Невинные!

* * *

Из ЗАПИСКИ, оставленной Катсуком в заброшенном приюте на Сэм Ривер:

Мое тело - это наиполнейшее выражение меня самого.

* * *

Катсук отложил кремневое зубило и осмотрел свой обсидиановый нож. Он был готов. Ему нравилось, как сглаженный конец лежит в ладони. Это заставляло его чувствовать себя ближе к земле, как бы частью окружающего.

Солнце висело прямо над головой, его лучи падали индейцу на плечи. Он слышал, как Хокват ломает ветки где-то у него за спиной.

Катсук положил посланное пчелой древко на камни, еще раз тщательно осмотрел его. В нем не было ни малейшего изъяна. Каждый слой лежал ровно и ясно. Он взял гладкую рукоятку своего ножа в правую руку и начал строгать дерево. Отлетела длинная закрученная стружка. Сначала он работал медленно, потом все быстрее, шепча про себя:

- Немножко здесь. А здесь побольше снимем. Тут еще... Ах,

какой чудесный...

Подошел Дэвид и присел рядом. Потом спросил:

- А можно, я помогу?

Катсук поколебался, думая о назначении этого лука - послать священную стрелу в сердце мальчика, сидящего рядом. Или Хокват сейчас просит, чтобы его убили? Нет. НО это был знак того, что Ловец Душ тоже работает, готовя мальчика к последнему мгновению.

- Можешь помочь, - ответил индеец. Он передал нож и посланное духами древко мальчику, показал утолщение, которое следовало сравнять.

- Снимешь вот здесь. Работай не спеша, снимай понемножку за раз.

Дэвид положил ветку на колени, как делал это Катсук.

- Вот тут?

- Да.

Дэвид уперся ногами в дерево, нажал на нож. Из-под лезвия вышла стружка. Другая. Он работал энергично, сравнивая утолщение. По лбу лился пот, заливая глаза. Длинные стружки летели во все стороны, покрывая мальчику колени.

- Больше не надо, - сказал Катсук. - Это место сделано.

Он забрал древко и нож назад, еще раз внимательно осмотрел древко.

- Вот здесь снять... и еще... тут все в порядке... теперь здесь...

Дэвид даже устал, следя за тем, как летят стружки от будущего лука. Очень скоро то место, где сидел Катсук было все усыпано щепками и стружкой. Свет, отражающийся от свежевыструганного дерева, отражался пятнышком на коже индейца.

Над ними высилась огромная скала, казалось, переходящая в клубящиеся, далекие облака. Дэвид стоял, осматривая склон, вкрапления вулканического стекла в гранитные глыбы. Потом он обернулся, поглядел на лес - отсюда темный и мрачный: в основном старые ели, тсуги и, когда-никогда, кедр. Среди деревьев виляла звериная тропа, исчезая в буйных зарослях колючего кустарника и дикой черники.

Голос Катсука, когда он разговаривал сам с собой, действовал почти гипнотически.

- Прелестное дерево... лук, совсем как древний, как из давних времен...

Давние времена! - ##думал Дэвид. -# Катсук явно живет в каком-то странном сне.

Дэвид поднял обсидиановый скол, бросил в сторону деревьев.

Если пойти вниз по течению реки, - ##думал он, -# можно добраться до людей.

Камень произвел приличный грохот, на который Катсук совершенно не обратил внимания.

Дэвид бросил еще один камень, потом еще и еще. Он спускался вниз по склону, к тропе, поднимая и бросая камни - мальчик играет.

Он выкинул мой нож! И он убил человека.

Дэвид остановился, чтобы куском обсидиана вырезать на коре дерева полосу, и глянул мельком на Катсука. Бормочущий голос совершенно не менял тона. Индеец все так же не обращал внимания на шатающегося туда-сюда пленника.

Он считает, что его чертов Ворон следит за мной.

Дэвид внимательно осмотрел все небо, от птиц ни слуху, ни духу. Он осмелился пройти по тропе футов пятьдесят, отталкивая ветки и выискивая созревшие ягоды. Сквозь просветы в деревьях мальчик еще мог видеть Катсука. Звук обсидианового но-

жа, обтесывающего древко лука, оставался таким же ясным и чистым. Деревья очень мало затушевывали его. можно было даже понять, что Катсук бубнит себе под нос:

- Ах, прелестный лук... Лук - красавец для моего послания...

- Сумасшедший индеец, - прошептал Дэвид.

А Катсук все так же продолжал напевать и бубнить себе под нос, поглощенный делом.

Дэвид сломал по пути ветку и стал обдумывать свое положение. Воронов нет. Катсук поглощен своим луком. Вот тропа, она идет куда надо. Но вот если Катсук снова схватит его, пытающегося сбежать еще раз... Дрожа всем телом, Дэвид решил, что не ...станет еще сбегать взаправду. Он только обследует эту тропку, интересно же, а куда это она ведет.

И вот так, осматриваясь и оглядываясь, он углубился в лес. его внимание привлекла перелетающая с места на место стайка дятлов. Он слышал звон слепней. Пыльные солнечные лучи падали на бурую лесную подстилку, приобретая в листве зеленоватый оттенок. Дэвиду это казалось добрым знаком. Он до сих пор еще злился на Катука. Злость и гнев могли пересилить заклятия духов.

Дэвид уходил по тропе все дальше и дальше. Он перебрался через пару поваленных деревьев, пробрался по низкому тоннелю ветвей, с которых свисали бороды мха. У подножия пологого холма тропа разделялась. Одна дорожка вела прямо вниз, вторая отклонялась влево. Мальчик выбрал путь вниз, по долгому склону, по которому когда-то прошел камнепад или лавина. Дэвид внимательно осматривал открытую местность. На склоне уцелел единственный кедр, защищенный гранитным выступом. часть дерева была полностью счесана. Ниже по склону валялись ветки и куски дерева.

Оленьи следы вели прямо через место недавней катастрофы.

Дэвид стоял на мшистой, кое-где заросшей папоротниками лесной подстилке, просматривая открытое пространство. несколько раз он бросал взгляды на приведшую его сюда тропу, выматривая какие-нибудь признаки погони.

Но Катука нигде не было видно.

Мальчик вслушивался в окружающее, но никак не мог услышать скрипа каменного ножа по дереву. Здесь только ветер шумел в листве деревьев.

Вся каменная лавина пошла в небольшую, слегка закругленную долину, оставив после себя поломанные деревья и перепаханную землю, засыпанную и небольшой ручей. Правда, поток уже пробил себе узенькую дорожку по склону, вода бежала по вздыбленной земле.

Дэвид совсем уж было решил идти к ручейку, как вдруг из зарослей выскочил молоденький олень.

Какое-то время Дэвид не мог сойти с места, трясаясь от страха. Олень же перемахнул через кустарники. Даже дойдя до ручья и погрузив лицо в прохладную воду, мальчик еще дрожал.

Он подумал: Ну вот я и сбежал.

* * *

Шериф ПАЛЛАТТ:

Вся эта куча дерьма вокруг, что мы, что ФБР, собирается заработать что-нибудь на этом деле. Я же сам только хочу спасти того пацана, а если смогу - то индейца тоже. Мне уже осточертело играть в шерифа! Мой шеф - депутат Дэн Гомпер, пред-

ложил мне собрать свою команду, чтобы искать этих двоих. Если этим могут заниматься другие, то куча опытных мужиков, знающих эти леса, смогут заниматься этим лучше. В своем лагере мы не станем разводить костры, так что индеец не увидит дыма и не сможет узнать, что мы идем по следу. похоже, что работка будет та еще, но мы ее сделаем!

* * *

Катсук глядел на законченный лук. Это был чудный лук, на который оставалось натянуть тетиву из моржовых кишок, лежащую у него в сумке. Пропилы на древке он уже сделал.

У него болела грудь и ломило спину оттого, что он долго сидел согнувшись, не меняя позы. Он закашлялся? Почему это стало холодно? Он поглядел на небо. Солнце стояло низко над верхушками деревьев.

Катсук поднялся на ноги и только сейчас подумал о пленнике.

- Хокват! - позвал он.

Ему ответила тишина леса.

Катсук кивнул головой.

Хокват думает о побеге.

##Индеец опять поглядел в небо. Ворона нигде не видно.

Он думал:# Ворон каждого приглашает идти с ним и стать его # гостем, но на следующий день Ворон выступает против своего же # гостя и хочет его убить. Так что гости разлетелись по лесу.

Сейчас я сам Ворон. У меня есть лук. Теперь мне нужна стрела.

И вновь Катсук закашлялся. Спазмы вызвали острую боль в груди.

Уже было ясно, куда ушел Хокват. Даже отсюда, со склона, Катсук видел полосу, вырезанную мальчишкой на дереве у звериной тропы.

Новое испытание? - удивлялся Катсук. - Зачем мои духи испытывают меня теперь, когда лук изготовлен? Почему бы им не подождать стрелы?

Он вынул из своей сумки тетиву из моржовых кишок, надел на лук, попытался согнуть его. Его дед подумал о том, чтобы научить внука делать такой лук и пользоваться им. Сейчас Катсук чувствовал, будто дед стоит рядом, когда сам он натягивает лук.

Это был исключительный лук, воистину божий.

Катсук опустил свое оружие, взгляделся в лес. По шее и груди катился пот. Внезапно он почувствовал себя слабым-слабым. Неужели Хокват наслал на него заклятие?

Он оглянулся на заснеженные вершины. Всю долгую ночь он размышлял: где-то здесь таится Смерть и зовет его с помощью трещотки Ловца Душ. Да, точно, это было заклятие.

Еще раз Катсук осмотрел лес, в котором скрылся Хокват. Тропа манила его. Он мысленно измерил ее длину: по теням деревьев, по пятнам мха. Он ощущал то, как он будет чувствовать ее под ногами: лесная подстилка, корни, камни, болотная грязь.

Мокасины Яниктахт уже сильно протерлись. Сквозь них он мог чувствовать даже сырую землю.

Деревья - Хокват ушел этим путем, пытаясь сбежать.

Катсук громко-громко заявил тропе:

- Это я, Катсук! Тот, кто захоронил Кушталюте, язык сухопутной выдры. Мое тело нельзя расчленить. Ветви величественных деревьев не склонятся над моей могилой. Я снова возрожусь в доме моего народа. И там будет много прекрасной еды...

Внезапно вырвавшийся из сознания чудовищный водоворот мыслей заставил его замолчать. Он знал, что следует идти за

Хокватом. Ему надо спешить по этой тропе, но его охватило оцепенение. Это было заклятье.

Теперь его мысли заполнил образ Тсканай.

Так это не Хокват наслал на него это заклятье, а Тсканай!

Теперь Катсук понимал это. Он чувствовал, как она следит за ним. Она уже глядела на него так, как на чужого. А в этот миг она стояла среди благоухания сжигаемых кедровых иголок и читала нараспев древнее проклятье. Вокруг нее торчали вечно-зеленые растения - иллюзия бессмертия.

- Ворон, помоги мне, - прошептал индеец. - Сними с меня эту немочь. - Потом он поглядел на ноги, на коричневого цвета кожу мокасинов, которые сделала для него Яниктахт. - Яниктахт, сестра, помоги мне.

Образ Тсканай удалился.

Он подумал: # Так может, и заклятье тоже снято?

Где-то уже в другом месте, своим внутренним ухом и глазом, он видел и слышал, как пенящаяся речка говорит на своем примитивном языке. Он видел сломанные ветром, мертвые деревья, сражавшиеся с вечностью. И вот среди мертвых он увидел одно живое деревце, раненое, с ободраной корой, но гордо стоящее - кедр, стройный и высокий, ровный, как древко стрелы.

- Кедр простил меня, - прошептал Катсук.

И он ступил на тропу, по которой перед тем прошел Хокват, и остановился лишь тогда, когда увидел дерево, одиноко стоящее посреди перепавшей лавиной земли - все как в его видении!

Кедр для моей стрелы, - ##думал индеец. -# Дерево само свя-
щенное, и уже освященное.

Над лесом раздался балаган вороньих криков. Птицы пролетели над пустой искалеченной землей и расселись на кедре. Катсук усмехнулся:

Ну, какое еще нужно мне знамение!?

И дух заклятия, вызвавший его немочь, вышел из него тот же час как был назван по имени. Индеец направился к кедру, чтобы сделать себе стрелу.

* * *

СОН ЧАРЛЗА ХОБУХЕТА, в пересказе его тетки:

Когда я был маленький, мне снился Ворон. Это был белый Ворон. Мне снилось, что Ворон помог мне украсть всю пресную воду, и я спрятал ее так, чтобы только мои соплеменники могли ее найти. Это была такая пещера, и я заполнил ее водой. Мне снилось, что в пещере был дух, который рассказал мне о Творении. И это дух создал мою пещеру. Там было два хода: вход и выход. В пещере был пляж и волны на воде. А еще я там слышал барабаны. Этот дух из моего сна сказал, что такое место существует и на самом деле. Мне там было чисто и хорошо. Я хочу найти это место.

* * *

Катсук сидел, прислонясь спиной к дереву, моля, чтобы земля простила его. Лук со стрелой лежали у него на коленях, а все вокруг тонуло во мраке. Холодный ветер нес сырость.

Лук Катсука был сделан не совсем точно по древнему образцу. Индеец знал об этом, но знал он и то, что дух этого дерева простит его за те неприятности, которые он ему доставил. К стреле, лежащей тут же, он прикрепил каменный наконечник из прибрежной деревни, где его соплеменники жили еще совсем недавно. Теперь прежние времена и нынешние были связаны вместе.

Тучи скрыли звезды. Индеец чувствовал приближение дождя. Холодный ветер вызывал дрожь в его теле. Катсук знал, что должен был чувствовать пронизывающий холод, но тело его не ощущало ничего, кроме утери Хоквата.

Хокват сбежал. Куда?

Разум Катука погрузился в состояние духовного поиска, о котором рассказывали древние. Он мог искать дух Хоквата, а тот уже приведет его к мальчику.

Катсук вглядывался в темноту. Где-то горел маленький-маленький костерок. Индеец даже не мог сказать, видит он его обычным или внутренним зрением. Языки пламени отбрасывали рыжие отсветы на сырую землю и сплетение торчащих корней. И на самом краю освещенного круга была маленькая фигурка. Вот теперь Катсук знал, что у него включилось внутреннее видение.

Где же был этот костер?

Катсук молил своего духа, чтобы тот вел его, но из мира Похитителя Душ ему никто не отвечал. Ага, так значит, это следующее испытание!

Какой-то зверек проскочил чуть ли не между ногами Катука и скрылся в темноте. Индеец чувствовал даже то, как растет дерево у него за спиной, как подымается вверх кора. Сырая земля и холодный ветер проникали сквозь его тело, и он понимал, что ему придется сражаться в мире духов, прежде чем сможет забрать Хоквата себе.

- Помоги мне, Алкунтам, - молил он. - Это я, Катсук. Помоги мне отправить мое послание! Приведи меня к Невинному!

В ночи закричала сова, а Катсук знал, что язык ее предвещает дождь. Скоро, очень скоро с небес полетится вода. А ведь его звали на испытание, которое, прежде всего, было испытанием духовным, внутренним.

Очень медленно Катсук поднялся на ноги. Свое тело он чувствовал как нечто отвлеченное. Но он сказал сам себе:

Из ИНТЕРВЬЮ с Харриэт Гледдинг Моргенштерн, помещенного в газете "

Мой внук - очень храбрый парень. Он никогда не боялся темноты и подобных глупостей, даже когда был еще маленьким. Он всегда уважал взрослых. Мы учили его уважать и проявлять внимание ко всем окружающим, неважно, кем бы они не были. Я уверена, что эти его качества с честью проведут его через все не легкие испытания.

* * *

Перед самым приходом ночи Дэвид нашел укрытие в поваленных ураганом деревьях. Они лежали почти параллельно узкому ручейку, а вывернутые корни образовали нечто вроде шалаша, ход в который зарос мхом и травой.

Дэвид заполз туда и стал раздумывать, можно ли развести тут костер. Катсук добывал огонь с помощью небольшого зажигательного лука и показал своему пленнику, как им пользоваться в случае необходимости. Но мальчик опасался, что огонь и дым смогут привести Катука прямо к нему.

Хотя, было уже поздно. К тому же дул холодный ветер. и он решил рискнуть.

Возле поваленных деревьев валялось множество коры. Дэвид

нашел длинный, толстый кусок и обложил им вырытую руками ямку, чтобы сделать укрытие от ветра и лучшего отражения тепла. Он набрал трута с прогнившего дерева, как показывал ему Катсук. Рядом, на склоне лежал сломанный кедр. Дэвид протиснулся сквозь колючие заросли подлеска и даже поцарапал себе лоб, пока не пробрался к нему, но, как и надеялся, нашел сухие щепки и набрал их полную охапку. Эту находку он положил в своем укрытии под корнями, добавив сюда же кучу сухих веток и коры. Потом он отправился на поиски небольшой гибкой ветки для зажигательного лука. она должна быть достаточно короткой, чтобы связать концы шнурами от туфель.

"Подготовка, терпение, настойчивость", - говорил ему Катсук, когда рассказывал о том, как разводить огонь.

Дэвид хотел было сразу добиться успеха с зажигательным луком индейца, но тот смеялся над "хокватской нетерпеливостью". Вспоминая этот смех, подгоняемый им, Дэвид упорно продолжал двигать взад-вперед зажигательный лук, вращая палочку, пока трение не родило искорку в сухой траве. Теперь-то он уже знал, как все делать вернее.

Приготовив кусок кедрового дерева, в котором он пробил острым камнем ямку; лук, в котором петля на тетиве из шнура проворачивала остроконечную палочку; имея под рукой трут и сухие кедровые щепочки, мальчик упорно трудился, пока у него в ямке не получился уголек. Потом он осторожно раздул его и стал подкладывать в огонь трут и щепки. Когда у него все получилось, он подумал:

Эта мысль перепугала его, и мальчик выглянул из своего укрытия наружу. Очень скоро станет совсем темно. Мальчик думал, сможет ли ночь спрятать его от Катсука? Этот человек обладал удивительными и странными силами. Тут голод напомнил Дэвиду о себе. Мальчик поглядел в сторону речки. Здесь могла водиться форель. Он видел, как Катсук делал вершу. Только ночь обещала быть холодной, а он знал, что может промокнуть, если пойдет ловить рыбу. тогда он решил отложить это дело. Завтра... Завтра ему могли встретиться туристы или поисковики. А у них будет с собой еда.

Ночь была очень долгой.

Дважды Дэвиду приходилось подбрасывать в костер сухие ветки и кору. Во второй раз пошел небольшой дождик, и дерево шипело, когда он кидал его в огонь. Его укрытие довольно неплохо защищало его от ветра и дождя, к тому же здесь было тепло по сравнению с окружающим миром.

Несколько раз он впадал в дремоту, прижавшись спиной к корням. А один раз приснился сон.

В этом сне он убежал, но за ним тянулся длинный-длинный коричневый ремешок. Он охватывал его голову, как полоска кедровой коры на голове Катсука. Дэвид чувствовал, что ремешок тянется за ним, куда бы он не побежал. Он тянулся через горы и доли к Катсуку, а индеец передавал через него свое послание. Катсук просил помощи. "Помоги мне, Хокват. Помоги. Ты мне нужен, Хокват. Помоги мне!"

Дэвид проснулся и обнаружил, что уже занимается рассвет, а его костер почти угас. Он забросал золу мокрой землей, чтобы огонь не смог разгореться снова, и чтобы дым не мог выдать его. Когда он выполз в утренний туман, тело тут же покрылось гусиной кожей, и мальчик задрожал.

Я буду идти вниз по течению ручья, - ##решил он. -# А там # должны быть люди.

Подумав об этом, он тут же глянул в направлении, откуда текла вода, выискивая какой-нибудь признак погони. Где теперь

был Катсук? Про ремешок - это был совершенно дурацкий сон. А вдруг у Катсука и вправду неприятности? Он мог упасть ночью, сломать себе ногу или что-то еще. Сумасшедший индеец!

Все еще дрожа, Дэвид отправился вниз по течению.

* * *

Шериф ПАЛЛАТТ:

И правда, кое-кто из этих индейцев может делать удивительные штуки. К примеру, заставить ваши волосы стать на голове дыбом. Для себя я объясняю это тем, что если живешь рядом с дикой природой, то начинаешь чувствовать ее как никто другой. Мне кажется, что суть в этом. Возможно.

* * *

Ближе к вечеру Дэвид проходил через рощу широколиственных кленов, растущих вдоль ручья. Здесь поток достигал в ширину футов десяти. Земля под деревьями была покрыта толстым моховым ковром. Дэвид представил, какую мягкую постель можно было бы из него устроить. Он нашел немного съедобных ягод и напился воды, но голод постоянно напоминал о себе волной боли, тянущей желудок и тесной удавкой, сжимающей голову. Дэвид даже и не знал, была ли эта боль настоящей. Или это был тот самый ремешок из сна? И вправду ли где-то рядом находился Катсук, держащий второй конец ремешка? Мальчик устал, а подстилка из мха так и манила прилечь, но когда он прижал к ней руку, между пальцами выступила вода.

Потом он заметил, что и ноги совершенно промокли.

Ветер подул на юго-восток. А это означало дождь. На небе проглядывали участки голубизны, но темно-серые тучи уже покрыли вершины гор.

Дэвид остановился возле надгрызенного бобрами тополя, изучил окружающую его местность: деревья, деревья, деревья... речка, черные валуны в серой воде... белка, убегаящая вверх по стволу... Возможно, где-то среди этих деревьев очень близко притаился Катсук и молча следит за ним? Такое могло случиться. Он мог быть здесь.

Дэвид попытался изгнать страх из мыслей, потому что тот никак не мог помочь ему. Мальчик присел, замаскировался, как учил его индеец, еще раз хорошенько огляделся, потом пошел по камням, по валявшимся стволам деревьев, обходя болотистые места, чтобы оставлять как можно меньше следов.

Какое-то время его волновало, достаточно ли хорошо он замаскировал следы своего костра. Если Катсук обнаружит кострище... Догадается ли он, что его пленник направился вниз по течению? Дэвид решил уж было оставить берег и перейти холмы, но те подымались довольно высоко, и Катсук мог заметить его.

Малый ручей влился в поток побольше, и мальчик пошел вдоль его берега. Тот привел его к оврагу, где заросли колючек не давали пройти дальше. Дэвид перебрался на другой берег и нашел проход в кустарниках, ведущий к звериному водопою, истоптанный множеством копыт. Он поглядел через него на речушку и увидел рыбу, выпрыгивающую из воды. Это напомнило ему про голод, но мальчик знал, что не отважится терять время на то, чтобы попытаться поймать хотя бы одну рыбешку.

Он прошел по этой прогалине и вышел к развилке. Одна тропка вела вверх по течению, другая - вниз. Дэвид выбрал вторую, обходя подозрительные места и поваленные деревья с их

торчащими вверх корнями. На коричневой влажной земле оставались его следы.

Дэвид уже и сам стал удивляться, что ему удалось сбежать. Это было невозможным делом, но он не терял надежды. Он знал, что сейчас находится в местности, которую называют Дикими Землями. Катсук рассказывал о ней в самых общих словах. На самой ее границе были парковые дороги, где должны быть установлены указатели, которые подскажут ему, куда идти.

Там же могли быть и туристы.

Там же могла быть и еда.

Прежде чем отправиться дальше, Дэвид напился из реки.

Берега заросли мятой и крапивой. Левая рука мальчика нежно чесалась после встречи с ее листьями. Тропа, по которой он шел, то убегала от ручья, то возвращалась к нему, то подымалась по склону холма, обходя какую-нибудь рошу на берегу, то возвращалась к осклизлым камням в самой воде. Мальчик не мог видеть дальше, чем на пятьдесят футов по направлению течения. Возле воды ярким пятном желтела скунсова капуста. Речка здесь текла медленнее.

Дэвид обнаружил, что на него внезапно навалилось слишком много впечатлений окружающего его мира, но он уже был знаком с ними после общения с Катсуком - он мог сказать, где вода будет течь быстрее, а где медленнее, где отыскать проход, каким образом не оставлять следов.

Обойдя поросль скунсовой капусты он вернулся к более широкой речке, по берегу которой он шел раньше. Болотистая лосиная тропа шла вдоль берега, на ней были свежие следы, Некоторые из них даже не наполнились еще водой. На дорожке лежали еще теплый помет.

Мальчик поглядел вдоль тропы, вверх по склону холма, выматывая желтоватые пятна огузков животных, но ничего не было видно - одна только тропа и кучки помета.

Дэвид сошел с тропы и направился вдоль берега. Деревья и подлесок здесь стали реже. Время от времени он поглядывал на противоположный берег, на полосу серой воды. Ноги уже давно промокли и гудели от усталости.

Как сильно оторвался я от Катсука? - ##думал он.

Дэвид знал, что# все это время ##Катсук должен разыскивать его. Вопрос лишь в том, как? Шел он по следу или воспользовался какой-то другой хитростью?

Он остановился передохнуть возле тополя, нижняя часть ствола которого была основательно надгрызена бобрами. Вся земля была покрыта желтоватыми щепками. По их цвету можно было сказать, что бобры трудились здесь около недели назад. На другой стороне тропы стояла стройная ель. Мальчик поглядел вниз: лужи на тропе отражали коричневый ствол ели, барашки облаков на небе и его собственные мокрые ноги. Этот вид наполнил его осознанием своей малости в этом огромном мире.

Но где же Катсук?

Дэвид раздумывал, стоит ли разводить костер, чтобы высушить ноги. От холода они совершенно занемели. Повсюду валялось много сушняка, поваленных деревьев. Тополевые щепки загорятся быстро. Но Катсук мог заметить дым. Правда, и другие тоже могли его увидеть, но вот кто придет первым?

Он решил отказаться от костра. Слишком большой риск, даже если учесть возможность просушиться.

Постоянная ходьба пока не давала ему замерзнуть. Правда, ноги гудели, а на левой коленке побаливал ушиб, но мальчик пока не обращал на него внимания.

Однажды он услышал карканье ворона. Целых пять минут Дэ-

вид прятался под низкими кедровыми ветками, пока не решился выйти. Но и после того, время от времени, он бросал осторожные взгляды в небо, размышляя, были ли это вороны Катсука.

Тропа свернула к пологому холму.

Дэвид решил продолжить свой путь по берегу. Он перепрыгнул через тропу, стараясь не оставить следов, и пробивал себе путь через подлесок, пока не вышел к водопаду выше его собственного роста. Стволы деревьев, принесенные сюда весенним паводком, красно-коричневой баррикадой лежали перед уступом, не давая прохода.

Зато чуть ниже водопада реку пересекала каменистая отмель. Мальчик промок до пояса и чуть не потерял туфли. а потом он вообще упал в воду, пытаясь выловить крупную форель. Рыба стрелой умчалась вниз по течению, наполовину высываясь из воды, когда пересекала каменистую отмель, а потом ушла на глубину.

Дэвид бежал за форелью по отмели, река ревела в его ушах, потом он поднялся в лес на другом берегу и нашел звериную тропу.

По его расчетам до наступления темноты оставалось часа три. В этом месте поток, вниз по течению которого он спускался, превратился в шумливую, широкую речку. Вверху по берегам росли кедр и тсуги. Иногда над водой склонялись краснолистные клены.

В это время Дэвид обнаружил относительно легкий проход к реке через высохшее болото. Здесь стояли осинки, их бледно-серая кора отражалась на фоне густой зелени леса. На одном конце этого бывшего болота был завал из серых, мертвых деревьев.

Усталость и голод заставили мальчика остановиться и передохнуть, прежде чем форсировать завал. Он уселся на ствол поваленного дерева. В груди давило. Несмотря на усталость, на долгий путь, Дэвид был в приподнятом настроении. Всю ночь он подпитывал свои надежды, как подбрасывал дрова в костер. Весь день провел он под воздействием ожидания и предзнаменований. Но Катсук никак не проявлял себя, за исключением отдаленного карканья воронов, а потом даже и птицы его исчезли. Все звуки сейчас перекрывал шум реки, пробивавшей себе путь совсем рядом с завалом.

Как-то Катсук рассказывал, что шум реки - это голос Водяного Ребенка, монстра, который мог принимать человеческое обличье. Людские слова делали его материальным, но тут уже Дэвид не совсем понял. Водяной Ребенок забирает человеческую душу, когда мог назвать твое имя. Дэвид поежился, вспомнив про это, прислушался к шуму воды. Но в нем не было никаких слов, только обычные голоса реки.

Дэвид поглядел на небо. Уже начинало смеркаться. Ветер принес с собой холод. Пошел дождь - с крупными, пронизывающими каплями. Дэвид опомнился, стал искать укрытие. Мальчишка промок до нитки и дрожал от холода.

Так же быстро как и начался, дождь кончился.

В разрывах туч появилось голубое небо.

Еще раз Дэвид прошел вниз по течению. Ему надо было найти убежище на ночь, и он уже отчаивался обнаружить его. Река текла рядом, громко разговаривая в своем русле. Туч на небе становилось все меньше, но солнце не появлялось.

С серой коряги перед ним взлетел орел. Он поднялся в воздух над речной долиной, закружился над ней. Дэвид уставился на птицу, желая, чтобы его мысли взлетели так же высоко, но ноги его все так же оставались на камнях речного берега.

Орел - скопа.

Девид вспомнил, как Катсук описывал племенных вождей древних времен: накидка из собачей шерсти, прическа в виде воронова клюва и корона из орлиных перьев на голове.

Река сворачивала налево широкой дугой, нарушенной сваленной ветром елкой, лежащей на полянке, поросшей голубыми цветами.

Девид остановился под сенью деревьев.

Здесь река становилась шире и замедляла свой бег, петляя через поляну, прежде чем вонзиться в зелень леса на дальнем краю поляны. На ближнем берегу был вал песка, принесенный паводком. На нем волны реки оставляли свой меняющийся узор.

Девид окинул взглядом всю поляну, справа налево, опасаясь увидеть какой-нибудь знак. Поляну пересекал ручеек, впадающий в реку. Через него был переброшен сделанный человеческими руками мостик. Большие буквы на табличке рядом с мостиком извещали: УБЕЖИЩЕ КИЛКЕЛЛИ - 2 мили.

Убежище!

Девид почувствовал, как сильнее забилося сердце. Вместе с Катсуком он уже останавливался в убежищах и приютах. Одно из них было в кедровой роще, вода бежала по тропе за ним. Там был сырой запах золы, кострище под навесом. Нижние венцы приюта сгнили и были ободраны туристами в поисках сухого трута.

Стрелка на табличке указывала направо, вниз по течению. Девид подумал: # Там могут быть туристы!

Он вышел из тени деревьев и тут же обескураженно остановился, когда над ним захлопали крылья, и раздалось воронье карканье.

Увидав его, целая туча воронов поднялась в небо, наполнив воздух своим гомоном. Девид в ужасе застыл на месте.

Вороны! Несколько сотен!

##Небо потемнело от кружащихся птиц.

И, как будто бы птицы позвали его, из-за деревьев на дальнем краю поляны через реку вышел Катсук. На какой-то миг он остановился рядом с огромной елью. На голове та же темно-красная полоска кедровой коры, черное перо в волосах. Он направился прямо к реке, оцарапав руку осокой на берегу. Остановился он лишь когда зашел глубоко в реку. Так он и стоял в мутной от талого снега воде.

Девид глядел на Катсука и не мог пошевелиться.

Вороны продолжали кружиться в небе и орать.

Катсук все так же оставался в воде. Он высоко поднял свой лук и стрелу и, задрав голову, глядел на птиц.

Чего он ждет? -## ##удивлялся Дэвид.

Индеец стоял в реке будто затаившийся зверь, не знающий, на что решиться, куда прыгнуть, куда свернуть.

Почему он не идет?

Вдруг, с оглушительным шумом, все вороны свернули к деревьям, окружающим поляну и затихли, рассевшись на ветвях.

Как только затих птичий гвалт, Катсук пошевелился и перешел реку. Он направлялся прямо к тому месту, где стоял Дэвид, идя как-то неуверенно и медленно. В левой руке он держал натянутый лук, двумя пальцами придерживая стрелу. В веревочной петле на поясе висел обсидиановый нож. Набедренная повязка вся была в коричневых грязных пятнах. С нее по ногам стекала вода.

Катсук остановился в шаге от Дэвида, не отводя глаз от его лица.

Мальчик дрожал, не зная, что ему делать, что говорить. Он знал только, что не сможет убежать от Катсука. К тому же у того были приготовлены лук и стрела.

- Ворон сказал мне, где ты можешь находиться,- сказал Катсук.- Я шел прямо за тобой, когда сделал стрелу. Ты шел по

течению реки, так рассказывал мне Ворон. Ты проделал долгий путь.

От холода и страха Дэвид начал стучать зубами. Это придавало словам Катсук дополнительный, леденящий душу подтекст.

Катсук поднял лук и стрелу.

- Видишь, я их закончил. Но я не чувствовал этого, когда ты навел меня на дерево для стрелы. Я почувствовал, что это дар и взял его. Я благодарил Кедр. Но ты меня обманул.

Катсук зашелся в лающем кашле. Когда приступ прошел, он весь дрожал. Кожа на лице была смертельно-бледной.

Что это с ним?- ##удивлялся Дэвид.

- Это ты насрал на меня немочь Кедр,- сказал Катсук.- Ты и Тсканай.

Он и вправду болен,- ##понял Дэвид.

- Я замерз. Нам надо найти место, где будет тепло. Кедр уберет горячку из моего тела и отправит ее на небо.

Дэвид покачал головой, пытаясь сдержать дрожь зубов. Катсук со своими птицами ожидал его на поляне. Но он говорил так... странно. Болезнь так сильно изменила его.

- Сними с меня эту немочь, - попросил Катсук.

Дэвид прикусил губу, чтобы хотя бы болью унять дрожь. Он показал рукой на табличку

- Там есть убежище. Мы могли бы...

- Нет, мы не можем туда идти. Люди придут. - Катсук уставился на елку, под которой стоял мальчик. - Тут тоже есть... одно место.

- Я только что пришел оттуда, - ответил Дэвид. - Там нет...

- Есть одно место, - настаивал Катсук. - Пошли.

Идя странно, будто он тянул обе ноги, Катсук обошел мальчика и углубился в лес. Дэвид пошел за ним, чувствуя, будто и сам впадает в горячку индейца.

И вновь Катсук зашелся в кашле.

Возле лесного завала, у которого Дэвид отдыхал, Катсук остановился. Он глядел на серо-голубую реку, перекатывающуюся через поваленные стволы. Да, это было здесь!

Он стал переходить реку, перепрыгивая с дерева на дерево. Дэвид следовал за ним.

На другом берегу мальчик увидел то, что ранее не заметил: заброшенный парковый приют, с частично завалившейся крышей. Деревянные стенки и подпорные столбы покрылись мхом и лишайником. Катсук зашел вовнутрь. Дэвид слышал, как он там что-то копает.

Мальчик ожидал индейца на берегу.

Прийдут люди? ##Катсук так и сказал.

Воздух был прохладным, а безумие индейца и так добавляло леденящего страха. Катсук болен. Я мог бы убежать на поляну. Но он может схватить меня или подстрелить из лука.

Небо потемнело. Снизу черной полосой шел дождь. Его подгонял сильный ветер, взьерошивший листву на деревьях.

Катсук позвал из приюта.

- Быстрее сюда. Начинается дождь.

Индеец снова закашлялся.

Дэвид вошел под крышу, в нос сразу же ударили запах свежеразрытой земли и вонь гниющего дерева.

В углу Катсук выкопал большую яму. Оттуда он вытащил небольшой металлический бочонок. Крышка почти полностью заржавела. Из бочонка Катсук извлек два одеяла и небольшой, тщательно завернутый пакет.

- Это растопка, - сказал Катсук, передавая сверток мальчику.

Индеец повернулся к выходу из укрытия. Дэвид видел, что он шатается на каждом шагу.

- Ты думал убить меня Кедровой немочью, - сказал Катсук. - Но я еще хочу сделать то, что я должен. Ворон даст мне силу.

* * *

ГЛАВНЫЙ ЛЕСНИЧИЙ Национального Парка, Уильям Ридек:

Для этого времени года пришли необычные холода. Снег и дождь выпадают больше обыкновенного. Линия снегов опустилась гораздо ниже многолетнего уровня. Я слышал, что индийские факеры делают такой фокус, сохраняя внутреннее тепло без всякой одежды или огня, но ведь этот ваш Хобухет индеец, а не индеец! Сомневаюсь, чтобы он умел делать такой фокус. Если он с мальчиком находится здесь, они будут искать какое-нибудь укрытие, постоянно поддерживая в нем огонь. только так, иначе они умрут. Если вы постоянно теряете тепло, здешняя природа убьет вас.

* * *

Катсук лежал между двумя бревнами на постели из мха, сознание погружено в горячий бред. И в этом бреду был деревянный путь, стрела. Она балансировала, но летела прямо. Катсук сам нашел материал для этой стрелы: высокий кедр на перепавшей каменной лавиной земле. Все было обманом, и это тоже было обманом. Он владел этой стрелой, но и стрела владела им. В этом бреду Катсук вел процессию по деревянному мосту, соединяющему самые древние времена с настоящими. Все его сознание было буквально затоплено всеми теми людьми, которые жили до него, и которых он сейчас вел за собой.

В его мыслях дух кричал: "# Земля не знает, кто владеет ею!"

##Катсук нахмурился.

Горячка направляла его стопы по деревянному мосту. Он пел имена своих мертвых, но каждое новое имя вносило изменения в кошмар. Когда он пропел имя Яниктахт, то вдруг увидел бегущего Хоквата, чьи волосы развевались будто взлохмаченные ветром листья.

Следующее имя:# Окхоотс.

Он был на поле, засаженном желтыми цветами, рядом весело журчал ручей. Он напился из него, но вода исчезла, оставив его горло пересохшим будто пустыня.

Другое имя:# Дед Хобухет.

Он очутился прямо в штормовой волне с белыми барашками, вспенившими зеленую воду. Из воды поднялся мертвый кит и сказал: "# Ты осмелился побеспокоить меня!"

##Еще одно имя:# Тскулдик.

Отец... отец... отец...

Он назвал неназываемое имя и тут же очутился на кошмарной тропе своего испытания. Он слышал погребальную песнь деревьев, чувствовал, что вся его грудь мокра. Он шел домой, в родные стороны, из хокватских мест. Рядом с дорогой стояла грязно-желтая вышка, за которой стояла могучая ель. Боковые тропки исчезали в стене деревьев. В живой зелени торчали мертвые, сухие пни.

И тут же стоял знак: **ОСТОРОЖНО! ПОДЗЕМНЫЕ СИЛОВЫЕ И ТЕЛЕФОННЫЕ КАБЕЛЯ.**

Катсук прочел эту табличку и почувствовал, что все его

сознание погружается в холодную реку. Он увидел, как вибрируют в воде покрытые мхом ветви. Он превратился в одну из таких веток.

Индеец подумал: # Я превратился в водного духа.

В горячечном бреду он возопил к Ворону, чтобы тот спас его. И Ворон пришел к нему из воды, превратившись в рыбу, в # кулл т#\$, # копэ...

Катсук пришел в сознание, весь дрожа от ужаса. Судорога свела все его тело. Он чувствовал себя слабым и истощенным. Серый рассвет заглядывал к ним в укрытие. Индеец буквально плавал в собственном поту и теперь трясся еще и от пронизывающего холода. Одежда была разбросана по сторонам, потому что он сам скинул их с себя.

Его колени болели от Кедровой немочи, но он все же попробовал встать, силой заставив себя дойти до выхода из приюта. Он вцепился в подпорный столб, еле-еле ощущая необходимость, которую даже затруднялся назвать.

Ах, да... Куда подевался Хокват?

Справа от него затрещала поломанная ветка. Из-за деревьев вышел мальчик с полной охапкой хвороста. Он сбросил его рядом с серой золой кострища.

Катсук уставился на мальчика, на костер, пытаясь связать в голове эти два явления вместе.

Дэвиду была заметна слабость Катсука. Он сказал:

- В этом бочонке я нашел банку с консервированными бобами и подогрел их. Большую часть я оставил тебе.

Воспользовавшись длинной палкой, он вытащил банку из золы и поставил ее к ногам Катсука. Вместо ложки из жестянки торчала плоская дощечка.

Катсук присел на корточки и стал жадно есть, поскольку тело требовало скорее горячего, чем питательного. Бобы отдавали золой. Они обожгли его язык, но он проглотил первую порцию и почувствовал в желудке желанное тепло.

Мальчик, занимаясь разведением огня, сказал:

- Ночью ты бредил, ворочался и стонал. Я поддерживал огонь почти до утра.

По сушняку, принесенному мальчиком, побежали язычки пламени.

Катсук осоловело кивнул. Он слышал, как буквально в нескольких шагах от убежища по камням плещет вода, но он не мог найти в себе силы, чтобы пройти туда. Сухость жгла глотку.

- Во-ды! - прохрипел он.

Мальчик бросил костер и побежал с консервной банкой к реке.

Преломившиеся в листе солнечные лучи, осветившие голову мальчика и его волосы, напомнили Катсуку льва, которого он видел в зоопарке: лев, окутанный тенями и солнечным светом. Он подумал: # Неужели Хокват нашел другого духа? Духа Льва? Такой # дух мне неизвестен.

Дэвид вернулся с речки, неся банку с ледяной водой. Он видел мольбу в глазах Катсука. Индеец схватил банку обеими руками, осушил ее и сказал:

- Еще!

Мальчик снова наполнил банку водой и принес Катсуку. Тот выпил и ее.

По долине разнесся далекий звук авиадвигателя, заглушая даже близкую песню речки. Звук становился все громче и громче: самолет летел низко, над самой горной грядой. Потом звук ушел совершенно в другое место.

Здрав голову, Дэвид надеялся увидеть самолет. Но ему это

не удалось.

Катсук совершенно не обратил внимания на шум мотора. Было похоже, что он снова собирается заснуть, причем, прямо у входа в приют.

Дэвид принес сушняка для костра и обложил горящие ветки камнями, чтобы нагреть их.

- Похоже, что снова пойдет дождь, - сказал он.

Полузакрытыми глазами Катсук поглядел на мальчика. Он подумал: # Жертва находится здесь, но она обязана пожелать мою # стрелу. Невинный должен просить смерти.

Низким, хриплым голосом Катсук начал петь на древнем языке: # Тело твое воспримет в себя освященную стрелу. Гордость на- # полняет душу твою при встрече с ее смертоносным, разящим напо- # вал острием. Твоя душа обратится к солнцу, и люди скажут, один # другому: "С какой гордостью он умер!" Вороны будут летать над # твоим телом, но не осмелятся никогда коснуться плоти твоей. # Гордость твоя извлечет тебя из твоего тела. ты превратишься в # громадную птицу и сможешь летать с одного конца света в дру- # гой. Вот что произойдет, когда ты прмешь в себя стрелу.

##Дэвид слушал, пока песня не закончилась, и сказал:

- В этом бочонке я нашел еще несколько банок с бобами. Ты не хочешь?

- Почему ты не убегаешь? - спросил его Катсук. - Ты послал на меня Кедровую немочь. Я не могу остановить тебя.

Мальчик пожал плечами.

- Ты же заболел, - только и ответил он.

Катсук ощупывал пояс в поисках своего обсидианового ножа. Тот исчез! Он стал повсюду выискивать его взглядом. Его сумка с освященным пухом, который следует оставить на теле жертвы - она тоже исчезла. Индеец с трудом поднялся на ноги и, еле переставляя их, обошел вокруг костра.

Дэвид подскочил, подставил плечо.

- Нож, - прошептал Катсук.

- Твой нож? Я боялся, что ты порежешься, когда ворочался и метался в бреду. Я подвесил нож и твою сумку в углу, на столбе - там же, где ты оставил лук и стрелу.

Катсук попытался было повернуть голову, но шея болела.

- Тебе надо лечь, - сказал Дэвид. - Я уже нагрел камни.

Пошли.

Он помог Катсуку вернуться на его постель из мха между двумя бревнами, набросил одеяла. Катсук позволил, чтобы мальчик подоткнул одеяла ему под тело, и спросил:

- Почему ты помогаешь мне, раз сам и наслал на меня болезнь?

- Ты бредишь.

- Э, нет. Я же знаю, что это ты наслал на меня немочь. Я видел это в своем сне. Ты подложил ее в эти одеяла!

- Но ведь это же # твои ##одеяла! Ты их сам вынул из бочонка.

- Ты мог подменить одеяла. вы, хокваты, и раньше давали нам зараженные болезнями одеяла. Через одеяла вы заражали нас оспой. Вы убивали нас своими хокватскими болезнями. Почему и ты поступил со мной так же?

- Ты будешь кушать или нет?

- Хокват, я видел сон о своей смерти. Мне снилось, как это произойдет.

- Все это только глупые слова!

- Нет! Все это мне приснилось. Я уйду в море, я стану рыбой. И вы, хокваты, изловите меня.

Мальчик только покачал головой и ушел к костру. он подбросил в него побольше дров, опять обложив кострище камнями,

чтобы нагреть их.

Под деревьями стало совсем темно, и совершенно неожиданно опять пошел дождь. Холодный ветер мчал по речной долине, гоня перед собою крупные капли, с силой барабанил ими по деревьям и покрытой мхом крыше убежища. Вода стекала с досок и попадала в костер. Раскаленные камни сердито зашипели.

Катсук почувствовал, как к нему снова возвращается кошмар. Он попробовал закричать, но понял, что не может издать ни звука. # Водяной Ребенок схватил меня! - ##подумал он. -# Только # вот откуда он узнал мое имя?

После этого приступа, продолжавшегося несколько мгновений, Катсук почувствовал, что к его ногам приложили горячие камни. В сыром воздухе разнесся запах жженой шерсти. с темного неба продолжал лить дождь.

Мальчик вернулся и приложил к ногам индейца нлвые камни. Для того, чтобы переносить их, он воспользовался согнутой зеленой веткой. Катсук опять почувствовал желанное тепло.

- Ты проспал почти весь день, - сказал мальчик. - Хочешь есть? Я подогрел бобы.

Голова Катсука была совершенно пустая, глотку будто бы кто песком натер. Он мог только хрипеть и кивать.

Мальчик принес ему воды в банке. катсук жадно выпил и тут же позволил накормить себя. Для каждого глотка он разевал рот будто громадный птенец.

- Еще водички?

- Да.

Мальчик принес. Катсук выпил, снова улегся.

- Еще?

- Не надо.

Катсук опять погрузился в себя, только все было не так, как следовало. Он снова вернулся в первобытный мир, только теперь все его куски поменялись местами, линии искривились. Если бы он смог сейчас заглянуть в зеркало, то увидел бы совершенно незнакомое лицо, и он сам знал об этом. Он мог отказаться от этого лица, сбросить его. но и все рано, его глаза были бы глазами чужого. Ему хотелось спокойного сна, но он знал, что где-то рядом таятся кошмары. Со своими требованиями его ожидали духи, и их, хочешь - не хочешь, надо было выполнять. в его голове как будто гудел огромный колокол.

Духи извратили меня! - ##думал он.

Дэвид принес воды. Катсук поднял голову, чтобы напиться. Вода полилась по подбородку. Катсук откинулся. Вода тяготила его, тело сделалось неподъемным.

Он отравил меня! - ##перепугался индеец.

По крыше барабанил дождь, сначала еле тихо, потом все громче. Катсуку показалось, что он слышит барабан и свирель - музыка жалостливая и чудесная. Его жизнь танцевала под мелодию свирели, готовая умереть бабочка-однодневка.

Я становлюсь душою этого места, - ##думал он. -# Зачем Ло-# вец Душ привел меня сюда?

Он проснулся в полной темноте. Тишина резонировала в нем, та тишина, что наступает после гулкового барабанного боя. Дождь закончился, только отдельные, нерегулярные капли падали с веток. Костер едва теплился. Тень у костра подсказала индейцу, что это спит мальчик, спит, свернувшись клубочком возле теплых камней. Едва Катсук зашевелился, мальчик тут же сел и поглядел в темноту приюта.

- Это ты, Катсук?

- Я здесь.

- Как ты себя чувствуешь?

Катсук ощущал, что голова у него ясная. Кедровая немочь оставила его. Правда, он чувствовал слабость, но сухие клочья страха унеслись в забвение.

- Болезнь ушла от меня, - сказал Катсук.

- Ты хочешь пить?

- Да.

Мальчик принес целую банку воды. Катсук взял ее, руки его не тряслись.

- Еще?

- Не надо.

Катсук все еще ощущал сложность и многогранность своей вселенной, но он знал, что духи его не оставили. Он спросил:

- Хокват, ты снял хворь с моего тела. Зачем?

- Катсук, просто я не мог оставить тебя. Ты был болен.

- Да, я был болен.

- Мне можно сейчас прийти к тебе под одеяло?

- Ты замерз?

- Да.

- Здесь тепло. - Катсук раскрыл одеяла.

Мальчик перелез через бревна, между которыми был набросан мох, и прополз под одеяла. Катсук ощущал, как дрожит все его тельце.

Помолчав, Катсук заявил:

- Ничего не изменилось, Хокват.

- Что именно?

- Все равно, я должен провести священное злое дело.

- Спи, Катсук, - устало сказал мальчик.

- Мы идем уже тринадцать ночей, - сказал Катсук.

Но мальчик уже не ответил. Дрожь его понемногу стихала.

Мягкое, ровное дыхание говорило о том, что он спит.

Ничего не изменилось, - ##думал Катсук. -# Я должен выпустить в этот мир кошмар, о котором будут думать и когда проснутся.

* * *

Шериф ПАЛЛАТТ:

Мне дали всего тридцать пять человек и один самолет, чтобы обследовать все эти проклятые Дикие Земли! А ведь там сам черт ногу сломит! У меня гудят ноги. Вы только посмотрите, как я их сбил! Но я все равно найду этих двоих. Они здесь, и я найду-таки их!

* * *

Дэвид открыл глаза в белую пустоту, столкнулся с ней взглядом. Только через какое-то мгновение, после нескольких ударов сердца, он понял что смотрит на луну, полумесяц, объединенный Бобром уже с другой стороны. Было холодно. Лунный свет падал на деревья, окружившие убежище. Река что-то нашептывала мальчику, напоминая про дождь и тишину. Над верхушками деревьев молчаливо вздымалась гора. Она всегда была здесь, но сейчас демонстрировала себя во всей красе, залитая лунным светом будто снегом. Ее вершину покрывала накидка из звезд.

С неожиданным страхом Дэвид осознал, что Катсука рядом нет.

- Катсук? - тихим голосом решился спросить он.

Ответа не было.

Катсук подбросил сушняка в костер. Угли ярко светились в

золе.

Мальчик поплотнее закутался в одеяло. Дым костра нарушал бледное колдовство луны. Все небо было усыпано звездами! Дэвид вспомнил, что Катсук называл звезды дырками в черной оленьей шкуре. Что с него взять? Сумасшедший! Но где он мог быть?

Катсук в это время молился:

О, звездная сеть, небесные Олень и Медведь - я боюсь за вас!

И за луну - глаз Квахоутсе!

##Дэвид позвал снова:

- Катсук?

И снова не было ответа на его зов - только ветер в деревьях, только шум реки.

Дэвид уставился в темноту, высматривая в ней. Где же Катсук?

И тут в зеленватом мраке переместилась тень. Катсук встал у костра, будто прилетел сюда по воздуху.

- Я здесь, Хокват.

Катсук глядел в темноту приюта, видя и не видя там мальчика. Так уже было, когда он заглядывал в сон пленника, а дух говорил:

Ты еще не готов. когда будешь, я прийду за тобой. Проси тогда, и твое желание будет исполнено.

##Такими были слова духа.

- Где ты был? - спросил Дэвид. Он сказал это так, будто обвинял в чем-то. Он видел перемену, произошедшую в Катсуке, но не имел возможности уловить суть этих изменений.

Катсук услышал этот вопрос, как будто голос раздался у него прямо в голове, и удивился: # Смогу ли я сказать ему, где я # был? Или этого требует его дух?

Этот вопрос обеспокоил Катсука, снова напомнив о сумятице в собственных мыслях. Он вспомнил о том, как Ворон разбудил его ночью, напомнив про сон, где соединялись два мира. Ворон приказал ему пройти вниз по течению реки к большой поляне, предупреждая, что там таится опасность для него. Сейчас там стояла лагерем большая группа поисковиков - с палатками, ружьями, рациями.

Катсук вспомнил о своем тайном походе в лагерь. Он полз в высокой траве и приблизился к поисковикам совсем близко, достаточно близко, чтобы услышать, как просыпались они и готовились к охоте на человеческую добычу. Но пока они выглядели сонными. их слова многое объяснили. Вчера, поздно вечером, поисковый самолет заметил дым у заброшенного паркового убежища на Сэм Ривер. Можно ли было ругать Хоквата за то, что он развел этот костер? Было ли в этом нарушение его Невинности? Катсук подумал, что нет. Просто мальчика беспокоила болезнь его тюремщика, он знал, как тому нужно тепло.

Раз их цель - добраться до костра, значит они придут скоро. Даже сейчас они могли быть в окружающих холмах, ожидая рассвета.

- Так где ты был? - настаивал мальчик.

- Я ходил по своему лесу.

Дэвид почувствовал в ответе увертку и спросил:

- Рассвет скоро?

- Да.

- А зачем ты ходил в лес?

- Меня позвал туда Ворон.

Дэвид чувствовал отстраненность в голосе Катсука и понял, что тот наполовину в мире духов, в месте своих снов и видений.

- Мы будем оставаться здесь на день? - спросил он.

- Да, мы остаемся.

- Хорошо. Тебе надо отдохнуть после болезни.

И Дэвид подумал: # А может, если говорить с ним спокойно, # все обойдется?

Катсук почувствовал, что в мальчике открылось нечто новое, с которым он уже сжился, то, что влияет на него, понимает его. Неизменность внешнего вида мальчика нельзя было принимать за его мирные намерения. Больше уже дух Хоквата не прятался. И Катсук спросил сам себя: # Как это с Хокватом не произошло то, что случилось со мной?

Почему, скажем, Хокват ухаживал за своим похитителем, когда тот страдал Кедровой немочью? По логике мальчишка должен был сбежать, но он остался.

Дэвид чувствовал напряженность в молчании Катсука и спросил:

- Тебе ничего не надо? Я могу и встать.

Катсук поколебался, потом сказал:

- Нет необходимости. Хотя и мало, но время у нас есть.

Катсук снова подумал про лук и единственную стрелу, спрятанные на дереве позади него. Прошлые и настоящие уже были связаны вместе, но великий круг еще не был доделан. Он чувствовал сумку на поясе, сверток с пухом морской утки, которым следовало осыпать жертву или приколоть к убитому, как делалось это во все времена. Он знал, что его сознание уже свободно от старых шор. Он ощущал Похитителя Душ, который говорил с ним и через него. Страстная простота Пчелы вовлекла его в полнейшее осознание смерти и мира-тишины. Смерть он чувствовал теперь не как отрицание, но как дополнение ко всей своей жизни. Вот почему он стоял здесь, на этом месте. Вот почему он изготовил лук, касаясь дерева только каменным ножом. Вот зачем он привязал древний каменный наконечник с океанского побережья к новому древку, изготавливая стрелу, которая понесет смерть.

Духи питали его энергией. Это были духи без формы, голоса, запаха - но они двигали этот мир. Именно они! Они привели искателей в лагерь на поляне. Они перемещали все эти машины и самолеты, противодействующие Катсуку. Они двигали Невинным, который должен умереть. И они же двигали Катсуком, который уже стал более духом, чем человеком.

Индеец думал: # Я должен совершить это со всем совершенством, которое наказали мне древние боги. Я должен создать тот # безупречный духовный образ, что будет понятен всем - добро и # зло, объединенные в единую, нерушимую форму, заверченный круг. # Я должен быть верен своему прошлому. ДОБРОЗЛО! Единое! Вот что # я делаю.

Каким-то внутренним зрением он видел вокруг себя копья с наконечниками из рогов. Древка были опушены медвежьим мехом. Эти копья держали люди из прошлого. Они прибыли из тех времен, когда люди жили в согласии со своей землей, а не боролись с ней. Катсук поглядел на свои руки. Общая форма еще различалась, но детали терялись в темноте. Память подсказала ему, где белый знак укуса на коже.

Каждого человека может укусить пчела. А человек может # вонзить жало во всю вселенную, если сделает это должным образом. Ему всего лишь надо найти подходящий нервный узел, чтобы # вонзить туда свой шип. То, что я делаю выглядит, вроде бы, как # зло, но если вывернуть этот поступок, в нем увидится добро. А # внешне в нем будет видна одна только ненависть, месть и сумасшествие. И только через много времени увидят в нем любовь...

Дэвид ощущал противотоки, противостояние в этом молчании. Он обнаружил, что боится и# самого ##Катсука, и боится# з а ##него. Этот человек еще раз стал тем диким созданием, что связал своему пленнику руки и всю ночь тащил его на ремешке из Лагерь Шести Рек до самой пещеры.

О чем он сейчас думает? - ##размышлял Дэвид, потом спросил: - Катсук, может ты ляжешь?

Индеец услышал два вопроса, заключенные в этих словах мальчика: один на поверхности, другой под ней. второй вопрос был таким:# Чем я могу тебе помочь?

- ##Не беспокойся обо мне, Хокват. Со мной все хорошо.

Дэвид почувствовал в голосе Катсука нежность. В сознании мальчика до сих пор серым облаком лежал сон. А индеец опять сконцентрировался на своем юном пленнике. А тот закутался в одеяло и сел поближе к горячим углям костра. Ночь была холодной.

Катсук понимал жизнь как движение. Он снова со страхом подумал о том, что должен сделать с этой сидящей рядом юной вселенной, с ее плотью и временем. Воспримут ли его деяние правильно?

Духи требовали поставить это как спектакль. Но это могло быть и утонченной кровавой мстью, высоко оцененной всем миром. Люди его племени могли понять его лучше всего. Ведь традиция кровной мести уже была заложена в истории его народа. Она постоянно шевелилась в их внутреннем мире. И его раса поймет, почему все было проведено по древнему обряду: отметка на сырой земле, песня; лук, которого не касалась сталь; смертельная стрела с каменным наконечником; пух морской утки на жертве. Они увидели бы круг, а тот, в свою очередь, привел бы их к иному пониманию его поступков и поведения.

А что хокваты? Их примитивные времена не тянулись в прошлое так далеко, хотя были гораздо более жестокими. Свою жестокость сейчас они скрыли под покровом осведомленности и потому могли и не понять значения обряда, проведенного Катсуком. Его понимание могло прийти только с духовной стороны. Так что большая часть сути смерти Невинного белыми могла быть упущена и совершенно не понята.

- Я и вправду стал Похитителем Душ! - сказал Катсук. И только сейчас до него дошло, что слова эти были произнесены громко гораздо позднее того, как вообще были сказаны.

- Что ты сказал? - сонным голосом спросил мальчик.

- Духи создали меня.

- Ты снова заболел, Катсук? - Мальчик тут же вскочил, в голосе неподдельная забота.

- Нет, Хокват. На мне больше нет Кедровой немочи.

Но тело его корчило в муках.

Он думал:# Осталось только одно. Невинный сам должен попросить меня послать стрелу. Он должен показать свою готовность. Он должен высказать мне свое духовное желание.

##И беззвучно Катсук молил:

" О, Дающий Жизнь! Покажи себя сейчас всемогущим. Дополни круг. Направь все по пути своего всеведения."

Где-то далеко, вниз по течению реки, за спиной Катсука зашумели люди. Слова были непонятны, но в них чувствовалась угроза.

Дэвид встрепнулся:

- Что это было?

Катсук даже не обернулся на шум. Он подумал:# Все должно решиться именно сейчас.

- ##Искатели обнаружили нас, - сказал он.

- Идут люди?

- Твои люди, Хокват.

- Ты уверен?

- Уверен. Я ходил по лесу и вышел на поляну. Там были разбиты палатки. Люди из того лагеря на рассвете будут здесь.

Дэвид слушал его слова с нарастающим чувством паники.

- Так что мы будем делать?

- Мы?

- Тебе надо бежать, Катсук!

Говоря это, Дэвид чувствовал в своих словах смесь правоты и бессмысленности. Но желание сбежать было еще сильнее.

- Зачем нам надо бежать? - спросил Катсук. Он прямо ощущал, как дух ведет мысли мальчика через лабиринт паники.

- Нельзя, чтобы тебя схватили!

Катсук ответил с полнейшим спокойствием, данным ему его духом:

- Куда мне бежать? Я все еще болен Кедровой немочью. Я не смогу уйти далеко.

Дэвид сорвал с себя одеяло, вскочил на ноги. Но спокойствие индейца обескуражило его.

- Я... Я помогу тебе!

- Зачем тебе помогать мне?

- Потому что... потому что они...

- Потому что они убьют меня?

Как этот человек может быть таким спокойным? - ##спросил Дэвид сам себя. И он выпалил:

- Катсук! Но ведь тебе надо бежать!

- Я не могу.

- Но ты должен! - Мальчик скатал одеяло и перебрал его Катсуку через костер. - Вот! Забирай одеяло и спрячься в холмах. Там должно найтись место, где можно спрятаться. А я им скажу, что ты ушел еще вчера.

- Зачем тебе делать это?

Эта терпеливость Катсука опять наполнила Дэвида паникой. Он быстро сказал:

- Потому что я не хочу, чтобы тебя схватили и... и посадили в тюрьму.

- Хокват, Хокват, - Катсук укоризненно покачал головой. -

Кроме последних нескольких недель я всю жизнь провел в клетке.

Теперь мальчик уже безумствовал:

- Но ведь они же посадят тебя в тюрьму!

- Нет, меня убьют.

Дэвид тут же почувствовал его правоту. Катсук убил человека. Мальчик сказал:

- А я им не расскажу про того парня.

- Какого... парня...?

- Ну ты же знаешь. Путешественник, тот парень, которого ты... Ты сам знаешь! - # Почему Катсук строит из себя дурака?

- Они меня убьют не за то, а потому что я тебя похитил.

- Я скажу им... Я скажу им, что пошел добровольно.

- Ты сделаешь так?

- Да!

Катсук думал: # Так! Сейчас духи ведут нас обоих! ##Невинный пока еще не попросил для себя освященной стрелы. Он еще не готов. Но круг уже замыкается.

- А как насчет моего послания? - спросил он.

- Какого послания? - # Ну вот, опять он сходит с ума!

- ##Мое духовное послание, которое я должен передать всему миру# , - ##напомнил индеец.

- Плевать я хотел на твое послание! Передавай его! Только

не дай им схватить себя!

Катсук кивнул. Свершилось!

- Так значит ты желаешь этого? Это твое желание, # духов-
ное ##желание, чтобы я передал свою весть?

- Да! Да! Только поторопись! Я слышу, как они уже идут!

Катсук почувствовал, как спокойствие охватило все его тело с ног до головы. Теперь он проговаривал необходимые священные формулы, как тот, кто заботливо подготавливает священное жертвоприношение.

- Хорошо, Хокват! Я восхищен твоим мужеством, твоими красотой и Невинностью. Ты великолепен. Никто из людей не сомневается в этом. Пусть же все люди и все духи...

- Поторопись, Катсук, - шептал мальчик. - побыстрее.

- Пусть же все люди и все духи, - повторил Катсук, - увидят твои достоинства, Хокват. Сядь, пожалуйста, и обожди. А я пойду.

Со вздохом облегчения мальчик уселся на бревно у самого входа в убежище.

- побыстрее, - шептал он. - Они близко. Я уже слышу их.

Катсук склонил голову, прислушался. Да, в темноте звучали голоса, но еще никого не было видно, можно было только определить направление звуков. Тем же самым формальным, сухим тоном он сказал:

- Хокват, твой друг Катсук прощается с тобой.

- До свидания, Катсук, - прошептал мальчик.

Теперь уже быстро, потому что в воздухе уже установилась предрассветная тишина, и можно было видеть вспышки фонариков искателей, передвигающихся между деревьями, Катсук отпрыгнул в тень молоденькой елки, на которой он укрыл лук и стрелу. Бормоча под нос молитвы, он надел на лук тетиву из моржовых кишок. Лук дрожал в его руках, потом успокоился, почувствовав духовную силу. Нет, и вправду это был божественный лук! Индеец положил стрелу на тетиву. Его зрение сфокусировалось на бесконечности этого мгновения.

Над головой вскрикнула какая-то птица.

Катсук даже радостно ахнул. Даже звери в этом лесу знают, что момент настал. он чувствовал, как сила духа прошла по всем его мышцам. он повернулся в сторону укрытия, ощущая, как рассветный мир выходит из платиново-серого мрака. он видел, как мальчик сидит возле костра, закутавшись в одеяло, с опущенной головой - тело, готовое уйти из этого мира.

Хотя ему и не было этого слышно, Катсук знал, что мальчик плачет. Хокват проливал духовные слезы по этому миру.

Катсук натянул лук, так как учил его дед. Большой палец ощущал выемку на стреле, неполированную гладкость кедра. Все его чувства вобрали в себя это мгновение - река, ветер, мальчик, лес, Катсук... все вместе. И в этот колдовской миг, чувствуя лук частью своего тела, Катсук отпустил стрелу. Тетива из моржовых кишок сказала "# щелк!". ##Теперь же он слышал свист летящей к убежищу стрелы, направленной точно Хоквату в грудь.

Мальчик дернулся всего лишь раз и повалился назад.

Для самого же Дэвида это мгновение заключало в себя только неожиданный взрыв в сознании: # Он сделал это! ##Боль была значительно меньше, чем чувство того, что его предали. Летя за именем, которое бы звучало как не# Хокват##, мальчик погрузился в вечный мрак.

Катсук почувствовал в груди острую тоску. И он сказал:

- Вот все и сделано, Похититель Душ,

Выверяя каждый свой шаг, Катсук подошел к приюту. Он гля-

дел на стрелу в груди Хоквата. Сейчас круг замкнулся. Выстрел был точным, прямо в сердце. Смерть быстро пришла к Невинному.

Катсук ощутил, как уходят древние наблюдатели из мира духов. Он же остался один, неподвижный, поглощенный лишь тем, что сотворил сам - смертью.

В усиливающемся рассветном сиянии стало заметно, как легли складки одежды на теле Хоквата. Рука его протянулась к кострищу, из которого подымался дымок. И создавалась иллюзия будто мальчик улетел с этим дымком. Мальчик ушел. Невинный оставил этот мир в сопровождении древних воинов. Все произошло так, как требовал обряд.

Только теперь Катсук услышал искателей. Они переходили речку по затопленным стволам. Через минуту-другую они будут здесь. Только зачем?

По щекам Катсука покатались слезы. Он отбросил лук, перескочил костер, опустился на колени и поднял маленькое тело.

Когда шериф Паллатт с поисковиками вышел к заброшенному лесному приюту, Катсук сидел, держа тело Хоквата на руках. Он баюкал мертвого мальчика будто маленького ребенка. Раскачиваясь взад и вперед, он пел Песню Смерти для своего друга. В сыром воздухе вокруг них летали хлопья белого пуха.

КОНЕЦ

Перевод: МАРЧЕНКО Владимир Борисович
4.07.1995

Перевод сделан по изданию: FRANK HERBERT
SOUL CATCHER Copyright - 1972
BERKLEY BOOK - 1979

Фрэнк Херберт. Ловец душ.
перевод с англ. - В.Б. Марченко.
Herbert, Frank (Patrick). Soul Catcher.